

ISSN 2072-8220

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 2 (42)

Ekonomichesky
Zhurnal

Москва 2016

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научное издание

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Минаев Валерий Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий Кафедрой мировой политики и международных отношений РГГУ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Жиромская Валентина Борисовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, председатель Научного Совета РАН по исторической демографии и исторической географии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алехин Борис Иванович – доктор экономических наук, профессор, профессор Академии бюджета и казначейства Министерства финансов России, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН.

Безруков Леонид Алексеевич – доктор географических наук, заведующий Лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения РАН (Иркутск).

Борох Николай Викторович – доктор экономических наук, профессор Кафедры экономики и финансов Факультета экономических и социальных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Буланова Марина Борисовна – доктор социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Социологического факультета РГГУ.

Буховец Олег Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий Кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь).

Гельвановский Михаил Иванович – доктор экономических наук, профессор, заведующий Кафедрой мировой экономики Экономического факультета РГГУ.

Голдман Венди З. – доктор исторических наук, профессор Кафедры истории Университета Карнеги – Меллона (Питтсбург, США).

Дробижева Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор Института социологии РАН, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН.

Липкова Людмила – профессор Факультета международных отношений Братиславского экономического университета (Братислава, Словакия).

Нестеренко Юлия Николаевна – доктор экономических наук, профессор, заведующая Кафедрой финансов и кредита Экономического факультета РГГУ, декан Экономического факультета РГГУ.

Погудаева Марина Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующая Кафедрой теоретической и прикладной экономики Экономического факультета РГГУ.

Прокофьева Татьяна Юрьевна – доктор экономических наук, профессор Кафедры теоретической и прикладной экономики Экономического факультета РГГУ.

Сенин Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций РГГУ.

Стрелецкий Владимир Николаевич – доктор географических наук, заведующий Отделом социально-экономической географии Института географии РАН.

Тархов Сергей Анатольевич – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В. Ломоносова.

Тощенко Жан Терентьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий Кафедрой теории и истории социологии Социологического факультета РГГУ, декан Социологического факультета РГГУ, член-корреспондент Российской Академии Наук.

Шевченко Борис Иванович – доктор экономических наук, профессор Кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ.

Журнал основан в 2001 г.

Подписной индекс по федеральному каталогу «Урал-Пресс» ВН011057

Адрес редакции: 121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67.

Электронная почта: nivestnik@yandex.ru / Адрес сайта: www.economicarggu.ru

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

Scientific Edition

EDITOR-IN-CHIEF

Valeriy V. Minaev – Doctor of Economics, Professor, Head of Department of World Politics and International Relations, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

DEPUTY CHIEF EDITOR

Valentina B. Zhiromskaya – Doctor of History, Leading Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Chairman of the Scientific Council on Historical Demography and Historical Geography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD

Boris I. Alekhin – Doctor of Economics, Professor, Budget and Treasury Academy of the Ministry of Finance of the Russian Federation; Leading Researcher, Institute of USA and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Leonid A. Bezrukov – Doctor of Geography, Head of Laboratory of Resource Management and Political Geography, V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russia).

Nikolay V. Borokh – Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Finance, Faculty of Economic and Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

Oleg G. Bukhovets – Doctor of History, Professor, Head of Department of Political Science, Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).

Marina B. Bulanova – Doctor of Sociology, Senior Lecturer, Department of Theory and History of Sociology, Sociology Faculty, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail I. Gelvanovskiy – Doctor of Economics, Professor, Head of Department of World Economy, Faculty of Economics, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Wendy Z. Goldman – Doctor of Historical Science, Professor, Department of History, Carnegie Mellon University (Pittsburgh, USA).

Leokadiya M. Drobizheva – Doctor of History, Professor, Honorary Doctor of the Institute of Sociology, Director of the Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Ludmila Lipkova – Professor, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovak Republic).

Yuliya N. Nesterenko – Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Finance and Credit, Faculty of Economics, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Marina Yu. Pogudaeva – Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Economics, Faculty of Economics, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Tatyana Yu. Prokofeva – Doctor of Economics, Professor, Department of Theoretical and Applied Economics, Faculty of Economics, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Alexander S. Senin – Doctor of History, Professor, Department of History of State and Public-Service Institutions, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Boris I. Shevchenko – Doctor of Economics, Professor, Department of World Politics and International Relations, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Vladimir N. Streletskiy – Doctor of Geography, Head of Department of Social and Economical Geography, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Sergey A. Tarkhov – Doctor of Geography, Leading Researcher, Department of Social and Economical Geography of Foreign Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Zhan T. Toshchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Theory and History of Sociology, Sociology Faculty, Russian State University for the Humanities; Corresponding Member of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Boris I. Shevchenko – doctor of Economics, Professor of Chair of world politics and international relations at the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

The Journal was found in 2001

E-mail address: nivestnik@yandex.ru / Web-site: www.economicarggu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Гургенидзе В.Т.</i> Процесс формирования системных рисков и причины их возникновения	6
<i>Дозмаров К.В.</i> Экономические методы в борьбе с картелями	15
<i>Алексеев А.Г., Ипполитов С.С.</i> Экономика Гражданской войны в России: проблемы изучения в 1930–1980-х гг.	32

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

<i>Муханова И.В.</i> Инвестиционная политика предприятий машиностроительного комплекса России в условиях экономических санкций	46
<i>Полянская Е.С.</i> Развитие транспортной системы Крыма во второй половине XIX в. – 1914 г.	58
<i>Графова И.Л., Емельянов Р.А.</i> Экономическая безопасность коммерческого банка как элемента банковской системы страны	73
<i>Красовская Н.А.</i> Генезис конгрессного туризма и факторы, определяющие его развитие	79

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Алехин Б.И.</i> Цена на нефть и экономический рост России	86
<i>Шевченко Б.И.</i> Парадигмы взаимосвязи мировой политики и мировой экономики в современном мире	103
<i>Абдуллаева М.Г.</i> Повышение эффективности фискальных механизмов стимулирования экономического роста	117

АВТОРЫ НОМЕРА И АННОТАЦИИ СТАТЕЙ	130
---	-----

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

<i>Gurgenidze V.T.</i> The Process of formation of systemic risks and their causes	6
<i>Dozmarov K.V.</i> Economic methods in the fight against cartels	15
<i>Alekseev A.G., Ippolotov, S.S.</i> The Economics of Civil war in Russia: problems of study in the 1930 – 1980s.	32

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

<i>Mukhanova I.V.</i> The investment policy of Russian machine-building enterprises in the conditions of economic sanctions	46
<i>Polyanskaya E.S.</i> Development of transport system of Crimea in the second half of the XIX century – 1914	58
<i>Grafova I.L., Emelyanov R.A.</i> Economic security of the commercial bank as one of the national banking system elements	73
<i>Krasovskaya N.A.</i> Genesis of the congress tourism and factors that determine its development	79

THE WORLD ECONOMY

<i>Alyokhin B.I.</i> Price of oil and economic growth of Russia	86
<i>Shevchenko B.I.</i> Paradigms of interrelation of world politics and world economy in the modern world	103
<i>Abdullaeva M.G.</i> Increase of efficiency of fiscal mechanisms of stimulation of economic growth	117

AUTHORS & SUMMARIES	136
--------------------------------------	------------

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМНЫХ РИСКОВ И ПРИЧИНЫ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Риск представляет собой неотъемлемую часть политической и социально-экономической жизни общества, которая неизбежно сопровождает все направления деятельности национальной финансовой системы. Системные риски несут наибольшую опасность для стабильности экономики государства. Сегодня не сформировано единой точки зрения на сущность системных рисков ни среди научного сообщества, ни на политической арене. А все трактовки данной экономической категории ограничиваются определенным общим осмыслением системных рисков как вероятности возникновения негативных каскадных процессов (эффектов домино) в финансовых системах, которые могут возникать как от внешнего взаимодействия экономических агентов, так и от серьезных кризисных ситуаций¹.

Проблема в том, что не учитывается тот факт, что в современных условиях глобализации и высокого уровня взаимосвязи мировой финансовой системы сущность системного риска трансформировалась и представляет собой комплексное понятие, которое должно учитывать любые даже минимальные характерные особенности финансовых рынков, включая нестабильность на финансовом рынке в результате несбалансированности регулятивного воздействия и некорректных управленческих решений в отдельных кредитных организациях².

Вопросы происхождения и оценки системных рисков, а также их влияния на устойчивость отдельных финансовых институтов и финансовой системы в целом рассматривались в различных работах российских и зарубежных авторов.

Банки всегда были наиболее важными финансовыми посредниками в экономике, обеспечивая трансформацию ликвидности и денежные безналичные расчеты.

Сбой банковской системы может оказаться очень дорогостоящим для реальной экономики, как проиллюстрировал ряд финансовых кризисов за несколько последних десятилетий, включая мировой кредитный кризис и кризис ликвидности 2007-2009 годов. Поэтому финансовые регуляторы и центральные банки посвятили много усилий мониторингу и регулированию банковской системы. Такое регулирование обычно фокусировалось на обеспечении устойчивости индивидуальных банков. В последнее время

происходит переход к фокусированию на стабильности банковской системы в целом, что получило название макро-пруденциальный банковский надзор³. Например, Гудхарт и другие (2005, 2006⁴), Гудхарт (2006)⁵ и Легар (2005)⁶ предложили меры измерения финансовой нестабильности, которые используют и индивидуальный, и совокупный уровни. На международном уровне программа активно действует МВФ и Мировой банк с целью увеличения эффективности усилий по продвижению устойчивости финансовой системы в странах-членах МВФ.

Чтобы оценить здоровье финансовой системы должны быть заданы два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, как измерить системный риск финансовой системы, где системный риск определен как многократные одновременные невыплаты крупных финансовых учреждений? Во-вторых, как оценить уязвимость финансовой системы к потенциальным рискам?

Чтобы ответить на первый вопрос традиционно фокусируются на балансовых отчётах банков, а именно, на соотношении проблемных кредитов, доходе и прибыльности, соотношении ликвидности и капитала. Однако учитывая, что балансовая информация доступна относительно не часто (обычно ежеквартально) и часто со значительной задержкой, последнее время прикладываются дополнительные усилия, чтобы измерять устойчивость финансовой системы на основании информации с финансовых рынков. Например, Чан-Лау и Гравель (2005)⁷ и Авесани и другие (2006)⁸ предложили рассматривать банковскую систему как портфель и использовать энную вероятность к неплатежу, чтобы измерять системный риск, используя информацию с фондового рынка или данные с рынка кредитно-дефолтных свопов, использующих современную портфельную технологию кредитного риска. Аналогично, Легар предложил измерять системный риск как вероятность числа одновременных неплатежей (дефолтов) банков. У метода, основанного на рыночных показателях, есть два главных преимущества. Во-первых, они могут своевременно обновляться на основании актуальных рыночных данных. Во-вторых, они обычно являются прогнозируемыми, и движение цены актива отражает изменения в ожиданиях рынка по поводу будущей эффективности предприятий, которая лежит в их основе.

В рамках второго подхода – стресс-тестирование является популярным инструментом управления рисками, чтобы оценить потенциальное влияние экстремального явления на финансовую фирму или финансовый сектор(1). Осуществление стресс-тестирования обычно состоит из двух основных шагов. В первом этапе, используется экономическая модель, чтобы исследовать динамические связи между качеством актива и базовыми ведущими факторами (макрофинансовые переменные или скрытые факторы). На втором этапе, сценарии стресс-тестирования (или исторические или гипотетические), которые основываются на чрезвычайных движениях ведущих факторов, добавляются в модель, чтобы оценить упругость финансового сектора. Авесани и другие (2006) и Басурто

и Падила (2006)⁹, предлагают инструменты стресс-тестирования на финансовом секторе, используя основанную на рынке информацию.

Татьяна Унковская в своей работе «Системные риски и макропруденциальная политика»¹⁰ рассматривает системный риск как угрозу, которая возникает ввиду фундаментальной уязвимости финансовой системы страны. В зависимости от глубины диспропорций в национальной экономике более сильные или совсем слабые шоки способны привести к кризисам различной степени тяжести. При этом, по мнению автора, попытки властей регулирования отдельных участников рынка может усугубить проблему.

Для корректной оценки и контроля системного риска Т. Унковская предлагает построение корректной системы пруденциального надзора за национальной экономикой. Достигается это путем создания специализированных учреждений, которые должны, координируя свои действия с иными регулирующими институтами страны, заранее прогнозировать потенциальные риски для всех видов финансовых институтов и вводить обязательные нормы для обеспечения стабильности и безопасности. В идеале, подобную работу необходимо также координировать и на международном уровне.

Далеко не лучшим решением автор считает создание мегарегулятора, поскольку ошибки или же намеренное оппортунистическое поведение системного института могут привести к непредсказуемому росту системного риска.

И. В. Пашковская в своей статье «Системный риск и комплекс мер по его выявлению и сдерживанию»¹¹ отмечает, что для развивающихся стран характерны три источника системного риска.

Во-первых, это риски переливов и инфекций от международных рынков (прекращение притока капитала, перебои поступления иностранной валюты, финансовые трудности местных бюджетов).

Во-вторых, внутренние кредитные и рыночные риски в результате быстрого роста кредитования.

В-третьих, риски внутренней инфекции, переливов капитала, возникающих в результате внутренних факторов (распродажа активов).

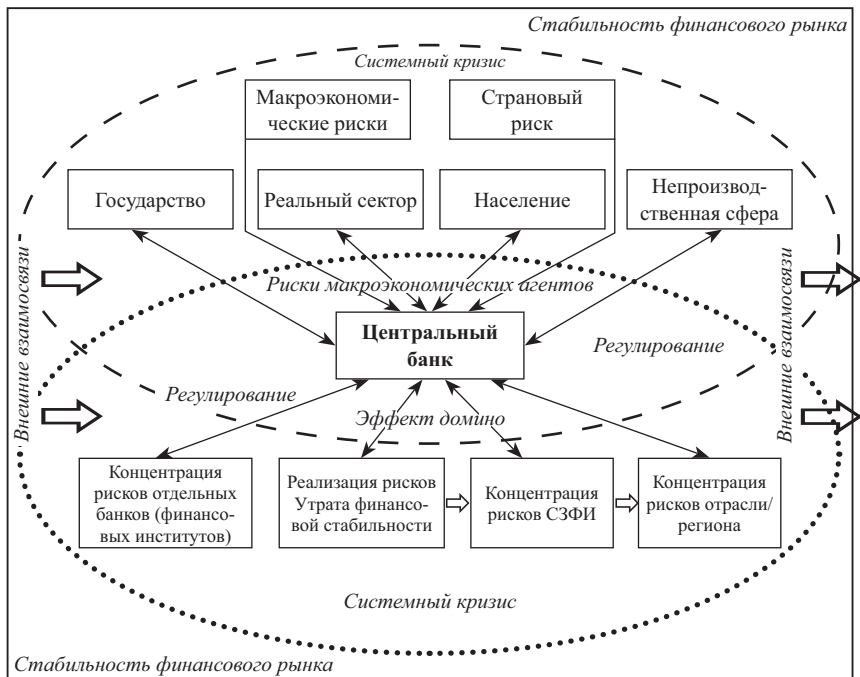
По мнению автора, системный риск формируется как совокупный риск, включая в себя, кредитный риск, риск ликвидности и рыночный риск, а также за любая концентрация этих рисков в определенном секторе, таком как жилищный или потребительский кредит.

Форма вмешательства государства для уменьшения системного риска может быть различной, но условно подразделяется на четыре группы:

- меры, нацеленные на контроль за потоками капитала;
- интервенции на валютном рынке и политика накопления валютных резервов;
- меры, направленные на укрепление банковских балансов и капитальной базы банков;

- меры, нацеленные на повышение качества предоставляемых кредитов, призванные проконтролировать рост кредитования и направления размещения кредитов.

По мнению автора, с учетом сложности и многоплановости понятие *системные риски финансового рынка* представляет собой риски возможных потерь национальной экономической системы, которые могут быть связаны, во-первых, с накоплением кризисных явлений в деятельности отдельных кредитных организаций и других финансовых институтов, во-вторых, с отрицательным отклонением результатов мегарегулятивной деятельности Центробанка от законодательно возложенных на него функций и установленных задач и целей. Процесс формирования системного кризиса представлен на рисунке 1.

Отметим, что в связи с предложенным нами уточнением определения системных рисков важную роль в их возникновение и масштабе распространения наряду с ЦБ играют все элементы регулятивного воздействия финансовой системы, прежде всего, системно значимые финансовые институты, ослабление концентрации и эффективности которых может привести к увеличению их негативного влияния на функционирование национального финансового рынка в целом.

Следует отметить, что уровень системного риска может увеличиваться в результате таких условий, как: некомпетентность руководящего состава или ответственных сотрудников банков, вытекающие в неспособность принятия ими правильных управленческих решений по реализации неотложных и необходимых мероприятий; неправильная реализация вновь возникающих задач при условии отсутствия необходимой квалификации; неожиданное и/или внезапное проявление неблагоприятных ситуаций; несовершенная нормативно-законодательная база, что ограничивает возможности для принятия оптимальных для существующих условий решений; некорректные регулятивные действия Центробанка.

В процессе формирования системных рисков следует помимо внешнего аспекта учитывать возможность, так называемых, вирусных эффектов, которые обладают эндогенным характером и способностью при помощи эффектов каскада (или домино) распространяться на всю систему. Ученые признают, что картина развития и наступившие затем последствия мирового финансового кризиса 2008 г. показала вероятность возникновения системного кризиса из-за наличия эндогенных дисбалансов, накапливающихся со временем и вызывающих значительные проблемы в других взаимосвязанных финансовых организациях, отрасли, регионе, перетекающие в проблемы на национальных и мировом финансовых рынках.

Кроме того, можно наблюдать возможность возникновения системного риска из-за внутренних причин финансового рынка. При этом предпосылками для широкого распространения можно назвать ошибочную оценку эндогенных рисков при наличии тесной взаимосвязи финансовых систем: единый источник финансирования, заключение одного контракта для нескольких участников финансового рынка, информационная асимметрия, рост финансовых дисбалансов, валютное несоответствие и другие.

Таким образом, системные риски связаны с рисками возможных потерь, которые могут быть связаны с эффектом домино (или каскада) в финансовой системе, если кризис одного субъекта финансового рынка (реального сектора экономики) может в расширяющемся объеме передаваться на другие сегменты (субъекты) экономической системы, охватывая постепенно охватывая все большую долю финансового рынка. Кроме того, возможно также перетекание кризиса национального финансового рынка в одном государстве в другую страну. В 2008 г. можно было наблюдать разрастание системного кризиса в США из-за надувания «ипотечного пузыря», который впоследствии распространился по всему миру. В 2015 г. аналитики отмечают признаки зарождения мирового финансового кризиса в Китае, что характеризуется образованием «пузырей» на фондовом рынке и рынке недвижимости Китая^{12, 13, 14}.

Немаловажное значение среди факторов системных рисков имеет такая ситуация, которая связана с кризисом доверия среди потенциальных инвесторов, в результате которого на финансовом рынке формируется

ситуация общей неликвидности. Помимо прочего, высокая концентрация на финансовом рынке различных видов рисков способна вызвать системные риски. Концентрация рисков представляет собой сосредоточение рисков, которые формируют вероятность возникновения ущерба в объеме, способном потенциально угрожать финансовой стабильности отдельных групп экономических агентов и/или финансовой системе.

Кризис, тем более системный, способен спровоцировать не только прямые экономические убытки, но и к косвенным, которые связаны с упущенными возможностями финансово-экономической деятельности. Как вытекает из результатов исследования предыдущего раздела, системные кризисы обусловлены потенциальной опасностью возникновения ситуаций, когда ответная реакция экономических агентов на проявляющиеся кризисные ситуации способствуют не улучшению ситуации, а к росту общей нестабильности¹⁵. Все вышеизложенное позволило нам провести систематизацию причин возникновения системных кризисов в современных условиях, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Систематизация причин возникновения системных рисков финансового рынка^{16, 17, 18, 19}.

Обобщение по	Характеристика причин
источнику причины возникновения	Внешние Внутренние
масштабам причин возникновения	Микроэкономические Причины, связанные с управленческой составляющей (квалификация менеджеров и сотрудников, возможности аттестации); Причины, связанные с организационной составляющей: Структура управления в финансовых организациях, построение информационно-аналитических систем, технические причины, связанные со сбоями в системах, уровень развития инфраструктуры, развитая сеть партнеров по финансовой деятельности Макроэкономические причины Причины, связанные с финансовыми организациями, прежде всего, системно значимые финансовые институты Причины, связанные с клиентами финансовых организаций (их платежеспособность, стабильность расчетов, объемы потребляемых финансовых услуг)
периодичности причины возникновения	Долгосрочные причины, связанные со структурными сдвигами экономической системе (изменение потребления, объема инвестиционных вложений, уровнем инновационности).

Обобщение по	Характеристика причин
	Циклические причины, связанные с колебаниями деловой активности субъектов хозяйствования, прежде всего, реального сектора экономики Случайные (и/или чрезвычайные) причины, связанные с некими отдельными событиями, носящими масштабный характер (катастрофы, чрезвычайные ситуации) Сезонные причины, обусловленные сезонными видами производства крупнейших вкладчиков (кредиторов)
возможности оценки и прогнозирования вероятности возникновения	Непредсказуемые Прогнозируемые
принадлежности к финансовому рынку	Нефинансовые причины, связанные с деятельностью экономических агентов (банкротство крупных предприятий, изменение законодательства, падение доходов населения) Финансовые причины, связанные с деятельностью различных финансовых институтов (низкий уровень показателей финансовой стабильности, ликвидности, производительности труда)

Распространение кризисных ситуаций можно объяснить при помощи эффекта финансового акселератора, действие которого способствует ухудшению финансового положения владельцев капитала в ограниченный промежуток времени, а в долгосрочном периоде приводит к образованию финансовой неустойчивости банков. Кроме того, можно выделить две группы факторов, которые определяют системные риски финансового рынка:

- организационные особенности финансового рынка, которые детерминируют распространение системных рисков²⁰;
- экономические стимулы, детерминирующие поведение субъектов финансового рынка и приводящие к концентрации системных рисков²¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в действительности чаще всего можно наблюдать не отдельные причины, а сочетание нескольких причин возникновения системных рисков. Это связано с тем, что финансовый рынок, который характеризуется множеством разнообразных взаимосвязей между финансовыми институтами, в настоящее время является весьма неустойчивым, что делает его уязвимым со стороны системных кризисов. Кроме того, факторы, детерминирующие появление и развитие системных рисков, приобретают новые количественные характе-

ристики и качественные свойства, сочетание которых способно спровоцировать вероятность возникновения новых источников системных рисков. Вышеизложенное говорит о необходимости формирования новых и совершенствованию существующих подходов к процессам их регулирования, что, в свою очередь, подразумевает всестороннюю и комплексную оценку системных рисков.

Примечания

- ¹ *Battiston S., Gallegati M., Greenwald B., Stiglitz J.* Liaisons Dangereuses: Increasing Connectivity, Risk Sharing and Systemic Risk // *Journal of Economic Dynamics & Control*. 2012. № 36.
- ² *Herd R.; Hill S.; Pigott C.* China's Financial Sector Reforms. OECD Economics Department Working Papers No. 747. – 46 p
- ³ *Borio C.* 2003. Towards a macro-prudential framework for financial supervision and regulation? BIS Working Paper No. 128.
Borio, C. 2006. Monetary and financial stability: Here to stay? *Journal of Banking and Finance* 30, 3407–3414.
- ⁴ *Goodhart C., Sunirand P., Tsomocos D.* 2005. A risk assessment model for banks. *Annals of Finance* 1, 197–224.
Goodhart C., Sunirand P., Tsomocos D. 2006. A model to analyse financial fragility. *Economic Theory* 27, 107–142.
- ⁵ *Goodhart C.* 2006. A framework for assessing financial stability? *Journal of Banking and Finance* 30, 3415–3422.
- ⁶ *Lehar A.* 2005. Measuring systemic risk: A risk management approach. *Journal of Banking and Finance* 29, 2577–2603.
- ⁷ *Chan-Lau J. A., Gravelle T.* 2005. The End: A new indicator of financial and nonfinancial corporate sector vulnerability. IMF Working Paper No. 05/231.
- ⁸ *Avesani R., Pascual A. G., Li, J.* 2006. A new risk indicator and stress testing tool: A multifactor Nth-to-default CDS basket. IMF Working Paper No. 06/105.
- ⁹ *Basurto M. S., Padilla, P.* 2006. Portfolio credit risk and macroeconomic shocks: Applications to stress testing under data-restricted environments. IMF Working Paper No. 06/283.
- ¹⁰ *Унковская Т.* «Системные риски и макропруденциальная политика», *Журнал Экономическая теория*. 2014 г., N 1.
Unkovskaja T. «Sistemnye riski i makroprudencial'naja politika», *Zhurnal Jekonomicheskaia teorija*. 2014 г., N 1.
- ¹¹ *Пашковская И.В.* «Системный риск и комплекс мер его выявления и сдерживания», *Проблемы сбалансированности и стабильности экономики России [Сборник трудов XV Международной межвузовской научно-практической конференции «Виттевские чтения-2014»] / колл. авт. – М.: ЧОУ ВПО МБИ, 2014. 336 с.*
Pashkovskaja I.V. «Sistemnyj risk i kompleks mer ego vyjavlenija i sderzhivanija», *Problemy sbalansirovannosti i stabil'nosti jekonomiki Rossii* [Sbornik trudov XV

- Mezhdunarodnoj mezhhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Vittevskie chtenija-2014»] / koll. avt. – М.: ChOU VPO MBI, 2014. 336 s
- ¹² *Claessens S., Kodres L.* IMF Working Paper “The Regulatory Responses to the Global Financial Crisis: Some Uncomfortable Questions”. March 2014. WP/14/46.
- ¹³ *Верников А.В.* Сравнительный анализ российской и китайской моделей банковских систем: пять лет спустя // Проблемы прогнозирования. 2015. №2. С.108-120.
Vernikov A.V. Sravnitel'nyj analiz rossijskoj i kitajskoj modelej bankovskih sistem: pjat' let spustja // Problemy prognozirovanija. 2015. №2. S.108-120.
- ¹⁴ *Молчанов О.В.* Пути совершенствования банковского кредитования реального сектора экономики // Социально-экономические явления и процессы. 2014. №3. С.76-80.
Molchanov O.V. Puti sovershenstvovanija bankovskogo kreditovanija real'nogo sektora jekonomiki // Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy. 2014. №3. S.76-80.
- ¹⁵ *Aglietta M.* Financial Market Failures and Systemic Risk // Document de travail CEPII. 1996. № 1.
Aglietta M. L'ambivalence de l'argent // Revue Francaise d'Economie, etc 1988.
- ¹⁶ *Любкина Е.* Усиление системных рисков глобальной финансовой системы и трансформация регуляторной модели в финансовом секторе // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. Серія: Економіка . 2011. №127. С. 9-13.
Ljubkina E. Usilenie sistemnyh riskov global'noj finansovoj sistemy i transformacija reguljatornoj modeli v finansovom sektore // Visnik Kiiivs'kogo nacional'nogo universitetu im. Tarasa Shevchenka. Serija: Ekonomika . 2011. №127. S.9-13.
- ¹⁷ *Мариев О.С.* Системные Банковские риски как основа типологизации причин банковских кризисов // Вестник ЧелГУ . 2009. №19. С.28-30.
Mariev O.S. Sistemnye Bankovskie riski kak osnova tipologizacii prichin bankovskih krizisov // Vestnik ChelGU . 2009. №19. S. 28-30.
- ¹⁸ *Самсонов М.И.* Системный риск в контексте реализации дистанционного мониторинга деятельности банков // БИ. 2013. №2. С.272-275.
Samsonov M.I. Sistemnyj risk v kontekste realizacii distancionnogo monitoringa dejatel'nosti bankov // BI. 2013. №2. S. 272-275.
- ¹⁹ *Ягодкина В.М., Хахалов О.И.* Проблема обеспечения ценных бумаг и накопление системного риска в мировой экономике // Известия ИГЭА . 2012. №3. С.117-121.
Jagodkina V.M., Hahalov O.I. Problema obespechenija cennyh bumag i nakoplenie sistemnogo riska v mirovoj jekonomike // Izvestija IGJeA . 2012. №3. S. 117-121.
- ²⁰ *Говтвань О.Дж., Мансуров А.К.* Системный риск в финансовой сфере: теоретический анализ и подходы к оцениванию // Проблемы прогнозирования. 2011. № 2.
Govtvan' O.Dzh., Mansurov A.K. Sistemnyj risk v finansovoj sfere: teoreticheskij analiz i podhody k ocenivaniju // Problemy prognozirovanija. 2011. № 2.
- ²¹ *Говтвань О.Дж., Мансуров А.К.* Макроэкономический анализ системного риска в финансовой сфере // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 3 (64).
Govtvan' O.Dzh., Mansurov A.K. Makrojekonomicheskij analiz sistemnogo riska v finansovoj sfere // Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. 2011. № 3 (64).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В БОРЬБЕ С КАРТЕЛЯМИ

Рыночные предпосылки картелизации

Отношение к картелям, как к методу ведения хозяйственной деятельности, в экономической науке менялось на протяжении истории XIX и XX веков, пришедшихся на бурное развитие капитализма в его монополистической стадии, от превозношения к крайнему неприятию.

Изменению отношения к картельным соглашениям и утверждению на сегодняшний день негативной оценки влияния подобной формы ведения хозяйственной деятельности на экономику способствовало осознание экономистами простого факта: свободная и ничем не сдерживаемая конкуренция в конечном итоге порождает монополию, так как любому виду конкуренции имманентно присущ принцип *«выживает сильнейший»*. Превращение конкуренции в монополию представляло из себя одно из важнейших явлений в экономике новейшего капитализма в XIX-XX веках: картели договаривались об условиях продажи, сроках платежа и прочее, они делили между собой области сбыта, они определяли количество производимых продуктов, они устанавливали цены, они распределяли между отдельными предприятиями прибыль и т. д. Картели становились одной из основ всей хозяйственной жизни и из разрозненных и единичных явлений превращались в систему, а для широкого общественного сознания стало само собою разумеющейся истиной, что крупные части хозяйственной жизни изъяты, как общее правило, из свободной конкуренции¹. В руках картелей и трестов сосредоточивается нередко семь-восемь десятых всего производства данной отрасли промышленности. Так, например, Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат при своём основании в 1893 г. концентрировал 86,7% всего производства угля в районе, а в 1910 г. уже 95,4%².

Немецкий экономист Фриц Кестнер в начале XX века проанализировал «борьбу между картелями и посторонними», т. е. не входящими в картель предпринимателями. В своей работе он приводит перечень тех средств борьбы за «организацию», к которым прибегают хозяйствующие субъекты:

1) лишение сырых материалов (*«... один из важнейших приёмов для принуждения к вступлению в картель»*);

2) лишение рабочих рук посредством «альянсов» (т. е. договоров предприятий с профсоюзами о том, чтобы последние принимали работу только на картелизованных предприятиях);

3) лишение подвоза (то есть удар по логистической составляющей бизнеса);

- 4) лишение сбыта;
- 5) договор с покупателем о ведении торговых сношений исключительно с картелями;
- 6) планомерное сбивание цен;
- 7) лишение кредита (в том случае, если картельным соглашением охвачены кредитные организации, банки);
- 8) объявление бойкота (такая форма экономической борьбы, предполагающая полное или частичное прекращение отношений с отдельным предприятием, как, например, отказ покупать продукцию данного предприятия и т.д.)³.

Даже беглого анализа вышеуказанного перечня достаточно для того, чтобы с уверенностью сказать, что методы антиконкурентной борьбы могут устаревать со временем (это, в частности, справедливо для лишения сырых материалов и рабочих рук), однако их основополагающая направленность на монополизацию рынка не претерпевает трансформаций на протяжении веков.

Следует отметить, что массовая картелизация рынков сырьевых продуктов, где картели наиболее распространены, на рубеже XIX-XX вв. являлась следствием отсутствия государственного контроля за состоянием конкуренции, то есть просто «благодаря» отсутствию антимонопольных органов.

Мировой экономический кризис XXI в. заставил экономистов вновь взглянуть на проблему существования картельных соглашений как особой бизнес-модели и способа ведения хозяйственной деятельности, в условиях, когда стремление к заключению антиконкурентных соглашений в гораздо большей степени связано уже не с единственным, обычным и естественным желанием предпринимателей увеличить свою норму прибыли и устранить с рынка конкурентов, а со стремлением просто сохранить свой бизнес на пусть и минимальном, но безубыточном уровне, создав для него своего рода «тепличные условия» и оградив его рамками картельного соглашения от разрушительного влияния конкуренции.

На сегодняшний день ведущими российскими и зарубежными экономистами и юристами в области антимонопольного регулирования признается, что картели являются одной из наиболее опасных разновидностей монополистической деятельности, оказывающих в большинстве случаев негативное влияние, как на отдельных хозяйствующих субъектов, так и на товарный рынок в целом⁴. Данное утверждение справедливо как для картелей продавцов, так и для картелей покупателей.

С экономической точки зрения, *картелем является одна из основных форм соглашений о монополизации рынка, гласное или негласное соглашение группы близких по профилю предприятий*, непосредственно не затрагивающее производственную и коммерческую самостоятельность вступивших в картель предпринимателей и заключающееся с целью ограничения

конкуренции между его участниками, монополизации производства и сбыта (или потребления) того или иного товара, установления на него единой обязательной для всех участников соглашения, монопольной цены, подавления внешней конкуренции со стороны фирм, не участвующих в данном соглашении и получения более высокой, чем средняя, прибыли⁵.

Негативные последствия картеля по сравнению с сопоставимыми условиями конкуренции выражаются в:

- 1) более высоких ценах;
- 2) меньшем объеме сделок в натуральном выражении;
- 3) меньшем суммарном выигрыше покупателей (потребителей);
- 4) более высоких прибылях продавцов;
- 5) чистых потерях благосостояния (суммарный выигрыш покупателей и продавцов);
- 6) торможении нововведений (динамический аспект) в виде снижения издержек и/или улучшения полезных свойств товаров⁶.

С учетом существующего на сегодняшний день в Российской Федерации нормативного регулирования под картелем в настоящее время принято понимать скрытую от третьих лиц договоренность исключительно предпринимателей-конкурентов, основной целью которой является получение монополистической сверхприбыли⁷. Подобная договоренность в большинстве своем (иногда иные участники рынка от присутствия картеля выигрывают, поскольку они имеют возможность взимать более высокие цены на уровне иных участников картеля) приводит к ущемлению интересов потребителей и других, не входящих в картель, хозяйствующих субъектов, а монополизация отрасли достигается не за счет повышения уровня концентрации, а за счет функционирования системы ведения совместной хозяйственной деятельности не аффилированными друг с другом хозяйствующими субъектами. Учитывая, что их результатом может быть ограничение конкуренции, картельные соглашения запрещаются на законодательном уровне государства и, как правило, попадают под категорию запретов *per se*, то есть запретов, для оценки соблюдения которых не требуется доказательств наличия фактического негативного влияния на конкуренцию конкретного вида нарушения антимонопольного законодательства, а требуется только подтверждение факта заключения двумя и более хозяйствующими субъектами антиконкурентного соглашения как такового.

Такая договоренность между конкурирующими предпринимателями, например, о фиксировании цены продаваемого ими продукта или ограничении объема выпуска товара, разделе рынка по определенному критерию, установлению барьеров и прочее, подобен любому иному гражданско-правовому договору, заключаемому между предпринимателями в ходе осуществления хозяйственной деятельности друг с другом, в том смысле, что стороны не заключают его, если не ожидают получить взаимную выгоду от

его реализации. При этом выгода от заключения антиконкурентного соглашения заключается в предельной максимизации прибыли или увеличении собственной доли на рынке. Ни для кого не секрет, что конкуренция, как явление, присущее товарному рынку на определенных стадиях его развития, является одной из главных «статей расхода» любого предпринимателя, заставляющая его снижать собственную норму прибыли, предлагая более выгодную цену на продукцию, инвестировать в совершенствование производства, снижая издержки, повышать качество продукта, расширять товарную номенклатуру и т.д. В этом смысле максимизация прибыли, как основная цель картельного соглашения, достигается путем подавления влияния конкуренции, как основного фактора риска ведения предпринимательской деятельности, вынуждающего предпринимателей тратить колоссальные средства на конкурентную борьбу и обеспечение себе «места под солнцем». В кризисные годы желание обеспечить себе предельные уровни прибыли сменяется желанием либо сохранить собственный сегмент рынка, либо максимально минимизировать его сокращение. Картельное соглашение в этом случае выступает своего рода защитным буфером, позволяющим предпринимателям снизить издержки на конкурентную борьбу, становящуюся особенно бескомпромиссной и жесткой в условиях экономического спада.

Следует отметить, что, несмотря на свою выгодность для участников, картель является крайне неустойчивым рыночным образованием по следующим причинам: во-первых, преследования предпринимателями в первую очередь собственной индивидуальной прибыли и, во-вторых, возможности его раскрытия и применения к участникам крайне болезненных санкций. Данные обстоятельства обуславливают жизненный цикл любого картеля: он существует до тех пор, пока он выгоден каждому его участнику и о его существовании неизвестно третьим лицам, и прекращает свое существование в тот момент, либо когда один или более участников осознают, что им выгодно иное поведение на рынке, нежели то, которое обусловлено «правилами» антиконкурентного соглашения, либо когда картель обнаружен правоохранительными органами.

Осознание невыгодности своего участия в антиконкурентном соглашении может побудить участника предпринять ряд действий, направленных на максимизацию собственных прибылей без оглядки на других участников: начиная с выхода из картеля, заявив о соглашении в правоохранительные органы, заканчивая обманом «партнеров» по картелю без выхода из ононого. Так, прекрасными примерами обоих вариантов поведения участников служат ряд рассмотренных Федеральной антимонопольной службой дел о т.н. «Рыбных картелях»: обстоятельства, описанные Федеральной антимонопольной службой в решениях по делам №№ 1 11/109-12 и 1-11-127/00-22-12, являются отличной иллюстрацией соглашений, направленных на ограничение конкуренции, при реализации которых

на одном и том же временном отрезке можно отчетливо проследить как стремление «конкурировать» между самими участниками антиконкурентного соглашения (за объемы и номенклатуру продукции, за поставщиков и прочее) с одновременным втягиванием в орбиту соглашения новых участников (преимущественно путем экономического давления через метод «*кнута и пряника*»), так и добровольный выход из картеля с одновременным заявлением о его существовании в государственные антимонопольные органы⁸.

Картелизация, как форма антиконкурентных действий, была, есть и остается характерной чертой для хозяйственной сферы любого государства на любом историческом этапе, что предполагает необходимость развития как соответствующей законодательной базы и осуществления государственного контроля за деятельностью компаний при осуществлении ими предпринимательской деятельности, так и рыночных механизмов, препятствующих формированию благоприятных экономических условий для картелизации. При этом именно на поведение участников картеля, связанное с прекращением участия в картельном соглашении и последующим раскрытием его, делают ставку антимонопольные органы в вопросе доказывания антиконкурентного соглашения, полностью упуская из вида обстоятельство, изначально непосредственно толкающее предпринимателей к заключению таких соглашений – *текущую экономическую ситуацию на рынке, обуславливающую стремление предпринимателей максимизировать собственную прибыль*. Именно экономическая обстановка влияет на поведение хозяйствующих субъектов и предопределяет их выбор метода максимизации прибыли: от методов, находящихся в рамках правового поля, так и методов, выходящих за эти рамки. Стремление к картелизации в этом смысле является наглядным примером выбора метода увеличения прибыли, идущего вразрез с нормами права.

Экономические аспекты в государственном регулировании картелей

Единственным субъектом, который может и должен эффективно противостоять картелизации, является государство, монопольно обладающее всем инструментарием административного регулирования товарных рынков: начиная с мер административного принуждения и заканчивая мерами экономического стимулирования.

Если проанализировать меры, применяемые государством в целях контроля за картелизацией отраслевых рынков, то их условно можно разделить на две большие группы:

1) меры запретительно (правового) характера, которые направлены на выявление и пресечение уже совершенных действий хозяйствующих субъектов по картелизации;

2) меры стимулирующего (экономического) характера, которые направлены на создание экономической среды, благоприятно влияющей на хозяйственную деятельность и, как следствие, предотвращающей появление картелей.

Как правило, государство уделяет гораздо больше внимания мерам запретительного характера, нежели мерам стимулирующего характера, разрабатывая все новые запреты и увеличивая санкции за заключение антиконкурентных соглашений. Указанная избирательность проявляется и в способах оценки и доказывания существования картельных соглашений.

В странах с развитым антимонопольным законодательством, как правило, существуют практические руководства по расследованию и доказыванию антиконкурентных соглашений, в том числе картелей, которые отражают накопленный опыт применения экономического анализа в вопросе выявления процессов картелизации рынка. Такие руководства обычно содержатся не в законах и подзаконных актах, а вырабатываются на основе судебной практики, которая как раз и формирует критерии применимости экономических доказательств в таких делах. Кроме того, в частности, в американском судопроизводстве экономисты в значительной мере задействованы в разработке методик защиты клиентов, они готовят письменные доказательства, дают показания под присягой и участвуют в перекрестном опросе, создан и успешно функционирует институт независимых экспертов в антимонопольных делах, а экономические аргументы перевешивают юридические⁹. Так, методы экономического анализа были применены в 2007 г. в деле при пересмотре *Dr. Miles case*¹⁰, решением которого в 1911 г. были признаны незаконными по существу (запрет *per se*) соглашения по установлению фиксированных минимальных цен перепродажи между производителями и дилерами. В результате рассмотрения *Leegin case* Верховный суд США отменил решение по *Dr. Miles case*, указав, что суды должны определять правомерность установления минимальной цены перепродажи, применяя не правило *per se*, а так называемое *правило разумного подхода*. Правило разумного подхода (англ. – *Rule of reason*) используется и широко применяется американскими судами для установления факта нарушения антимонопольного законодательства. Как правило подразумевает анализ всех обстоятельств дела, в частности: намерение и цель поведения хозяйствующих субъектов, экономическая ситуация на товарном рынке, барьеры для входа на рынок и т.д. В подавляющем большинстве случаев для оценки разумности поведения хозяйствующих субъектов применяется экономический анализ.

Судебная практика применения российского антимонопольного законодательства не так богата, как зарубежная (США и Евросоюз) и не способна в полной мере компенсировать отсутствие практики доказывания наличия картельных соглашений с помощью экономических методов. Кроме того, отсутствие специализации именно в области антимонопольного законо-

дательства внутри судейского сообщества, которая позволила бы судьям видеть в картельных делах не только юридическую, но и экономическую подоплеку, лишает смысла доказательства, представляемые заподозренными в противозаконном сговоре субъектами. Поэтому, зачастую судьи, не рассматривая такие доказательства, доверяют мнению представителей органов антимонопольной службы. Речи о применении каких-либо правил разумного подхода при анализе обстоятельств дела, как правило, не идет вообще.

Однако о необходимости значительного внимания к экономическим фактам в антимонопольных процессах, посвященных антиконкурентным сговорам, говорит множество экономических ошибок, допускаемых судами и антимонопольными органами в этих процессах.

В применении антимонопольного законодательства в Российской Федерации против картелей и тайных сговоров акцент ставится на правовой проблеме, а именно на доказывании существования соглашения как такового вне зависимости от его экономических последствий и предпосылок (запрет *per se*), а не на экономической проблеме – не на доказывании влияния поведения продавцов на цену, выпуск, реализацию товара, рыночную ситуацию в целом, а также не на анализе экономических предпосылок картеллизации того или иного рынка.

Ожидаемым последствием подобного акцентирования является то, что с большей вероятностью обнаруживаются и наказываются только те картели, в которых влияние поведения каждого из участников на цену и выпуск невелико. Это картели с большим количеством членов, каждый из которых в большинстве случаев имеет незначительную долю на рынке, поэтому в них больше вероятность, что один из членов будет недоволен условиями антиконкурентного соглашения (размерами собственной прибыли, в первую очередь), что, в свою очередь, ставит под вопрос само существование картеля, а также то, как быстро он будет установлен и раскрыт. Такие картели зависят от подробных и многократно повторяющихся переговоров и соглашений (нередко зафиксированных на бумаге) участников, которые дают в результате достаточно много доказательств нарушения закона.

Отлаженность правового механизма в борьбе с картелями безусловно приносит свои плоды (это можно проследить по растущей динамике возбуждаемых и рассматриваемых Федеральной антимонопольной службой дел о нарушениях антимонопольного законодательства, выражающихся в создании картелей, а также по увеличивающимся из года в год совокупным размерам оборотных штрафов, уплачиваемых нарушителями в казну), однако сам по себе правовой механизм, находящийся в жестких рамках нормативных актов и административных регламентов, не является достаточно гибким и не может оперативно реагировать на постоянно меняющиеся экономические условия и предпосылки. Поэтому представляется,

что эффективность правового механизма, используемого государством при осуществлении антимонопольного контроля процессов картелизации рынков, может быть качественно увеличена путем применения экономических механизмов доказывания существования картельных соглашений.

Следует отметить, что корректная идентификация картеля – это не только важная, но и далеко не всегда простая задача, решение которой требует применения инструментария современной экономической теории в целях снижения рисков ошибок в правоприменении¹¹.

Экономические доказательства существования картеля

Буквально до недавнего времени, согласно действующим правовым нормам, при рассмотрении антимонопольными органами дел о нарушениях антимонопольного законодательства, выражающихся именно в заключении антиконкурентных соглашений, проведение экономического анализа было необязательно (в абсолютном большинстве случаев экономический анализ не проводился). Ситуация стала меняться в 2015 г., когда ФАС России были внесены ряд изменений в нормативную базу ведомства, обязывающих антимонопольные органы в России проводить фрагментарный анализ рыночной ситуации, что включает в себя определение временного интервала исследования товарного рынка, продуктовых границ товарного рынка, которое производится исходя из предмета соглашения хозяйствующих субъектов, в котором усматриваются признаки нарушения антимонопольного законодательства, географических границ товарного рынка, а также факта наличия конкурентных отношений между участниками соглашения.

Вместе с тем, существующая на сегодняшнее время методика проведения анализа товарных рынков¹² в значительной степени предназначена для дел о злоупотреблении доминирующим положением и абсолютно не учитывает специфики исследования рынков по делам об антиконкурентных соглашениях. Таким образом, в вопросах доказывания антиконкурентных соглашений «царицей доказательств» было и остается, в первую очередь, признание одного из участников. Также для поиска доказательств могут применяться оперативно-розыскные мероприятия, осуществляемые правоохранительными органами.

При этом успешно функционирующий картель с гораздо меньшей вероятностью оставит свидетельства наличия соглашения, а удачно проведенный сговор часто вообще остается без внимания антимонопольных органов. В конечном итоге указанная ситуация приводит постепенному совершенствованию (кристаллизации) методов и способов монополизации рынка посредством картельных соглашений, а долго и успешно функционирующий картель постепенно может привести к картелизации всего рынка или всей отрасли экономики.

Экономический анализ, неоправданно оставляемый без внимания, открывает перед правоприменителями широкий простор методов прогнозирования, доказывания и предотвращения картельных сговоров.

Примечателен факт, что одним из главных апологетов использования именно методов экономического анализа в борьбе с картелями является именно профессиональный юрист, один из виднейших ученых в сфере права, судья Ричард Аллен Познер, который в своей фундаментальной работе «Экономический анализ права» дает оценку экономическому анализу как перспективному направлению в вопросе пресечения картелизации товарных рынков.

Прогнозирование картеля и выявление благоприятных экономических условий для картелизации

Так, экономический анализ можно и нужно использовать для выявления признаков, указывающих на предрасположенность рынка к эффективной картелизации, а также на потенциальный жизненный цикл картеля¹³.

1. *Число хозяйствующих субъектов, участвующих в картельном сговоре, а также их доля на рынке.* Чем это число меньше, тем меньше издержки координации их деятельности, а также тем меньше вероятность обмана «партнерами» по картелю друг друга в связи с увеличением жизненного цикла картеля. Таким образом, в ряде случаев можно предположить, что уровень концентрации будет прямо пропорционален стремлению к картелизации рынка: чем выше уровень концентрации, тем выше стремление хозяйствующих субъектов заключить антиконкурентное соглашение. Олигопольный рынок может наилучшим образом способствовать сговору на рынке, так как достижение общего консенсуса по координации и контролю отклонений в картеле проходит более успешно при небольшом числе договаривающихся компаний¹⁴.

2. *Однородность продукта.* Чем однороднее продукт, тем труднее членам картеля обманывать друг друга путем изменения качества продукта (изменение будет заметным, что приводит к увеличению срока существования картельного сговора). Следует отметить, что дифференцированность продукта может быть обеспечена даже для очень однородных товаров (например, щебень, песок и прочее). Например, дифференциация появляется, если продавцы предлагают разные условия поставки и/или платежа.

Так, можно упомянуть обстоятельства рассмотренного Федеральной антимонопольной службой дела № 1 11/125-11, в рамках которого было установлен факт заключения антиконкурентного соглашения на товарном рынке оптовых поставок кабельных пластикатов, которое привело к установлению цен, разделу товарного рынка по объемам продажи и покупателей¹⁵. Одним из принципов распределения производителей пластикатов по потребителям являлся принцип специализации по рецептурам (качеству/характеристикам пластикатов), когда на отдельные виды пластикатов не

только устанавливались определенные цены, но и назначались определенные поставщики. Таким образом достигалась максимальная однородность видов продукции уже внутри самого картеля.

3. *Эластичность спроса по цене.* При прочих равных условиях, чем меньше эластичность спроса, тем больше прибыль, порожаемая монопольной ценой, а значит, тем больше стимул к монополизации и поддержанию существования картеля. Это означает, что, чем меньше сокращается величина спроса в ответ на увеличение цены, тем большую свободу имеет монополист в повышении цены.

4. *Условия входа на рынок (барьеры).* Если вход может быть осуществлен быстро и долгосрочные издержки входящих не больше, чем у членов картеля, то прибыль от картелизации будет небольшой, равно как и стимул к противоправным действиям, направленным на монополизацию путем заключения антиконкурентных соглашений.

5. *Значение ценовой и неценовой конкуренции.* Фиксирование цены может привести просто к замещению ценовой конкуренции на неценовую, что уничтожит потенциальную прибыль от картелизации.

6. *Является ли рынок растущим или сокращающимся?* Если спрос растет, картелизация трудноосуществима, поскольку продавцу, теряющему долю рынка, будет трудно определить, является ли это результатом его отставания от конкурентов в привлечении новых покупателей, следствием снижения цены конкурентом или вступлением на рынок новых игроков, а преимущества картельного сговора нивелируются растущей конкуренцией. Сокращающийся рынок особенно благоприятен для картелизации. Риск банкротства увеличивается, поскольку постоянные издержки не могут быть сокращены за счет уменьшения выпуска. Вход новых продавцов не является серьезной угрозой на сокращающемся рынке, а уход с рынка игроков заставляет остальных задуматься о выживании, в том числе путем заключения картельных соглашений. Следует отметить, что, в условиях ухудшающегося экономического фона, картелизация рынков достигает своего пика. В условиях, когда конкуренция является скорее не благоприятным рыночным явлением, а приобретает разрушительные черты, картельные соглашения могут использоваться как защитные механизмы, обеспечивающие предпринимателям, во-первых, понятные правила игры на рынке внутри картеля, во-вторых, возможность планировать хозяйственную деятельность без оглядки на конкуренцию и, в-третьих, аккумулировать неизбежно сокращающиеся в условиях экономического кризиса ресурсы.

7. *Степень вовлеченности государственных институтов и структур в регулирование товарных рынков* во многом предрасполагает к картелизации, так как любым предпринимателям свойственно защищаться от возрастающего государственного давления, в том числе путем заключения картельных соглашений, компенсируя собственные потери и создавая себе комфортные условия для ведения хозяйственной деятельности.

Установление экономических фактов состоявшейся картелизации рынка

Экономический анализ может также выявить, какие факты указывают на то, что рынок гипотетически уже подвергся успешной картелизации, в отличие от потенциальной вероятности подобной ситуации¹⁶.

1. *Ценовая дискриминация и синхронность роста/падения цен* в масштабах всего рынка, являющиеся методами эксплуатации монопольной власти, направленной на максимизацию прибыли и устранение конкурентов, не входящих в картель. Вместе с тем, это также может быть полностью совместимо с предположением о наличии здоровой конкуренции на рынке.

2. *Парадоксальное сокращение с течением времени доли рынка наиболее крупных фирм*, которое может говорить о том, что они назначали монопольную цену, привлекающую на рынок новых участников, которые отняли часть рынка, согласованно назначая более низкие цены (пример, хорошо иллюстрируемый картелем ОПЕК). Данный факт, к слову, может свидетельствовать об увенчавшейся успехом борьбе предприятий малого и среднего бизнеса, вошедших в антиконкурентный сговор против монополистов, с предприятиями крупного бизнеса.

3. *Поддержание единой цены перепродажи в масштабах отрасли*, которое, если оно не оправдано экономическими соображениями, может иметь целью предотвращение обмана в форме продажи дилерам, снижающим розничную наценку.

4. *Высокая стабильность рыночных долей или синхронное увеличение рыночных долей ряда хозяйствующих субъектов*, что не всегда может быть объяснено результатом нормальной конкуренции между предпринимателями. Вместе с тем, увеличение доли может быть следствием и снижения цен и, как следствие, усиления конкуренции. Высокая стабильность долей действительно характерна для картеля, однако не исключает и конкуренции.

5. *Региональные различия в цене*, которые не могут быть объяснены региональными различиями в издержках или спросе.

Так, в частности, обстоятельства дела № 1 11/139-11, описанные Федеральной антимонопольной службой в своем «обвинительном» решении, иллюстрируют то, каким образом реализация заключенного соглашения, которым был предусмотрен раздел оптового рынка жидкой каустической соды по объемам реализации, продавцам, покупателям и территориальному принципу, а также порядок установления цен на данный продукт, влияет на синхронное увеличение рыночных долей ряда хозяйствующих субъектов, а также на формирование различий в ценах по нерыночным критериям, зависящим от решений, принимаемых в рамках картеля. Этим же соглашением также был предусмотрен обмен информацией и документами об объемах реализации жидкой каустической соды и ее ценах¹⁷.

6. *Высокая эластичность спроса при текущей рыночной цене, сочетающаяся с отсутствием хороших заменителей продукта* (т. е. сравнимых по издержкам производства и ценности), может быть результатом монополистического ценообразования. Это хороший пример различия между экономическими условиями, *делающими возможной* картелизацию, и экономическими условиями, *свидетельствующими* о ее наличии. Если спрос неэластичен при конкурентной цене, это делает картелизацию привлекательной, поскольку увеличение цены не приведет к пропорциональному уменьшению количества спроса.

7. *Внезапное и необъяснимое увеличение уровня прибыли* на рынке, за которым следует постепенное снижение. Предположение о монополизации будет более правдоподобным, если первоначальный всплеск прибыли был больше у мелких фирм, чем у крупных, так как предположительно только крупные вступают в картель.

9. *Сокращение объема выпускаемой продукции одновременно несколькими производителями.* Выпуск монополизированного рынка меньше, чем выпуск конкурентного рынка. Поэтому при создании картеля значительная часть производственных мощностей рынка становится избыточной и должна быть сокращена для экономии ресурсов. Следует, однако, понимать, что сокращение объема выпускаемой продукции одновременно несколькими производителями может быть характерно и для конкурентного рынка, кроме того, если члены картеля опасаются, что он просуществует недолго, они не будут сокращать мощности, чтобы не потерять возможность увеличения выпуска при распаде картеля и соответствующем снижении цены.

10. *Вывод о картельном ценообразовании иногда можно сделать из отрицательной корреляции между числом фирм на рынке и уровнем цен на этом рынке.* Согласно теории конкуренции, цена (при множестве дополнительных предположений и допущений) определяется издержками, а число фирм не имеет значения. Если цена находится в обратной зависимости от числа фирм, растет с уменьшением и падает с увеличением их числа, это может подразумевать тайный сговор, поскольку он тем эффективнее (а стало быть, приводит к более высоким ценам), чем меньше фирм на рынке.

Следует отметить, что все вышеперечисленные перечни фактов и признаков, свидетельствующих о предрасположенности предпринимателей к заключению картельных соглашений или об уже существующих картелях на товарных рынках, являются теоретическими и далеко не исчерпывающими (например, наличие на том или ином рынке устойчивой монополии одного хозяйствующего субъекта может одновременно свидетельствовать как о том, что рынок уже подвергся картелизации, так и о предрасположенности рынка к успешной картелизации, в связи с тем, что картельные соглашения могут широко использоваться предприятиями малого и сред-

него бизнеса в борьбе с господствующими на рынке монополиями; заключая картельное соглашение они, таким образом, повышают собственные шансы на выживание на рынке, уравнивая шансы монополии и картеля), так как набор экономических методик зависит от цели проведения исследования и ограничен только рамками экономической науки, и их перечисление призвано обозначить перспективы для имплементации методов экономического анализа в процессы профилактики и пресечения картелизации рынков.

Так, в частности, стоит упомянуть о перспективах применения теории игр в вопросе анализа процессов картелизации. Представляя из себя экономическую науку о поведенческих паттернах, раскрывающуюся через математическое моделирование процессов принятия наиболее оптимальных решений в условиях противостояния интересов различных экономических агентов (групп агентов), теория игр, анализируя текущее или потенциальное поведение хозяйствующих субъектов, может способствовать как прогнозированию, так и пресечению процессов картелизации. Теория игр базируется на ряде допущений:

- 1) противостоянии интересов участников игры,
- 2) необходимости участия,
- 3) «рациональности» действий всех игроков при выборе варианта поведения,
- 4) зависимости выигрыша от результатов осуществляемых в соответствии с правилами игры действий, обеспечивающих им максимальную выгоду вне зависимости от последствий для остальных¹⁸.

Таким образом, учитывая подобные допущения, теория игр в значительной степени расширяет и увеличивает прогностический потенциал экономиста и позволяет ему наиболее полно и всесторонне анализировать такое явление рынка как картель.

Экономические стимулы к отказу от картелей

Когда правоприменитель задается вопросом «Что такое конкуренция?» – он отвечает, что конкуренция – это соперничество хозяйствующих субъектов, и ставит на этом точку, не отвечая на вопрос о причинах этого явления. Экономист воспринимает конкуренцию многогранно. С одной стороны, конкуренция – это соперничество хозяйствующих субъектов в борьбе за ограниченные ресурсы, с другой – это процесс аллокации (то есть распределения) ресурсов, который возникает при ценах, не искаженных монополией. Восприятие одного и того же явления с разных позиций позволяет наиболее комплексно его оценивать, изучать и прогнозировать.

Борьба с картелями предопределяет насущную необходимость применения *правила разумного подхода*, так как за созданием любого картеля стоит психология предпринимателей, ориентированных на прибыль и

развитие собственного бизнеса в контексте конкретной экономической ситуации, и перед правоприменителями стоит задача проанализировать цель и предпосылки антиконкурентного поведения хозяйствующих субъектов, экономическую ситуацию на товарном рынке, рыночные барьеры и т.д. И для этого одних правовых методов и запрета *per se* явно недостаточно.

Многогранность экономического восприятия конкуренции и монополизации по сравнению с формально-юридическим свидетельствует о насущной необходимости расширения области применения методов экономического анализа в сфере антимонопольного регулирования.

Как экономическое явление картельные соглашения являются сложными и многоаспектными, именно поэтому в вопросе их обнаружения и предотвращения нельзя пренебрегать средствами, предоставляемыми экономической наукой, ограничиваясь только юридическими методами и не оценивая антиконкурентные соглашения в отрыве от их экономической сущности и предпосылок, а равно последствий для рынка. Современное российское антимонопольное законодательство стремится решить проблему картелизации *postfactum* (посредством уголовных и административных санкций, вводимых против антиконкурентных соглашений), то есть только когда картельное соглашение уже заключено и начало реализовываться. Это объясняется тем, что государство в большинстве случаев оказывается перед фактом свершившегося антиконкурентного соглашения и узнает о нем только тогда, когда оно уже на протяжении некоторого времени оказывает влияние на рынок, то есть, когда уже можно диагностировать и установить увеличение долей определенных компаний на рынке, необоснованное и синхронное снижение/поднятие цен, сокращение производства/поставок и т.д. Однако, аллегорично, данные факты можно уже называть «симптомами запущенной стадии заболевания», когда необходимы только радикальные методы «лечения» (санкции и прочее).

Что же до «профилактики заболевания», то приходится констатировать, что на сегодняшний день в нашей стране почти полностью отсутствует система мер, направленных на предотвращение рыночной картелизации, но не связанных с государственным принуждением. Также при осуществлении контроля за процессами картелизации полностью игнорируется прогностическая деятельность, которая позволяет на ранних этапах выявлять предрасположенность рынка к картелизации. Очевидно, что роль государства должна заключаться в первую очередь в том, чтобы спрогнозировать появление картеля и предотвратить его появление, и только во вторую – наказать виновных в картелизации.

Для подавляющего большинства предпринимателей соблазн получения монополистических сверхприбылей от создания картеля в значительной мере притупляет опасения, связанные с государственным преследованием, не подкрепленным экономическим стимулированием

бизнеса. Именно поэтому решить проблему картелей невозможно исключительно воздействием государства «сверху», постоянно ужесточая меры административной и уголовной ответственности. Необходимо разумное сочетание административных мер и мер, связанных с нормализацией экономической ситуации на отраслевых рынках и созданием для предпринимателей комфортных условий для ведения бизнеса. Последовательная политика государства в данной области: своевременная оценка и санация рыночной ситуации, снижение административного давления на бизнес, ограничение монополизма в отдельных отраслях, грамотное распределение государственных программ, развитие сектора государственных закупок, смягчение воздействия разрушительных аспектов конкуренции в условиях кризиса, поддержка малого и среднего бизнеса и прочее – позволит минимизировать условия, предрасполагающие к формированию картельных объединений, сделав для предпринимателей более предпочтительными иные формы ведения бизнеса, нежели заключение антиконкурентных соглашений. Это означает, что грамотная политика государства, направленная на развитие экономики, может снизить выгоду от заключения картельных соглашений. Улучшение экономических условий для ведения бизнеса и стимулирование государством предпринимателей если и не снимает полностью проблему заключения антиконкурентных соглашений, то в значительной мере снижает ее остроту. Кроме того, повышение доходности ведения бизнеса в рамках правового поля, снижение государственного давления на бизнес подчеркивают значимость введенных на законодательном уровне запретов. Все это заставляет предпринимателя тщательно взвешивать свои шаги и, в конечном итоге, не ставить свой бизнес и себя под угрозу государственных санкций из-за сомнительного повышения доходности от антиконкурентных действий.

Именно поэтому в вопросах борьбы с картелизацией рынков и развития конкуренции государство должно использовать весь инструментарий экономических знаний как в вопросах применения мер, направленных на выявление и пресечение картелизации, так и в вопросах стимулирования ведения предпринимательской деятельности в России исключительно законными методами.

Примечания

¹ *Th. Vogelstein* «Die finanzielle Organisation der kapitalistischen Industrie und die Monopolbildungen» в «Grundriß der Sozialökonomik». VI Abt., Tüb., 1914.

² *Dr. F. Kestner* «Der Organisationszwang. Eine Untersuchung über die Kämpfe zwischen Kartellen und Außenseitern». Brl., 1912.

³ Там же.

- ⁴ Нумерова А.А., Прузжанский В.Е. Картельные соглашения: технологии доказывания и защиты // Экономика и Жизнь – Ваш партнер-консультант, 2013, № 18 (9484), С. 1-5.
Numerova A.A., Pruzhanskii V.E. Kartel'nye soglasheniya: tekhnologii dokazyvaniya i zashchity // Ekonomika i Zhizn' – Vash partner-konsul'tant, 2013, №18 (9484), S. 1-5.
- Авдашева С.Б., Шаститко А.Е. Экономический анализ в делах о нарушении закона «О защите конкуренции» // Вопросы экономики, 2011, № 2, С. 122-139.
Avdasheva S.B., Shastitko A.E. Ekonomicheskii analiz v delakh o narushenii zakona «O zashchite konkurentsii» // Voprosy ekonomiki, 2011, № 2, S. 122-139.
- ⁵ Борисов А.Б. Большой экономический словарь – Изд. 2-е, перераб. и доп., М., Книжный мир, 2005. С 465.
Borisov A.B. Bol'shoi ekonomicheskii slovar' – Izd. 2-e, pererab. i dop., M., Knizhnyi mir, 2005. S 465.
- ⁶ Шаститко А.Е. Новый взгляд на антимонопольный контроль горизонтальных соглашений // Экономическая политика, М, 2015, Т. 10. № 3.
Shastitko A.E. Novyi vzglyad na antimonopol'nyi kontrol' gorizontal'nykh soglashenii // Ekonomicheskaya politika, M, 2015, T. 10. № 3.
- ⁷ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 05.10.2015), Российская газета, № 162, М, 2006.
Federal'nyi zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ «O zashchite konkurentsii» (red. ot 05.10.2015), Rossiiskaya gazeta, № 162, M, 2006.
- ⁸ Решение Федеральной антимонопольной службы от 15 июля 2013 г. по делу № 1 11/109-12 и решение Федеральной антимонопольной службы от 9 сентября 2013 г. по делу № 1-11-127/00-22-12.
Reshenie Federal'noi antimonopol'noi sluzhby ot 15 iyulya 2013 g. po delu № 1 11/109-12 i reshenie Federal'noi antimonopol'noi sluzhby ot 9 sentyabrya 2013 g. po delu № 1-11-127/00-22-12.
- ⁹ Познер Р.А. Экономический анализ права. В 2-х томах, Экономическая школа, СПб, 2004, С. 673.
Pozner R.A. Ekonomicheskii analiz prava. V 2-kh tomakh, Ekonomicheskaya shkola, SPb, 2004, S. 673.
- ¹⁰ Dr. Miles Medical Co. v. John D. Park & Sons Co., 220 U.S. 373, 394, 408-409, 31 S.Ct. 376, 55 L.Ed. 502 (1911).
- ¹¹ Шаститко А.Е. Новый взгляд на антимонопольный контроль горизонтальных соглашений // Экономическая политика, М, 2015, Т. 10. № 3.
Shastitko A.E. Novyi vzglyad na antimonopol'nyi kontrol' gorizontal'nykh soglashenii // Ekonomicheskaya politika, M, 2015, T. 10. № 3.
- ¹² Приказ Федеральной антимонопольной службы от 28.04.2010 г. № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.08.2010 № 18026), Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 34, 2010.
Prikaz Federal'noi antimonopol'noi sluzhby ot 28.04.2010 g. № 220 «Ob utverzhdenii Poryadka provedeniya analiza sostoyaniya konkurentsii na tovarnom rynke»

(Zaregistrovano v Minyuste Rossii 02.08.2010 № 18026), Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti, № 34, 2010.

- ¹³ *Познер Р.А.* Экономический анализ права. В 2-х томах, Экономическая школа, СПб, 2004, С. 383-391.
Pozner R.A. Ekonomicheskii analiz prava. V 2-kh tomakh, Ekonomicheskaya shkola, SPb, 2004, S. 383-391.
- ¹⁴ European Commission «Guidelines on the applicability of Article 101 of the Treaty on the Functioning of the European Union to horizontal co-operation agreements». Notices from European Union institutions, bodies, offices and agencies, 2011, para 79.
- ¹⁵ Решение Федеральной антимонопольной службы от 15 декабря 2011 г. по делу № 1 11/125-11.
Reshenie Federal'noi antimonopol'noi sluzhby ot 15 dekabrya 2011 g. po delu № 1 11/125-11.
- ¹⁶ *Познер Р.А.* Экономический анализ права. В 2-х томах, Экономическая школа, СПб, 2004, С. 383-391.
Pozner R.A. Ekonomicheskii analiz prava. V 2-kh tomakh, Ekonomicheskaya shkola, SPb, 2004, S. 383-391.
- ¹⁷ Решение Федеральной антимонопольной службы от 27 декабря 2011 г. по делу № 1 11/139-11.
Reshenie Federal'noi antimonopol'noi sluzhby ot 27 dekabrya 2011 g. po delu № 1 11/139-11.
- ¹⁸ *фон Нейман Дж., Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970, С. 67-69.
fon Neiman Dzh., Morgenshtern O. Teoriya igr i ekonomicheskoe povedenie. M.: Nauka, 1970, S. 67-69.

**ЭКОНОМИКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ В 1930–1980-х гг.**

С конца 1920-х гг. отечественная историография изучаемой проблемы все в большей степени начала нести на себе отпечаток идеологической цензуры и самоцензуры авторов.¹ Попытки объективного, непредвзятого исследования всего комплекса экономических проблем региона, политики антибольшевистских правительств в хозяйственной области в период гражданской войны,² сменились определенным набором шаблонных установок, отвергавших саму возможность существования в этот период на территории белой Сибири и Дальнего Востока целенаправленной осмысленной экономической политики.³ Научные исследования, появившиеся в этот период и посвященные изучению экономических проблем региона, удивительным образом обходили вниманием те процессы, которые имели место на территориях, не подконтрольных советским властям.⁴ Такое «замалчивание» привело в результате к ситуации, при которой целый пласт отечественной историографии изучаемой проблемы, относящийся к 1930–1980-м гг., в изобилии содержит многочисленные «белые пятна» на тех годах и территориях, которые были насыщены крайне важными событиями в экономической жизни страны.⁵

Экономическим вопросам периода гражданской войны посвящено учебное пособие по истории народного хозяйства СССР Ю.К. Авдакова, подготовленное во Всесоюзном финансово-экономическом институте. В небольшой брошюре объемом 43 страницы дается обзор основных шагов советской власти в области экономики. Исследование разделено на шесть глав, посвященных, соответственно, общей хозяйственно-политической обстановке в стране и политике «военного коммунизма»; промышленности и транспорту в период интервенции и гражданской войны; сельскому хозяйству и продовольственной разверстке; вопросам снабжения и распределения; финансовому обращению и планированию народного хозяйства в 1918–1920 гг. В работе, строго выдержанной в идеологических стандартах того периода, экономической политике белого лагеря уделено всего лишь два абзаца текста. Смысл сказанного в них сводится к двум утверждениям: «Земля возвращалась помещикам, фабрики и заводы – капиталистам. Все права рабочих и крестьян, приобретенные ими в результате победы Октябрьской революции, были уничтожены». И утверждение второе: «Белогвардейские банды занимались грабежом местного населения. Они отбирали у крестьян зерно, скот и т.д. Из оккупированных районов интервенты вывозили за границу нефть, каменный уголь, железный лом, цветные металлы, лес, угоняли суда».

Следует признать, что оба утверждения полностью соответствуют действительности. Вместе с тем проблема, вынесенная автором в название работы, так и осталась практически не исследованной. Констатируя в первой главе работы, что «от Советской страны оказались отрезанными важнейшие районы производства хлеба, хлопка, металла, угля и нефти», и что «на долю этих районов приходилось свыше 90 % производившегося в стране каменного угля, 85% железной руды, около 75 % чугуна, стали, сахара и т.д.»,⁶ автор фактически отказывает властям, контролировавшим все это богатство, в проведении собственной экономической политики. Оставшийся объем учебного пособия посвящен изложению политики советского правительства в области национализации, военного коммунизма, продовольственной разверстки и пр.

Исследованию политики американского капитала в отношении России в 1914–1920 гг. посвящена монография Г.К. Селезнева. Речь в ней идет о политических целях США в России, и о тех финансово-экономических и дипломатических методах, которыми эти цели достигались. Автор поставил перед собой задачу восполнить историографический пробел в освещении политики американских монополий на отечественном рынке в 1914–1918 гг. Источниковую базу работы составили неопубликованные документы Архива внешней политики, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Центрального государственного военно-исторического архива (РГВА) и ЦГАОР (ГА РФ). Помимо перечисленного, автор использовал большое количество американских источников, в числе которых – широкий спектр периодических изданий, что с самого начала определило фундаментальность и высокий научный уровень проведенного исследования.

Автор построил монографию по проблемно-хронологическому принципу. Глава первая исследования посвящена проникновению американского капитала в Россию в 1914–1916 гг. Ни на шаг не отступая от идеологических оценок в вопросах внешнеэкономического сотрудничества русских и иностранных капиталов, автор осуществил очень качественный и широкий анализ тех и путей и методов, которыми пользовались американские компании для проникновения на российский рынок и “привязывания” отечественного производителя к своей промышленной продукции. Автор полемизирует с американским историком М.М. Ласерсоном, утверждавшим, что “США в 1914 – 1916 гг. вели взаимовыгодную торговлю с Россией”, и что “расширение этой торговли не связано с планами экспансии и было вызвано лишь стремлением к дружественному сотрудничеству с Россией”.⁷ Г.К. Селезнев, построив критику процитированного американского исследователя на “принципах марксистско-ленинской теории”, утверждавшей, что “лозунги “открытых дверей” и “развития торговли” в истории капиталистической внешней торговли служили обычно прикрытием стремления наиболее сильных капиталистических стран свободно

проникать на рынки сбыта и овладевать богатствами более слабых стран”, приходит к совершенно справедливому выводу об истинных целях, которые преследовал американский капитал на российском рынке. Россия воспринималась американцами исключительно в качестве рынка сбыта, что подтверждается целым рядом исследований.⁸ Поэтому жесткость идеологических оценок и выводов автора отнюдь не вступают в противоречие с истинным положением вещей.

Следующие четыре главы монографии Селезнева посвящены анализу экономической ситуации в России, в условиях которой она вступила в период гражданской войны. Автором рассматривались, главным образом, те аспекты проблемы, которые были связаны с влиянием иностранного, особенно американского, капиталов на экономическую жизнь регионов России, а также их роли в организации и осуществлении военной интервенции. Изучая тесное переплетение политических и экономических мотивов в решениях, принимавшихся в отношении России в этот период американскими властями, автор отмечал следующее: “Об усилении деятельности американских магнатов, спешивших захватить возможно более выгодные позиции в России и ничего не упустить, свидетельствовало и то, что в июле в правительственных кругах США с участием президента Вильсона оживленно обсуждался план моргановского агента В. Тарло насчет широкого финансирования, иначе говоря, подчинения русского земледелия и промышленности. Для выполнения указанной задачи предполагалось создать новое “сильное финансово-коммерческое учреждение”, которое объединило бы стремления отдельных американских фирм, монополий и банков к эксплуатации русских богатств. В функции этой новой американской компании должны были входить: централизация торговли США с Россией, подготовка средств морской и сухопутной транспортировки для американо-русской торговли, организация в России хранения и продажи американских товаров, оказание деятельной помощи американским предприятиям для организации ими в России отделов, а равно фабрик и заводов”.

Исследуя политику американского капитала в Сибири, Г.К. Селезнев приводит знаковую фразу У. Черчилля: “Было бы ошибочно думать, что мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело”. Конечно, эта фраза Черчилля носит в известной степени максималистский характер. Вместе с тем, она дает ключ к пониманию многих процессов в экономической жизни Сибири периода гражданской войны, и тех шагов, которые предпринимались белыми правительствами в области социально-экономической политики.

Истинные цели союзников в России не являлись секретом для колчаковского штаба. Автор цитирует показательный в этом смысле документ, датированный 27 июня 1919 г. и посвященный анализу ситуации на сибир-

ских железных дорогах: “Заботы об улучшении транспорта сибирских железных дорог, – писал по этому поводу штаб верховного правителя, – несомненно имеют своей главной целью установление доминирующего значения Америки в железнодорожном деле Сибири и создание возможности глубокого экономического проникновения американского капитала с попутным вытеснением в этом отношении Японии. Назначение международной железнодорожной комиссии с преобладанием американцев рассматривается японскими кругами, как большая бескровная победа Америки”.

Военная и экономическая экспансия Америки, по утверждению автора, постепенно начинала приобретать в сфере торговли формы откровенного диктата. Так, в марте 1919 г. Финансово-промышленное общество в Нью-Йорке направил правительству Колчака проект о создании общества “для установления прямой связи между портами Америки и устьем Лены”. Проект предусматривал освобождение от пошлин и налогов огромного перечня ввозимых на территорию Сибири и Дальнего Востока товаров, предоставление беспрецедентных льгот создаваемому обществу. Приводит автор и более изощренные способы усиления американцами своего влияния на рынке России, когда для снабжения армии Колчака и проведения пропаганды среди населения Сибири использовался флаг Красного Креста или прикрытие Союза сибирских маслоделов.⁹ Последний факт полностью подтверждается более поздними исследованиями, опубликованными в статье С.С. Ипполитова, утверждавшего, что Союз сибирских маслоделов мог быть использован американцами в качестве инструмента для “проталкивания” проекта создания в Сибири эмиссионного банка со 100 % иностранным капиталом.

Подводя итог своему исследованию, Г.К. Селезнев делает вывод, что “...Колчак, как и другие ставленники интервентов, воевал за то, чтобы задушить Советскую власть и превратить Россию в колониальный придаток империалистических держав...”. Вывод, продиктованный реалиями того периода, в котором была написана монография, с одной стороны, безусловно спорный, с другой стороны, во многом заставляет согласиться с автором. Трудно спорить с утверждением, что А.В. Колчак воевал за то, “чтобы задушить Советскую власть”, – это истина, не требующая доказательств. Вместе с тем, обвинение сибирских властей в наличии умысла “превратить Россию в колониальный придаток”, на наш взгляд, совершенно не уместно. Напротив, большое количество неопубликованных источников и исследования последних лет убедительно доказывают, что правительство Колчака пыталось активно противостоять попыткам подобного рода.

Несколько позднее, в 1963 г., Г.К. Селезевым была выпущена в свет монография, посвященная более широкому спектру проблем, касавшихся интервенционалистской политики США и взаимоотношений их администрации белыми режимами.¹⁰ Это исследование носило более общий

характер и ставило целью проанализировать причины, побудившие американскую администрацию принять решение о начале интервенции, а также выявить причинные связи между этим решением и интересами американского капитала в России. Собственно политике сибирских властей в области экономики в монографии уделено лишь эпизодическое внимание. Вместе с тем, подробное исследование всего комплекса событий и влияний, которым была подвержена эта политика, дает богатый материал для изучения названной проблематики.

Избирательностью в вопросах освещения экономической ситуации в Сибири периода гражданской войны отмечена и кандидатская диссертация Н.И. Дмитриева. Ставя перед собой задачу «рассмотреть практическую работу местных хозяйственных органов, общественных организаций рабочего класса по налаживанию промышленного производства и оказанию помощи частям Красной армии путем снабжения их оружием и боеприпасами», автор по неизвестной причине обходит вниманием тот факт, что рабочий класс и промышленные предприятия существовали не только на территории, занятой частями Красной армии. В параграфе диссертационного исследования, специально посвященном «анализу деятельности белогвардейцев по руководству уральской промышленностью», основной акцент делается на рассмотрении его репрессивных методов и политики белых властей в области денационализации предприятий. Автор совершенно справедливо отмечает, что «для поддержания буржуазии, удовлетворения ее жажды наживы правительства прибегали к выделению значительных денежных субсидий из казенных средств», и что «уральские промышленники не спешили делать капиталовложения, а просто присваивали полученные суммы, хищнически эксплуатируя богатства края». Безусловно согласившись с приведенным выше утверждением, необходимо высказать некоторое сомнение по поводу статистических данных, предлагаемых автором. Так, Н.И. Дмитриев утверждает, что частные предприниматели Сибири получили в качестве субсидий из казенных средств суммы, достигавшие 900 млн. руб.¹¹ В то же время, в финансовой записке министра финансов И.А. Михайлова, в которой анализировались производительные силы Сибири, приводились следующие данные об уровне довоенного производства региона: «Рыбный промысел при отсутствии рациональных хозяйств дает рыбы на 34 млн. руб.; промысловая охота (пушнина, птица) – 100 млн. р.; лесная промышленность, считая не только сырье, но полуфабрикат, целлюлозу и продукты сухой перегонки дерева – 500 млн. р.; каменноугольная промышленность и металлургическая – 500 млн. р.; золотопромышленность – 200 млн. р.; сельское хозяйство в смысле ежегодных запасов хлеба экспортного и семенного – 500 млн. р.». В итоге важнейшие отрасли производства Сибири довоенного периода приносили совокупный доход в 1 834 млн. р. Если предположить, что уровень производства предприятий

региона остался в период гражданской войны на довоенном уровне, то, согласно утверждению Н.И. Дмитриева, субсидирование сибирского частного бизнеса составляло ровно половину совокупного валового продукта региона, что является крайне маловероятным фактом. Между тем, суммарные вклады во всех банках, находившихся на территории, подконтрольной Всероссийскому Временному правительству на декабрь 1918 г. едва достигали 1 млрд. руб.;¹² падение производства носило катастрофические масштабы: поступления по таможенным учреждениям Сибири за 8 месяцев 1918 года составили 33,32 млн. руб.; поступления налоговых платежей в конце 1918 г. не превышали 6 млн. руб. в месяц. Эти факты ставят под сомнение данные о 900 млн. руб., якобы выделенных в качестве субсидий сибирским промышленникам. Действительно, субсидирование промышленности происходило, особенно тех отраслей, которые были ориентированы на снабжение армии, этот вопрос довольно подробно был изучен Л.Н. Долговым.¹³ В то же время, говорить о масштабном безвозмездном субсидировании предпринимательских структур Сибири вряд ли обоснованно. Речь, скорее, может идти о масштабных, крайне выгодных, военных заказах, которые далеко не всегда исполнялись. Но это больше вопрос права, чем правительственная политика. Масштабы хищений в сибирской экономике периода гражданской войны были воистину катастрофическими,¹⁴ вместе с тем, обвинение правительства Колчака в намеренном «перекачивании» государственных средств в частные руки вряд ли корректно.

Не согласуется с данными о 900 миллионах субсидий и исследование Б.В. Иванова. Им называются более реалистичные цифры. Так, по утверждению исследователя, земства, города и кооперация получили от правительства Колчака в общей сложности субсидий на сумму в 17 млн. 966 тыс. руб.; частные предприниматели – 109 млн. 52 тыс. Эти данные выглядят намного реалистичнее и вполне согласуются с тем наполнением бюджета Омского правительства, о котором говорилось выше.

Особым хозяйственным институтом сибирской экономики на протяжении нескольких десятилетий являлась кооперация, объединявшая в единый производственно-коммерческий цикл десятки тысяч сельских производителей и городских кустарей. В 1917 – 1918 гг. сибирская кооперация заняла в хозяйственной жизни региона фактически монопольное положение. В условиях общего экономического кризиса, разрыва хозяйственных и торговых связей, кооперация смогла предложить рынку хорошо отлаженный и продолжавший эффективно действовать механизм. В результате торговый аппарат сибирской кооперации стал доминировать на розничном и оптовом рынках, а следствием такого положения дел стал резкий рост членов кооперации, особенно потребительской.¹⁵

Первые исследования, затрагивавшие вопросы кооперативного хозяйства Сибири, были осуществлены уже в 1920-х гг. Попытку осуществить

анализ политической позиции руководства союза «Закупсбыт» предпринял Д. Илимский.¹⁶ Однако особенности хозяйственной деятельности сибирской кооперации в условиях гражданской войны автором рассмотрены не были; акцент делалась именно на политической составляющей ее деятельности.

В похожей тональности выдержано исследование П.С. Парфенова.¹⁷ В монографии, посвященной истории гражданской войны, кооперации отведено скромное место участницы антисоветского переворота. Экономическая сторона деятельности кооперативных организаций в Сибири в оговоренный период автором на рассматривалась.

Исследованию истории сибирской кооперации периода революции и гражданской войны посвящена монография Б.В. Иванова. Фундаментальный труд, объемом 372 страницы, охватывает временной отрезок с 1917 по 1922 гг. Рассматривая деятельность сибирской кооперации с классовых позиций, автор, на основе огромного массива архивных источников, исследует место и роль кооперации в хозяйственной структуре региона, ее отношения с властью, политическую ориентацию руководства, смену политических приоритетов, социальный состав кооперации, имущественное положение ее членов, и т.д. Особое место в монографии уделено анализу конфликта между частными предпринимателями и кооперацией. «Опираясь на экономическую поддержку правительства Колчака, – пишет автор, – частный капитал повел борьбу с кооперацией. Это была борьба за позиции, утраченные частным капиталом в годы войны и революции, борьба двух конкурентов». И далее Б.В. Иванов цитирует интереснейший документ – заявление Омской биржи, отражающий накал развернувшейся борьбы: «Милостивые государи, отныне мы объявляем себя по отношению к кооперации в состоянии войны, и в борьбе с кооперацией мы будем пользоваться всеми средствами, какие позволят обойти судебное положение о наказаниях».

Исследует автор и те экономические условия, в которых протекала деятельность кооперации, среди которых названы разруха, товарный голод, грабежи, расстройство финансов и финансовой системы. Перечисленные факторы заставили кооперативные союзы обратить более пристальное внимание на восточный рынок. Владивосток стал местом представительства кооперативных союзов, частного капитала, общественных и правительственных организаций по заготовке товаров.

Особое место в монографии Иванова уделено трансформации позиции кооперации относительно вопроса о роли иностранного капитала в экономике Сибири. Действительно, эта проблема находилась в центре внимания не только кооперативных лидеров, но и правительственных институтов – Министерства финансов, Министерства торговли и промышленности, Министерства земледелия и колонизации, Министерства иностранных дел,¹⁸ и т.д. Агрессивная политика иностранного капитала не могла не

волновать предпринимательский класс Сибири. Позиция кооперации в этом смысле претерпела за годы гражданской войны определенные трансформации. Если в марте 1918 г. на собрании уполномоченных Закупсбыта участники отмечали, что кооперация должна встать в авангарде борьбы страны с натиском всемирного империализма, то уже в августе стали звучать доводы о том, что «в данное время нам выгоднее всего быть с союзниками, а не против них, так как наши интересы совпадают».¹⁹ Именно к этому периоду относятся и проекты возможного сотрудничества с иностранным капиталом. К таковым относится, в частности, проект создания Эмиссионного банка, подготовленный директором Союза сибирских маслodelьных экспортных объединений, объединявшего 3000 кооперативных обществ в Восточной Сибири, Иосифом Окуличем. Названный проект сводился к идее организации банковского учреждения, наделенного правом производить эмиссию денежных знаков. Эта идея была не нова, вопросы денежной реформы обсуждались в правительстве очень активно. Однако «изюминка» проекта Иосифа Окулича заключалась в том, что Эмиссионный банк должен был находиться под фактическим контролем и управлением иностранных держав, а эмиссия обеспечиваться иностранными гарантиями весьма сомнительного свойства. К этому моменту относятся и публикации в кооперативной печати, обосновывавшие необходимость привлечения иностранного капитала. Б.В. Иванов анализирует позицию нескольких изданий такого рода,²⁰ выражавших на своих страницах точку зрения сторонников «неизбежности вторжения в Сибирь иностранного капитала».²¹

Пристальное внимание экономическим аспектам гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России уделял М.И. Светачев, посвятивший изучению этого вопроса кандидатскую и докторскую диссертации. На сегодняшний день исследование М.И. Светачева дают наиболее полное представление о политике иностранных держав в области экономики, проводившейся ими в Сибири и на Дальнем Востоке в исследуемый период. Автор акцентировал свое внимание не только на хорошо известных фактах экономической блокады Советского государства, организованной Антантой и США, но и раскрыл конкретные способы проникновения иностранного капитала в экономику белой России; те методы, с помощью которых осуществлялась экономическая экспансия на Дальний Восток страны.

Источниковую базу исследований Светачева составили фонды Архива внешней политики России, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, ЦГАОР (ГА РФ), ЦГА Дальнего Востока. Богатейшая документальная база, положенная в основу исследований, позволили автору использовать в работе до сей поры малоизвестные факты. Так, автор утверждает, что в течение первой половины 1918 г. в США шла подготовка к широкой экономической экспансии. 17 июля государственный секретарь Лансинг сообщил о посылке на Дальний Восток специальной комиссии

по оказанию “помощи” русскому населению. В октябре Вильсоном был утвержден “Временный план экономической помощи России”, осуществление которого передавалось лицам, тесно связанным с промышленно-торговой группой Моргана. Автор в этой связи делает совершенно справедливый вывод о том, что под видом помощи план предусматривал установление американского контроля над внутренней и внешней торговле региона и, в перспективе, всей России, над природными ресурсами, финансами, промышленностью, средствами сообщения и т.д. Не обладая на Дальнем Востоке военными силами, достаточными для реализации своих планов вооруженным путем, администрация США добивалась распространения на эту территорию принципа “открытых дверей” и “равных возможностей”. В условиях свободной конкуренции американский капитал, опираясь на свое промышленное и финансовое превосходство, мог легко сломить своих противников.

М.И. Светачев исследовал и те практические шаги, которые были приняты американцами для осуществления своих экспансионистских планов на Дальнем Востоке. Власти США стремились к завоеванию симпатий широких слоев русской буржуазии и, в особенности, крестьянства. Они надеялись “сыграть на частнособственнической психологии крестьян”; привлечь их на свою сторону путем ввоза и продажи американских товаров, сельскохозяйственных машин и орудий, устройства прокатных пунктов и вовлечения в торговлю с Америкой через кооперативы. Здесь следует отметить, что подобная политика проводилась американцами и на протяжении целого ряда лет до революции и гражданской войны в России, о чем подробно писал в свое время Шиша. Однако в период интервенции ими были привнесены новые характерные способы ее осуществления. Так, Светачев упоминает деятельность американского Красного Креста и Христианского союза молодых людей, развернувших филантропическую и идеологическую работу среди населения. Немаловажное значение придавалось надзору над расходованием кредитов, получавшихся белыми правительствами у США, контролю над распределением поставлявшихся на Дальний Восток товаров. Поддержка сил контрреволюции и создание компрадорского слоя из среды местного населения призваны были, по мнению автора, содействовать последующему подчинению России американскому капиталу.

Изучение затронутых М.И. Светачевым вопросов было продолжено им в докторской диссертации, увидевшей свет в 1978 г. Проблемы, освещенные исследователем в этом труде, стали уже намного шире. Экономическая политика иностранных держав на Дальнем Востоке рассматривается здесь как составная часть единого политического и военного давления на советскую власть, осуществлявшегося бывшими союзниками России. Иными словами, автор несколько изменил акценты своих исследований. Если в кандидатской диссертации, защищенной пятнадцатью

годами раньше, М.И. Светачев с увлечением анализировал действительно интереснейшие процессы в экономике региона; тот самый клубок интересов и противоречий, который существовал между Америкой, Японией и Великобританией на Дальнем Востоке России, то более поздняя его работа носит, скорее, строго академический, идеологически выверенный, характер. Так, анализируя в третьей главе взаимоотношения империалистических держав с колчаковским режимом, автор утверждает, что главной заботой интервентов являлось быстрое подавление русской революции, сохранение на длительное время кровавой диктатуры, территориальное расчленение страны.²²

В той же исследовательской плоскости находится и монография В.А. Шишкина. Она принадлежит к ряду исследований, ставивших целью изучить тот внешнеполитический и внешнеэкономический климат, в котором проходило развитие России в наиболее драматический период ее истории. Разработка темы велась автором по двум основным направлениям. Во-первых, была сделана попытка проследить сложный, противоречивый процесс установления и нормализации хозяйственных отношений Советского государства с окружающим капиталистическим миром. И, во-вторых, рассматривалась история складывания общих принципов советской внешнеэкономической политики и развития основных форм хозяйственных связей РСФСР с другими странами. Экономическая политика белых правительств, их внешнеэкономическая деятельность и взаимоотношения с другими государствами в монографии не рассматривались. Между тем, автором была вскрыта интереснейшая коллизия, имевшая место в конце 1918 – начале 1919 гг., когда советское правительство попыталось выйти на американский рынок, используя для этой цели посредничество Центросоюза. Здесь необходимо отметить, что русские кооперативные организации, продолжавшие даже в период гражданской войны пользоваться значительным влиянием у сельского населения, представляли собой прекрасный инструмент для такого рода посредничества. В целом благожелательное отношение большевистского руководства к кооперации как таковой, широчайшая сеть местных представительств Центросоюза по всей стране и зарубежных контор по всему миру,²³ еще не заявленная в 1918 г. руководством Центросоюза поддержка А.В. Колчака, – эти и некоторые другие причины позволяли советскому правительству на определенном этапе осуществлять сотрудничество с этой, казалось бы, чуждой “старорежимной” организацией. Необходимо также отметить, что и руководство Центросоюза уделяло такому сотрудничеству пристальное внимание. В фонде Лондонской конторы Центросоюза хранятся пять дел, посвященных торговым отношениям с Советской Россией.²⁴

В.А. Шишкину удалось обнаружить и исследовать малоизученную на сегодняшний день страницу таких взаимоотношений: “В начале октября [1918 г.] правление Всероссийского центрального союза потребительских

обществ, – пишет автор, – разработало план посылки кооперативной делегации в США. План предусматривал открытие торговой конторы в Нью-Йорке, осуществление торговых операций между двумя странами, выяснение возможностей финансирования русских кооперативов в Америке. 22 октября 1918 г. за подписью члена коллегии Центросоюза А.М. Беркенгейма в президиум ВСНХ было направлено письмо с просьбой дать делегации поручения, связанные с общегосударственным планом внешнего товарообмена, равно и общими нуждами промышленности. В этот период имелось в виду включить в состав делегации Центросоюза официальных представителей ВСНХ “для информации, контроля, завязывания непосредственных отношений с Америкой, когда-то будет возможно, и для выяснения вопроса о старых торговых сделках с Америкой”. Однако вследствие резко враждебной позиции США в отношении Советской власти от участия представителей ВСНХ в кооперативной делегации пришлось отказаться. 15 ноября 1918 г. между ВСНХ и Центросоюзом был заключен “Договор по выполнению поручений ВСНХ на иностранных рынках”. Согласно договору, делегация должна была посетить некоторые европейские государства, а затем направиться в США и создать там постоянное представительство. Весьма характерно, что в своей деятельности делегация должна была “исходить из декрета о национализации внешней торговли”. Ей поручались конкретные закупки инструмента, грузовых автомобилей, каучука, резины, сахара, кожи, обуви, чая и т.п.”. И далее автор отмечал, что попытка использовать полулегальные возможности проникновения на американский рынок под кооперативным флагом “является лишним доказательством самых серьезных намерений Советского государства вступить в конкретные экономические отношения с Соединенными Штатами в 1918 г.”²⁵ Нас же в этом сюжете интересует другая сторона вопроса. Традиционно сильные позиции Центросоюза в Сибири и на российском Дальнем Востоке, сохранение этого влияния и значительных торговых оборотов в период гражданской войны, и, с другой стороны, деловые, если не сказать “дружественные”, контакты с Советской властью ставили Центросоюз в особое положение. Уместно было бы предположить (более подробно об этом говорилось выше), что кооперативные организации являлись одним из тех звеньев, которые связывали “белую” и “красную” экономики в период гражданской войны, способствовали перетоку товаров и денежных средств через линию фронта.

Подводя итог в изучении основных направлений, по которым шло в 1930–1980-х гг. развитие отечественной историографии экономической политики антибольшевистских правительств Сибири и Дальнего Востока, необходимо сделать следующие выводы.

Становится очевидным, что в советской историографии 1930 – 1980-х гг. практически отсутствуют объективные научные исследования, посвященные экономическим проблемам периода гражданской войны.

Целый ряд научных трудов, появившихся в это период, тщательно обходил молчанием экономические процессы, имевшие место на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам. Пристальное внимание исследователей было уделено лишь тем областям, на которых была установлена советская власть. Смещение линии фронтов гражданской войны в ту или иную сторону означало, с историографической точки зрения, выпадение из поля зрения исследователей экономических проблем региона целых областей. В результате в историографии сложилась парадоксальная ситуация: огромные регионы Сибири и Дальнего Востока, производившие во время гражданской войны продукцию, закупавшие и продававшие товары на внешнем рынке, осуществлявшие собственную экономическую политику и планировавшие хозяйственное развитие регионов на перспективу, оказались с этой точки зрения практически не исследованы. Вместе с тем, действия советских властей в области экономики, даже самые малозначительные и ошибочные, нашли подробное освещение в научных трудах.

С другой стороны, в эти годы в отечественной историографии отложился весомый пласт научных трудов, посвященных исследованию политики западных государств и Японии на российском Дальнем Востоке и Сибири. На основе большого количества документальных материалов, авторы названных трудов показали глубокую интегрированность иностранного капитала в экономику Сибири и Дальнего Востока. Эти исследования, не лишённые неизбежных в тот период времени идеологических перекосов, и по сей день остаются весьма важными для изучения поставленных проблем.

Примечания

- ¹ *Стасюкевич С.М.* «Чистки» хлебозаготовительного аппарата на советском Дальнем Востоке в конце 1920-х годов // Новый исторический вестник. 2015. № 44. С. 89.
- ² *Исповедников Д.Ю.* Освещение дальневосточного приграничья разведкой штаба Иркутского военного округа (1918 – 1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 34. С. 48.
- ³ *Шевцов В.В.* Революция и Гражданская война в освещении губернских ведомостей Сибири // Новый исторический вестник. 2014. № 42. С.31.
- ⁴ *Черниченко М.Ю.* «Спекуляция празднует свою вакханалию»: образы спекуляции и спекулянта в периодической печати Белого юга России (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2013. № 38. С. 72.
- ⁵ *Карпенко С.В.* расстройство транспорта и кризис торговли в Крыму и Северной Таври: Из истории тыла Русской армии генерала П.Н. Врангеля (1920 год) // Новый исторический вестник. 2015. № 44. С. 116.

- ⁶ *Авдаков Ю.К.* Народное хозяйство в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918 – 1920 гг.). Учебное пособие по курсу истории народного хозяйства СССР. М., 1959. С. 4.
- ⁷ *Селезнев Г.К.* Тень доллара над Россией. М., 1957. С. 23.
- ⁸ См.: *Шиша А.* Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1923.
- ⁹ *Селезнев Г.К.* Тень доллара над Россией. М., 1957. С. 156.
- ¹⁰ *Селезнев Г.К.* Крах заговора. Агрессия США против Советского государства в 1917 – 1920 гг. М., 1963.
- ¹¹ *Дмитриев Н.И.* Промышленность Урала в период военной интервенции и гражданской войны (май 1918–1920). Автореф. дисс. к.и.н. Свердловск, 1985. С. 13.
- ¹² ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 187. Л. 17-21.
- ¹³ *Долгов Л.Н.* Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре, 1996. С. 60.
- ¹⁴ *Будберг А.* Дневник. М., 1990. С. 230.
- ¹⁵ *Иванов Б.В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976. С. 267.
- ¹⁶ *Илимский Д.* Кооперативные союзы Сибири 1908–1918 гг. М., 1919.
- ¹⁷ *Парфенов П.С.* Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918 – 1920 гг. М., 1921; Он же. Гражданская война в Сибири 1918–1920 гг. Изд. 2-е. М., 1925.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 116. Л. 23.
- ¹⁹ *Иванов Б.В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976. С. 273.
- ²⁰ Сибирская кооперация. 1919; Вестник Совета Всесибирских кооперативных съездов. 1919.
- ²¹ *Иванов Б.В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск. 1976. С. 273.
- ²² *Светачев М.И.* Политика империалистических держав в отношении Сибири (1918–1922 гг.). Автореф. Дисс. Д.и.н. М., 1978. С. 23.
- ²³ В 1917–1925 гг. Центросоюз имел свои представительства в Берлине, Варшаве, Вене, Владивостоке, Гельсингфорсе, Константинополе, Лондоне, Минске, Норвегии, Нью-Йорке, Омске, Париже, Риге, Стокгольме, Китае, Японии и т.д. (ГА РФ. Ф. 5905. Оп. 1.).
- ²⁴ ГА РФ. Ф. 5905. Оп. 1. Д. 656 – 660.
- ²⁵ *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада в 1917 – 1923 гг. Очерки истории экономических отношений. М., 1969. С. 74.

1. *Stasjukevich S.M.* «Chistki» hlebozgotovitel'nogo apparata na sovetskom Dal'nem Vostoke v konce 1920-h godov // *Novyj istoricheskij vestnik*. 2015. № 44. S. 89.
2. *Ispovednikov D.Ju.* Osveshhenie dal'nevostochnogo prigranich'ja razvedkoj shtaba Irkutskogo voennogo okruga (1918 – 1919 gg.) // *Novyj istoricheskij vestnik*. 2012. № 34. S. 48.

3. *Shevcov V.V.* Revoljucija i Grazhdanskaja vojna v osvshhenii gubernskih vedomostej Sibiri // *Novyj istoricheskij vestnik*. 2014. № 42. S.31.
4. *Chernichenko M.Ju.* «Spekuljacija prazdnuet svoju vakhanaliju»: obrazy spekuljicii i spekuljanta v periodicheskoj pechati Belogo juga Rossii (1919 g.) // *Novyj istoricheskij vestnik*. 2013. № 38. S. 72.
5. *Karpenko S.V.* rasstrojstvo transporta i krizis trgovli v Krymu i Severnoj Tavri: Iz istorii tyla Russkoj armii generala P.N. Vrangelja (1920 god) // *Novyj istoricheskij vestnik*. 2015. № 44. S. 116.
6. *Avdakov Ju.K.* Narodnoe hozjajstvo v period inostrannoj intervencii i grazhdanskoj vojny (1918–1920 gg.). Uchebnoe posobie po kursu istorii narodnogo hozjajstva SSSR. M., 1959. S. 4.
7. *Seleznev G.K.* Ten' dollara nad Rossiej. M., 1957. S. 23.
8. Sm.: Shisha A. Rol' inostrannogo kapitala v jekonomicheskoy zhizni Sibiri. Novonikolaevsk, 1923.
9. *Seleznev G.K.* Ten' dollara nad Rossiej. M., 1957. S. 156.
10. *Seleznev G.K.* Kraih zagovora. Agressija SShA protiv Sovetskogo gosudarstva v 1917 – 1920 gg. M., 1963.
11. *Dmitriev N.I.* Promyshlennost' Urala v period voennoj intervencii i grazhdanskoj vojny (maj 1918 – 1920). Avtoref. diss. k.i.n. Sverdlovsk, 1985. S. 13.
12. GA RF. F. 200. Op. 1. D. 187. L. 17-21.
13. *Dolgov L.N.* Jekonomicheskaja politika grazhdanskoj vojny: opyt Dal'nego Vostoka Rossii. Komsomol'sk-na-Amure, 1996. S. 60.
14. *Budberg A.* Dnevnik. M., 1990. S. 230.
15. *Ivanov B.V.* Sibirskaja kooperacija v period Oktjabr'skoj revoljucii i grazhdanskoj vojny. Tomsk, 1976. S. 267.
16. *Ilimskij D.* Kooperativnye sojuzy Sibiri 1908 – 1918 gg. M., 1919.
17. Parfenov P.S. Uroki proshlogo. Grazhdanskaja vojna v Sibiri 1918 – 1920 gg. M., 1921; On zhe. Grazhdanskaja vojna v Sibiri 1918 – 1920 gg. Izd. 2-e. M., 1925.
18. GA RF. F. 200. Op. 1. D. 116. L. 23.
19. *Ivanov B.V.* Sibirskaja kooperacija v period Oktjabr'skoj revoljucii i grazhdanskoj vojny. Tomsk, 1976. S. 273.
20. Sibirskaja kooperacija. 1919; Vestnik Soveta Vsesibirskih kooperativnyh s#ezdov. 1919.
21. *Ivanov B.V.* Sibirskaja kooperacija v period Oktjabr'skoj revoljucii i grazhdanskoj vojny. Tomsk. 1976. S. 273.
22. *Svetachev M.I.* Politika imperialisticheskikh derzhav v otnoshenii Sibiri (1918 – 1922 gg.). Avtoref. Diss. D.i.n. M., 1978. S. 23.
23. V 1917 – 1925 gg. Centrosjuz imel svoi predstavitel'stva v Berline, Varshave, Vene, Vladivostoke, Gel'singforse, Konstantinopole, Londone, Minske, Norvegii, N'ju-Jorke, Omske, Parizhe, Rige, Stokgol'me, Kitae, Japonii i t.d. (GA RF. F. 5905. Op. 1.).
24. GA RF. F. 5905. Op. 1. D. 656 – 660.
25. *Shishkin V.A.* Sovetskoe gosudarstvo i strany Zapada v 1917 – 1923 gg. Ocherki istorii jekonomicheskikh otnoshenij. M., 1969. S. 74..

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПРЕДПРИЯТИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Для большинства промышленных предприятий последние годы стали периодом сжатия инвестиционных программ. Неблагоприятная макроэкономическая и геополитическая ситуация оказали сдерживающее влияние на инвестиционную активность российских предприятий. Обострившиеся риски, нарастающая геополитическая напряженность, неопределенность на финансовых рынках, в том числе зарубежных, а также внутренние системные отраслевые проблемы заставили российских промышленников не только занять выжидательную позицию в отношении стратегического развития своих предприятий на ближайшее будущее, но и в целом приступить к переоценке инвестиционной стратегии.

Тем не менее, основной вклад в динамику инвестиций внес инерционный характер ослабления деловой конъюнктуры на промышленных предприятиях. Важнейшие индикаторы, отвечающие за благополучие машиностроительной отрасли в промышленности, в течение анализируемого периода развивались в рамках четко обозначенного стагнационного сценария.

Согласно данным Росстата, динамика инвестиций в основной капитал в течение 2014 г. оставалась преимущественно отрицательной (темпы снижения составили 2,4 %), причем по итогам января – ноября 2014 г. было зафиксировано максимальное снижение инвестиций до 4,8 %.

Ключевое условие поступательного развития инвестиционной деятельности на промышленных предприятиях – деловой климат продолжил негативные тенденции. Как показывают результаты опросов, проводимых Росстатом, руководителей около 4 тыс. крупных и средних промышленных предприятий, индекс предпринимательской уверенности демонстрировал отрицательные значения в течение года (среднее значение за год составило – 4 %).

Наблюдаемое ослабление инвестиционной активности не оказало принципиального влияния на цели и направления деятельности промышленных предприятий. В 2014 г. сохранилась преемственность стратегических целевых приоритетов в инвестиционной политике. Основной целью инвестирования в основной капитал была замена изношенной техники и

оборудования, а также комплекс мер, направленных на повышение эффективности производства (таблица. 1).

Таблица 1. Цели инвестирования в основной капитал (доля от общего числа обследованных предприятий машиностроительного комплекса), %.

Цели инвестирования	Доля от общего числа предприятий машиностроительного комплекса, %			
	2011	2012	2013	2014
Замена изношенной техники и оборудования	70	69	69	69
Автоматизация и механизация существующего производственного процесса	50	47	48	50
Снижение себестоимости продукции	42	43	41	37
Экономия энергоресурсов	42	42	42	41
Внедрение новых производственных технологий	38	39	39	38
Охрана окружающей среды	41	40	38	38
Увеличение производственной мощности с неизменной номенклатурой продукции	30	32	26	27
Увеличение производственной мощности с расширением номенклатуры продукции	35	30	34	33
Создание новых рабочих мест	22	21	22	23

Источник: Остапкович Г.В. Инвестиционная активность крупных и средних российских промышленных производств в 2014 году//Инвестиции в России, М., №4, 2015г., С. 9.

В целом, динамика выбытия основных средств в 2014 г. отличалась невыразительным характером, что в дополнительной мере свидетельствует о нарастании паузы в процессах, связанных с инвестированием и развитием производства.

На фоне данной тенденции на предприятиях практически не наблюдалась ротация основных средств. В результате возрастная структура зданий, сооружений, машин и оборудования, транспортных средств относительно предшествующих периодов практически не изменилась.

В анализируемом периоде доля предприятий, располагающих машинами и оборудованием в возрасте от 10 до 30 лет, вновь достигает 50%, что является свидетельством отставания и ослабленных конкурентных позиций в российской машиностроительной промышленности (рис. 1).

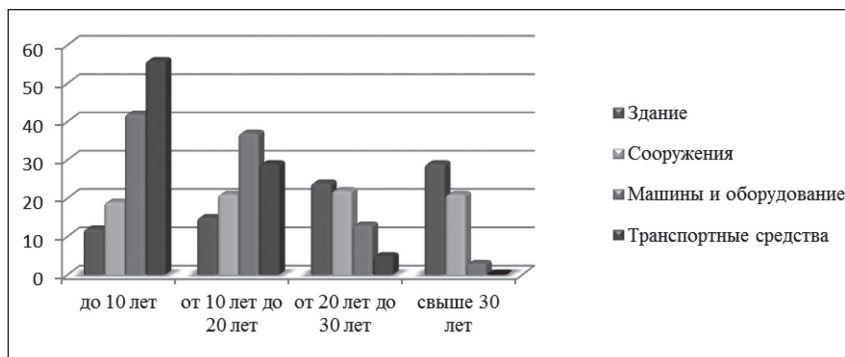

Рис. 1. Оценка возраста основных средств в 2014 г. (доля от общего числа обследованных предприятий машиностроительного комплекса), %.

Источник: Росстат [Электронный ресурс]: информ. аналит. материалы – Электрон. дан., М., сор. 1999- 2015. – Режим доступа:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918730234 (дата обращения 09.12.2015.)

Особенно сложная ситуация с парком машин и оборудования прослеживалась на предприятиях по производству транспортных средств и оборудования. Средний возраст транспортных средств в 2014 г. в машиностроительных производствах составил около 9 лет, машин и оборудования – более 12 лет, а зданий и сооружений – 25 и 19 лет соответственно.

В направлениях инвестиционной политики в 2014 г. основными ориентирами стали целевые приоритеты, а также неизбежно устаревающая активная часть основных фондов. Согласно результатам обследования, проведенного Центром конъюнктурных исследований Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, большая часть руководителей организаций всех видов деятельности (в среднем около 90 %) направляла инвестиции на создание новых основных средств, приобретая машины и оборудование.

Следующее направление, которое чаще остальных фиксировали респонденты, заключалось в модернизации основных средств. Однако в 2014 г. и это направление инвестирования оказалось под финансовым секвестром, о чем свидетельствует снижение доли производств с 59 % в 2013 г. до 56 % в 2014 г.¹

Тем не менее, дальнейшее распределение оценок, указывающих на направления приобретения основных средств, несколько нивелирует представленные выше результаты (рис. 2).

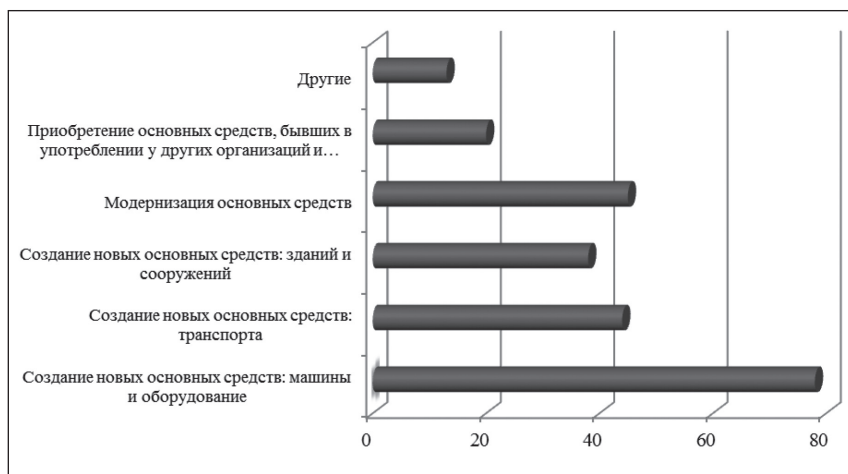

Рис. 2. Направления инвестиций в основной капитал в 2014 г. (доля от общего числа обследованных предприятий соответствующего вида экономической деятельности), %.

Источник: Росстат [Электронный ресурс]: информ. аналит. материалы. – Электрон. дан. ,М., сор. 1999- 2015. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_48/Main.htm (дата обращения 09.12.2015.)

Так, в 2014 г. уже на каждом четвертом предприятии прослеживалась тенденция инвестирования в основной капитал не только сооружений и зданий, но и машин и оборудования с вторичного рынка, причем наблюдаемый процесс усилился.

В рамках модернизации в 2014 г. продолжали осуществляться компенсационные меры по обновлению основных фондов. Происходило устойчивое снижение доли респондентов, проводивших мероприятия, направленные на снижение себестоимости продукции (43 % в 2011 г., 41 % в 2013 г. и 37 % в 2014 г.) и высокой доли тех, кто на фоне автоматизации существующего производственного процесса констатировал

приобретение и ввод в действие техники в виде отдельных установок (около 60 % респондентов).

По всей видимости, «догоняющая» стратегия, основанная на инвестировании в существующие технологии и технику, остается на сегодняшний день основным вектором развития машиностроительных предприятий.

Указанные целевые ориентиры, а также направления и связанные с ними тенденции развития – в первую очередь следствие финансовых возможностей предприятий. В течение 2014 г. характер финансовых проблем, как и структура источников инвестирования, относительно предшествующих периодов, не изменились.

Основными источниками финансирования инвестиций в основной капитал для большинства организаций являлись собственные средства. В 2014 г., как и в 2013 г., в структуре источников финансирования инвестиционной деятельности машиностроительных предприятий преобладают собственные средства, которые составляют более 48% в общем объеме финансирования.

Помимо собственных средств промышленных предприятий в течение 2014 г. отмечалось незначительное сужение кредитных портфелей, что выразилось в уменьшении до 9,3 % доли банковских кредитов в структуре инвестиций в основной капитал (для сравнения в 2013 г. данный источник составлял 10 %).

Таким образом, 2014 г. стал одним из крайне неблагоприятных периодов для инвестиций в основной капитал за последние десять лет. Из-за неопределенности экономической ситуации, повышенной волатильности на валютном рынке и не очень благоприятного предпринимательского климата, зачастую финансовые средства, в теории, предназначенные для инвестирования, переводились за рубеж или перебрасывались в фонд оплаты труда.

Тем не менее, основные конъюнктурные параметры, определившие динамику инвестирования машиностроительных предприятий, оказались связаны с многолетними особенностями развития отечественных промышленных производств. Предприятия продолжали развиваться по устаревшему сценарию, где понятие «модернизация» в инвестиционном процессе по-прежнему носит фрагментарный характер.

Обострившаяся макроэкономическая конъюнктура выступила самым отягчающим фактором, повлияв на перспективы 2015 г. и первоначальные возможности запуска механизма инвестиционных процессов. Очевидно, что сужение доступа российских компаний к международным финансовым ресурсам и ужесточение внутренней денежно-кредитной политики, на фоне снижения национальной валюты и усилившимися инфляционными ожиданиями, обострило риски и спровоцировало кризис доверия между всеми существующими и возможными участниками инвестиционных проектов

В таблице 2 приведены данные о рентабельности продукции машиностроительной отрасли, рассчитываемой как отношение финансового результата от продажи продукции к её себестоимости. Из данной таблицы видно, что инвестиции, без которых невозможно развитие, пойдут в высокодоходные добывающие отрасли, рентабельность продукции в которых более чем в три раза превышает показатель машиностроительной отрасли.

Таблица 2. Рентабельность проданной продукции и активов в экономике России и машиностроительном комплексе в 2003–2014 гг., %.

Вид экономической деятельности	Рентабельность проданной продукции					Рентабельность активов				
	2003	2005	2012	2013	2014	2003	2005	2012	2013	2014
Всего в экономике, в том числе:	10,2	13,5	8,6	7,7	8,6	5,9	8,8	6,1	4,5	3,9
добыча полезных ископаемых	19,2	35,6	28,0	25,1	22,2	7,6	12,9	11,9	11,3	14,6
Обрабатывающие производства, в том числе:	12,4	15,3	10,7	9,5	10,7	7,3	11,9	8,1	4,5	2,3
производство машин и оборудования	5,8	8,2	7,0	7,5	6,8	1,5	6,1	4,1	3,3	1,3
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	8,3	8,4	8,3	8,9	10,2	4,3	6,2	6,5	5,1	5,1
производство транспортных средств и оборудования	9,8	6,9	5,3	5,8	5,5	3,1	1,6	2,8	1,6	-0,3

Источник: Росстат [Электронный ресурс]: – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_48/Main.htm (дата обращения 05.12.2015.)

Привлечение заёмных средств представляется проблематичным, так как ставки по кредитам значительно превышают рентабельность машиностроительных производств. В среднем по машиностроительной отрасли

рентабельность активов составляет 4,9 %, что снижает доступность для предприятий машиностроения банковских кредитов, средневзвешенные процентные ставки по которым на срок свыше 1 года в конце 2014 г. уже составляли свыше 25 %.

Доля кредитов со сроком погашения свыше одного года в общем объеме кредитов возросла с 52 % на 01.01.2008 до 69,8 % на 01.01.2014. Доля кредитов со сроком погашения более трех лет соответственно – с 23,8 % до 44,3 %. На долгосрочной основе (свыше 1 года) кредиты предоставлялись в основном банками, контролируруемыми государством, и крупными частными банками. Совокупная доля этих кредитных организаций в общем объеме долгосрочных кредитов достигла 84,2 % на 01.01.2014. Роль валютных кредитов в финансовом обеспечении организаций начала уменьшаться: их доля в общем объеме предоставленных кредитов сократилась с 25,5 % на 01.01.2008 до 23,2 % на 01.01.2014².

Кредиты организациям в существенной мере финансировались за счет ресурсов организаций, размещенных в банковской системе, что свидетельствует об улучшении взаимодействия банков и корпоративного сектора (таблица 3). Соотношение этих показателей, характеризующее степень покрытия кредитов привлеченными средствами, в исследуемый период варьировалось в минимаксном диапазоне от 0,68 (на 01.01.2009) до 0,77 (на 01.01.2011).

Участие банков в финансировании инвестиций в основной капитал выражается, прежде всего, в инвестиционном кредитовании. Хотя анализ кредитного портфеля российских коммерческих банков свидетельствует о растущих масштабах кредитования нефинансовых организаций и улучшении его структуры по срокам, сумма кредитов, предоставленных реальному сектору, в реальном выражении не превышает уровень 2008 года. Доля кредитов нефинансовым организациям в общем объеме выданных кредитов имеет тенденцию к снижению – с 63,4 % на 01.01.2008 до 55,7 % на 01.01.2014.

Как видно из анализа данных таблицы 4, объемы инвестиционных кредитов в течение исследуемого периода изменялись волнообразно. Их доля в общем объеме кредитов в 2009 г. возросла, а затем начала резко снижаться, достигнув к 2014 г. 3,73 %. Доля инвестиционных кредитов в общем объеме кредитов, предоставленных организациям на срок более 1 года, имела тенденцию к стабильному снижению. В целом произошло снижение более чем в 2 раза с 10,94 % на 01.01.2008 до 5,35 % на 01.01.2014. Аналогичный показатель в 2012 г. составлял в США 40 %; в странах ЕС 45 %; в Японии 65 %³.

Несмотря на рост банковского финансирования машиностроительной отрасли в абсолютном выражении, в общей структуре кредитов нефинансовому сектору на долю производства машин и оборудования в 2013 г. приходилось не более 2 %.

Таблица 3. Депозитно-кредитные связи корпоративного и банковского секторов в 2008-2014 гг., млрд. руб. (данные на начало года)

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
1	2	3	4	5	6	7	8
Средства, привлеченные от организаций	7 053,1	8 774,6	9 557,2	11 127	13 996	15 648	17 787
Кредиты, предоставленные организациям	9 532,6	12 843,5	12 879,2	14 529,9	18 400,9	20 917,4	23 678,1
Соотношение средств, привлеченных от организаций, и кредитов, предоставленных организациям (коэффициент покрытия)	0,74	0,68	0,74	0,77	0,76	0,75	0,75
Сальдо кредитов, предоставленных банками организациям, и привлеченных от организаций средств	2 479,5	4 068,9	3 322	3 402,9	4 404,9	5 269,4	5 891,1

Источник: Банк России [Электронный ресурс]: – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=idkp_br (дата обращения 08.11.2015.)

Таблица 4. Инвестиции в основной капитал, кредиты и инвестиционные кредиты банков организациям в 2008-2014 гг. (данные на начало года)

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
1	2	3	4	5	6	7	8
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	5 217,2	6 705,5	6 040,8	6 625,0	8 445,2	9 595,7	9 499,3
Кредиты, предоставленные организациям в рублях и в иностранной валюте, всего, млрд. руб.	9 532,6	12 843,5	12 879,2	14 529,9	18 400,9	20 917,4	23 678,1

1	2	3	4	5	6	7	8
Доля банковских кредитов в общем объеме источников финансирования инвестиций в основной капитал (по крупным и средним организациям), %.	10,4	11,8	10,3	9,0	8,6	8,4	9,3
Инвестиционные кредиты, предоставленные банками организациям, млрд. руб.	542,6	791,2	622,2	596,3	726,3	806,0	883,4
Доля инвестиционных кредитов в общем объеме кредитов банков организациям, %.	5,69	6,16	4,83	4,10	3,95	3,85	3,73
Доля инвестиционных кредитов в общем объеме кредитов, предоставленных организациям на срок более 1 года, %.	10,94	10,78	7,27	6,14	5,92	5,61	5,35

Источник: Банк России [Электронный ресурс]: – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=idkp_br (дата обращения 08.11.2015.)

В результате, доля кредитования предприятий машиностроительного комплекса остается крайне низкой. Между тем острота проблем восстановления поступательного развития отечественной экономики требует его существенного увеличения. Следует отметить, что не только банки, но и сами предприятия не используют в достаточной мере имеющиеся финансовые ресурсы для инвестирования. Рост потребностей реального сектора в инвестициях сопровождается ростом нефинансовых вложений предприятий. В 2008–2013 гг. объемы финансовых вложений средних и крупных предприятий и организаций существенно превышали объемы инвестиций в основной капитал. В 2008 г. – более чем в три раза, в 2009 г. – в 3,3 раза, в 2010 г. – в 4,5 раза, в 2011 г. – в 6,2 раза, в 2012 г. – в 6,9 раза, а в 2013 г. – в 7,7 раза⁴.

Активизации банковских инвестиций в основной капитал препятствуют следующие группы факторов:

- факторы, находящиеся на стороне банковского сектора;
- факторы, находящиеся на стороне нефинансовых организаций-реципиентов банковских инвестиций.

Факторы, находящиеся на стороне банковского сектора, связаны:

- с низким уровнем ресурсного потенциала, объема и качества капитала банков;
- недостаточной сбалансированностью кредитов и источников их фондирования по срокам;
- высокими рисками инвестиционных вложений в реальный сектор экономики.

Факторы, находящиеся на стороне нефинансовых предприятий-реципиентов банковского капитала, связаны:

- с рисками ухудшения их финансового положения в условиях замедления роста экономики и неопределенности хозяйственной среды на фоне ухудшения геополитической ситуации;
- со снижением уровня рентабельности и возможностей для инвестиционного развития;
- с повышенными издержками входа на рынок банковских кредитов средних и мелких предприятий;
- с недостаточной проработанностью инвестиционных проектов.

Возможности получения кредита для крупных корпоративных клиентов и небольших предприятий резко различаются. У средних и мелких предприятий, как правило, отсутствуют дополнительные привлекательные для банка условия (гарантия и поддержка государственных структур, возможности диверсификации рисков и расширения влияния банков через участие в капитале и пр.), что определяет повышенные издержки входа на рынок банковских кредитов. Для крупных компаний такие издержки являются менее обременительными, поэтому они получают определенные преференции при кредитовании. Ценовой доступ к банковским кредитам для этих категорий клиентов также различается. Согласно международному рейтингу конкурентоспособности, подготовленному Международным экономическим форумом, в 2012–2013 гг. по легкости получения банковского кредита Россия занимала лишь 86-е место среди 142 стран, уступая остальным членам БРИКС.

Таким образом, снижается степень доступности кредитов банков для большинства отечественных компаний. При отрицательной разности между уровнем рентабельности активов и процентными ставками по кредитам предприятия несут непомерное бремя долга, ухудшающее их финансовое положение. С одной стороны, отсутствие возможностей получить по приемлемым процентным ставкам инвестиционные кредиты, обеспечивающие решение масштабных задач развития предприятий, лишает смысла сам процесс ведения ими проектных разработок. С другой стороны, предлагаемые банкам для финансирования инвестиционные

проекты характеризуются низкой эффективностью и обоснованностью, что свидетельствует о недостатке проектов, под которые банки могли бы предоставлять инвестиционные кредиты предприятиям по процентной ставке, близкой к ключевой. Следует также отметить, что поскольку процентные ставки по инвестиционным кредитам в России существенно выше, чем на Западе, отечественные предприятия при прочих равных условиях являются менее конкурентоспособными по сравнению с западными компаниями.

Таким образом, принимая во внимание всю неординарность макро- и политической ситуации, а также комплекс структурных проблем, следует заключить, что в ближайшее время предприятиям без государственной поддержки перезапустить инвестиционные процессы будет крайне затруднительно. В сложившихся условиях государству необходимо использовать такие инструменты поддержки инвестиционного процесса машиностроительных предприятий, как предоставление льгот по региональным налогам и налогу на прибыль, предоставление инвестиционно-налогового кредита предприятиям, занимающимся НИОКР, предоставление субсидий из бюджета субъекта РФ на уплату лизинговых платежей и уплату процентов по кредитам, полученным для обновления фонда основных средств, увеличение госзаказа машиностроительной продукции для стимулирования внутреннего спроса.

Для мобилизации инвестиционного потенциала и выхода на траекторию устойчивого долгосрочного роста необходимы кардинальные перемены и структурные реформы. Перестройка экономической модели развития должна основываться на внутренних источниках роста, стратегически важным из которых является политика импортозамещения, как одна из адекватных и высокопотенциальных мер стабилизации ситуации и противостояния новым возможным глобальным вызовам. Причем данный процесс должен проходить в рамках существующих принципов международной экономической интеграции, не исключая трансфер технологий и привлечения иностранных инвестиций и специалистов на стадии новых для России научных разработок.

Примечания

¹ *Остapкович Г.В.* Инвестиционная активность крупных и средних российских промышленных производств в 2014 году//Инвестиции в России, М., №4, 2015г., С. 8.

Ostapkovich G.V. Investitsionnaya aktivnost' krupnykh i srednikh rossiyskikh promyshlennykh proizvodstv v 2014 godu//Investitsii v Rossii, M., №4, 2015g., S. 8.

² Банк России [Электронный ресурс]: – Электрон. дан. М., 2015.URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=idkp_br (дата обращения 08.11.2015.)

Bank Rossii [Elektronnyy resurs]: – Elektron. dan. M., 2015.URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=idkp_br (data obrashcheniya 08.11.2015.)

³ *Игонина Л.Л.* Роль банков в финансовом обеспечении инвестиций в основной капитал//Банковское дело, М., №2 (626), 2015г., С. 6.

Igonina L.L. Rol' bankov v finansovom obespechenii investitsiy v osnovnoy kapital// Bankovskoe delo, M., №2 (626), 2015g., S. 6.

⁴ Росстат [Электронный ресурс]: информ. аналит. материалы. Электрон. дан. М., 2015.URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_48/Main.htm (дата обращения 05.12.2015.)

Rosstat [Elektronnyy resurs]: inform. analit. materialy. Elektron. dan. M., 2015.URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_48/Main.htm (data obrashcheniya 05.12.2015.)

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ КРЫМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. – 1914 Г.

В настоящее время с процессом активной интеграции Крыма во все-российское пространство растет интерес к истории развития транспортной системы полуострова в дореволюционной России. В этой связи возникла необходимость исторической реконструкции преобразований прошлого века, осмысления их в свете современных подходов, разрабатываемых исторической наукой.

После присоединения к России в 1783 г. Крымский полуостров постепенно развивался по всем направлениям социальной, экономической и культурной жизни общества. Со стороны имперских властей предпринимались серьезные шаги в решении возникающих проблем. Однако системный характер эта политика приобрела лишь после Крымской войны (1853–1856 гг.) в результате которой Российская империя потерпела поражение, что обнажило несовершенство феодально-крепостнической системы государства и весьма печальное состояние социальной сферы крымского общества. Транспортная система не была исключением. Необходимость экономического, хозяйственного и туристического освоения полуострова также не вызывала сомнений.

К середине XIX в. Крым располагал примитивной транспортной системой, в основном представленной тропами и грунтовыми дорогами. Первой на пути решения этой проблемы стала разработка законодательной базы, благодаря которой упорядочился процесс строительства сухопутных путей сообщения¹. С появлением ряда императорских указов и указов Министерства путей сообщения и публичных зданий сеть дорог в Российской империи стала стремительно расширяться, а качество дорожного покрытия значительно улучшилось². Особая социальная значимость законов состояла в регулировании правовых отношений между владельцами железных дорог и пассажирами, так как произвол первых наблюдался повсеместно^{3, 4, 5}. Это серьезно отразилось на качестве дорожного полотна и возможности коммуникации посредством железнодорожного сообщения как с материком, так и на самом полуострове. Значительные перемены коснулись и морского сообщения. С середины XIX в. началось активное строительство железных пристаней и каменных молов, завершившееся появлением полноценных морских портов в Севастополе, Керчи, Феодосии, Евпатории и Ялте^{6, 7, 8, 9, 10, 11}.

Таким образом, благодаря активной политике государства, к началу Первой мировой войны Крым представлял собой достаточно развитый как

в экономическом, так и в социальном плане регион империи с широкой сетью дорог и хорошими морскими портами.

Возвращаясь к историческому опыту, следует подчеркнуть, что к середине XIX в. было очевидным, что без транспортного обеспечения внутри Крыма, без использования плодородной почвы прибрежной полосы полуострова, без возможности качественного сообщения с другими регионами Российской империи, дальнейшее развитие полуострова было невозможным. Сама история спровоцировала необходимость создания транспортной системы в Крыму уже в XIX в. Без решения этой первоочередной задачи об интенсивном развитии социально-экономической сферы не могло быть и речи. Только последовательная политика развития путей сообщения и дальнейшее объединение их в транспортную сеть могла позволить динамику экономики и туризма на благодатной крымской земле.

Однако, анализируя социально-экономическую сферу жизни полуострова в XIX в., следует отметить, что, вследствие массовой эмиграции крымских татар и негативных факторов Крымской войны, к середине XIX в. экономика Крыма оказалась в кризисном положении^{12, 13, 14}. Сложившаяся веками система хозяйствования была разрушена. В этой непростой ситуации царское правительство предприняло ряд мер для нормализации хозяйственной жизни и экономики в целом. Интеграция новых южных земель в экономическую систему империи предполагала их наискорейшее преобразование в эффективный центр хозяйственного развития¹⁵. Масштабная колонизационная политика рассматривалась властями как один из инструментов достижения указанной цели, как эффективная стратегия устойчивого экономического развития региона. Колонисты строили новые предприятия, организовывали крупные частные хозяйства, используя для этого новейшие методики и разработки во всех отраслях человеческой деятельности¹⁶.

Большое значение для полуострова в этом свете имело привлечение инвестиций. После приобретения Императорской семьей имения в Ливадии (1861 г.), послужившее прецедентом для дальнейших массовых имущественных приобретений крымских земель, в Южной Тавриде началось активное приморское строительство^{17, 18, 19}. На полуостров массово потянулись русские помещики, интеллигенция, духовенство, общественные и культурные деятели. Это обусловило необходимость быстрого строительства путей сообщения, без которых интенсивное развитие экономики являлось невозможным.

Вместе с тем, активное строительство дорожно-транспортного комплекса в Крыму началось только в 20-х гг. XIX в. На смену грунтовым дорогам стали появляться шоссейные. В первую очередь были шоссированы три основные магистрали: от Перекопа до Севастополя, от Симферополя до Керчи и от Симферополя до Евпатории^{20, 21}. Не меньше

стратегическое значение имело строительство Южнобережного шоссе, впервые связавшего степной Крым с побережьем^{22, 23}.

Новый виток в вопросе улучшения качества транспортного сообщения произошел в 60-е гг. XIX в., когда многие дороги полуострова были заново шоссированы²⁴. Таким образом, к концу XIX в. путешественники и исследователи констатировали хорошее качество крымских дорог, что, в свою очередь, давало возможность развития хозяйства и экономики полуострова. Таким образом, в 1902 г. протяженность дорог Таврической губернии составляла: железных дорог – 699 верст., с каменным покрытием – 758 326 верст, грунтовые – 4 933 305 верст^{25, 26, 27}. Все вышеизложенное демонстрирует эволюцию средств передвижения в Крыму в период с XIX до начала XX вв.

Начало XIX в. охарактеризовалось значительной стоимостью грузовых и пассажирских перевозок. Помимо крымской мажары, по дорогам Крыма можно было передвигаться на почтовых лошадях или верхом²⁸. Кроме дороговизны проезда, в начале XIX в. значительной проблемой было плохое состояние дорог, что, в свою очередь, и диктовало такое незначительное разнообразие транспортных средств²⁹. В результате заметного прогресса в отношении качества сухопутного сообщения во второй половине XIX в. появилась возможность использования современных средств передвижения. К таким транспортным средствам относились: дилижанс (омнибус), карета, фаэтон, коляска, линейка, экипаж, ландо³⁰. С появлением разнообразного транспорта и увеличения количества перевозок наметился прогресс и в законодательной базе относительно этой новой для России отрасли. В этой связи местными властями был разработан ряд правил для езды и контроля за перевозками^{31, 32, 33}. Значительным шагом на пути повышения интенсивности грузо-пассажирских перевозок стало использование автомобилей³⁴. Реакция правительства на попытки установить автомобильное сообщение была в большинстве своем или отрицательной, или безразличной³⁵. Не углубляясь в суть дела, чиновники боялись связываться с чем-то новым и неизвестным. Но, как показывает мировая практика, прогресс остановить невозможно. Именно по этой причине медленные и шумные мажары заменили легкие, удобные и относительно быстрые экипажи и дилижансы. А на смену гужевого транспорту пришли автомобили.

Кроме сухопутных путей сообщения, в Крыму географически предполагалось активное использование морского транспорта. А благополучие и финансовый доход причерноморских городов напрямую зависели от темпов товарооборота через порты. Важным стимулом в процессе формирования портового комплекса было развитие транспортных сетей. Начало формирования политики царской власти в отношении необходимости выхода к Черному и Азовскому морям можно отнести к 15 марта 1770 г., когда после вопроса о независимости Крыма стала обсуждаться проблема мореходства

и расположения русских судов у черноморского берега. Решением этого вопроса стало подписание 10 июля 1774 г. Кучук-Кайнаджирского мирного договора³⁶.

Следует отметить, что развитие морских путей сообщения Крыма во второй половине XIX в. стимулировалось его географическим положением. Строительство портов в таких приморских городах, как Севастополь, Феодосия, Евпатория и Керчь стало первым этапом в деле создания морской системы транспорта на полуострове. Это сразу решало одну из глобальных задач в развитии региона – связь с материковой частью империи. Однако развитие морской транспортной системы не могло рассматриваться обособленно. Только в совокупности с сухопутной системой сообщения морской транспорт мог дать результаты во благо развития Крыма.

Социально-экономическое развитие полуострова повлекло за собой не только необходимость налаживания всех видов транспортных систем, но и колоссальные возможности в вопросах становления как внутренней, так и внешней торговли края.

Крымская война (1853–1856 гг.) стала основным показателем состояния дел в стране. Постепенное сворачивание послевоенных торговых льгот, отток крымскотатарского населения и заселение Крыма новыми жителями, а также кардинальное изменение законодательной базы, регламентирующей работу системы внутреннего рынка империи и развития транспортной системы, непосредственно влияли на темпы развития торговли на полуострове³⁷. Масштабное дорожное строительство стало результатом шоссирования основных торговых путей и проведения сети железнодорожных коммуникаций³⁸. Это, в свою очередь, позволило увеличить количество привозимых к портам товаров, а также значительно ускорить этот процесс. Модернизация крымских портов отразилась на качестве доставляемых грузов. Торговые связи были налажены с Турцией, Голландией, Италией, Англией, Грецией, Сардинией и другими странами. Благодаря всем этим эволюционным процессам, к началу XX в. товарно-промышленное развитие Крыма достигло своего апогея.

В этой связи развитие железнодорожного строительства в Российской империи было непосредственно связано с процессами формирования капитализма в государстве. Именно появление капитализма внесло значительные изменения в географию развития промышленности, сельского хозяйства и торговли, что неминуемо отражалось на скорости и месте прокладки новых железных дорог³⁹. Железнодорожный бум стал характерной чертой для Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.

Эта позитивная динамика не могла не отобразиться на развитии железнодорожной сети в Крыму. Становление и развитие железнодорожного сообщения на полуострове проходило непросто. Многократно жители Крыма ходатайствовали о проведении железных дорог к Феодосии, Евпатории, Керчи и Ялте⁴⁰. Довольно удачные проекты многих инициативных

крымчан оставались не реализованными вследствие бюрократических препятствий^{41, 42, 43, 44, 45}.

Негативно на решении вопроса железнодорожного обеспечения сказывались внешнеполитические конфликты Российской империи. Финансовые сложности также не обходили стороной полуостров^{46, 47}. Однако, несмотря на все проблемы и препятствия, в начале XX в. в Крыму уже действовала Лозово-Севастопольская железная дорога с ответвлениями на Керчь, Феодосию и Евпаторию^{48, 49}. Благодаря этому железнодорожной сетью были связаны основные торговые центры полуострова, а также другие регионы империи. В процессе своего развития железнодорожные коммуникации стали играть главную роль среди всех видов транспорта, и к началу XX в. они обеспечивали реализацию большей части товарооборота и более половины пассажирооборота от всех транспортных перевозок в Российской империи⁵⁰. Таким образом, появление железнодорожной системы дало толчок в развитии хозяйственной, экономической, социальной и туристической сферах полуострова.

В процессе своего усовершенствования железнодорожные коммуникации Крыма переняли на себя основную транспортную функцию полуострова. Экспорт и импорт товаров посредством железнодорожных перевозок через основные крымские порты позитивно сказался на росте благосостояния крымчан, что, в свою очередь, повлекло дальнейшее развитие транспортной системы полуострова. Рассматривая становление транспортной системы Крыма в контексте социально-экономического развития региона, мы не можем не упомянуть о туристической сфере.

Анализируя влияние развития транспортной системы на становление туризма в Крыму, стоит отметить следующее. За исключением царской семьи и ее подданных, а также богатого купечества и дворянства, на полуострове путешественники были достаточно редким явлением вплоть до середины XIX в.⁵¹ Причин тому несколько: дороговизна путешествий, неудовлетворительное состояние путей сообщения, обязательное наличие специальных документов (подорожной), крепостное право⁵². Однако с налаживанием сухопутного и морского сообщения русская знать, вслед за царем, начала строить поместья на полуострове. Это спровоцировало усовершенствование подъездных путей как к поместьям, так и к самому полуострову⁵³. К середине XIX в. поездки в Крым стали достаточно частым явлением для «высшего сословия».

К третьей четверти XIX в. на полуостров активно приезжала как отечественная, так и зарубежная интеллигенция: писатели, художники, артисты. Многие из них ехали не только из соображений моды или праздного интереса к Крыму. Главной мотивацией для посещения полуострова в этот период являлось климатолечение.

В этой связи следует заметить, что к концу XIX в. появились первые туристические организации на полуострове. Так, в Ялте и Севастополе

успешно функционировали отделения Крымско-Кавказского горного клуба^{54, 55}. Благодаря этому активно развивалась туристическая инфраструктура. Появились гостиницы, трактиры, позже – санатории⁵⁶. Этот процесс сопровождался активным развитием транспортной инфраструктуры полуострова, в результате чего Крым обеспечил себя железнодорожной сетью. В последствии с каждым годом увеличивались объемы туристических перевозок морским и сухопутным путем. Это было связано с экономическими, транспортными и социально-политическими тенденциями развития.

В последнюю четверть XIX в.–первое десятилетие XX вв. Крым вышел на первое место в России как наиболее посещаемый курорт. Этому способствовал ряд факторов: доступность цен, удобство для путешествий, целебный климат, морской и горный воздух, большое количество исторических мест и достопримечательностей. В Крыму сформировались всемирно известные курорты. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что в 1913 г. в круизах по Черному морю участвовало 10 млн. пассажиров из разных стран⁵⁷. Первая волна спада туристического развития была связана с русско-турецкой войной (1904–1907 гг.). Однако уже с 1908 г. конкуренция горных обществ и клубов между собой привела к значительным улучшениям туристического сервиса⁵⁸. Появились комфортабельные вагоны и путешествия на автомобилях. Не смотря на это, уже в первые годы Первой мировой войны начались проблемы с транспортом, что привело к определенному упадку туристической отрасли. Все эти факты красноречиво говорят о том, что именно туризму Крым обязан успехами в своем благоустройстве и процветании, а транспортная система в этом деле – главная задача.

Подытоживая все вышесказанное, мы можем выделить несколько этапов в процессе формирования дорожно-транспортной системы Крыма. Первым этапом (1824–1914 гг.) можно констатировать эволюцию сухопутных путей сообщения. В 1824 г. началось строительство Югобережного шоссе⁵⁹. В целом, до середины XIX в. на полуострове наблюдалось наличие только грунтовых дорог, а в середине XIX в. в период Крымской войны (1853–1856 гг.) уже активно функционировали почтовые тракты, однако качеством этот вид сухопутных дорог практически не отличался от грунтовых. И только к 70-м гг. XIX в. появились шоссе⁶⁰. В обозначенный период шоссе представляли собой посыпанные щебнем грунтовые дороги, но с технической точки зрения здесь предусматривались мостовые сооружения, стоки для воды, более ровная и широкая поверхность дорожного полотна. Появление шоссе в Крыму способствовало более удобному и быстрому сообщению, что, в свою очередь, стимулировало развитие всех отраслей экономики полуострова.

Второй этап (1770–1914 гг.) в вопросе развития транспортной системы на полуострове мы можем отнести к становлению морского сообщения,

которое развивалось довольно активно в силу географического положения полуострова. В начале XIX в. существовали только деревянные причалы в немногих городах Крыма⁶¹. Следствием этого было частое разрушение пристаней штормами, значительная задержка с выгрузкой и погрузкой товаров, которая происходила на расстоянии от берега, и в связи с этим дороговизна предоставления услуг по перевозке на морском судне⁶². Все это неминуемо тормозило развитие морских перевозок. Уже к середине XIX в. управы полуострова ходатайствовали перед генерал-губернатором о необходимости строительства железных пристаней и каменных молв⁶³. В результате позитивного решения этого вопроса многие портовые города полуострова получили возможность более удобного и быстрого сообщения по морю, что, в свою очередь, удешевило сообщение данным видом транспорта. Апогеем развития морского сообщения в Крыму стало строительство полноценных морских портов. Так, например, в Севастополе к началу XX в. коммерческий и военный порты представляли собой сложную организацию, состоящую из нескольких пристаней, помещений для хранения товаров и грузов, различные ремонтные мастерские, помещения для грузчиков и работников порта, технические помещения для Российского Общества Пароходства и Торговли. Благодаря столь значительным улучшениям в работе крымских портов, число отдыхающих и путешественников, прибывающих морем, значительно возросло. Увеличились и объемы торговых операций, осуществляемых посредством морского сообщения.

Третьим этапом (1875–1914 гг.) формирования дорожно-транспортной системы в Крыму стало, по нашему мнению, появление железнодорожно-го сообщения. Развитие железнодорожной системы также не было единовременным. В 1875 г. была построена первая ветка Лозово-Севастопольской железной дороги, по которой можно было добраться с материковой части Российской империи до Севастополя⁶⁴. В связи с тем, что данный вид транспорта оказался очень востребован в силу своей быстроты и относительной дешевизны, железнодорожная сеть на полуострове начала разрастаться. К концу XIX в. была достроена Джанкой-Феодосийская ветка, а в 1915 г. окончилось строительство Евпаторийского железнодорожного направления^{65, 66}. Таким образом, можно отметить два значительных события в третьем этапе формирования дорожно-транспортной системы в Крыму. Первое – соединение полуострова с материком, второе – расширение железнодорожной сети внутри Крыма. Благодаря столь значительным переменам в вопросе формирования дорожно-транспортной системы в Крыму на протяжении всего XIX в., мы можем констатировать постепенную унификацию путей сообщения на полуострове. Бесспорным результатом данного процесса стало активное развитие социально-экономической сферы и увеличение пассажиропотока отдыхающих в Крым.

Примечания

- ¹ *Ляхницкий М.А.* Обыкновенные дороги: устройство и ремонт шоссеиных, мощеных и грунтовых дорог. Изд. 3-е. СПб.: тип. Ю. Н. Эмрих, 1901. С.293.
- ² Там же, С.202.
- ³ Об образовании Управления морским ведомством и Управления портами: Указ от 27 января 1860 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. СПб., 1862. Т. 35, № 35386. С. 73.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Высочайше утвержденное положение Главного комитета обустройства сельского состояния, объявленное Сенату Министром внутренних дел: Закон от 10 марта 1865 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. СПб., 1867. Т. 40, № 41902. С. 296.
- ⁶ Севастопольский государственный исторический архив (СГИА) Ф. Р-567. Коллекция документов по истории города Севастополя Шавшин В.Г. Статьи по истории города Севастополя. Том 2 (последний). Рукопись, машинопись с авторскими правками. Оп. 1. Д. 2. 1978. Л. 64–88.
- ⁷ СГИА Ф. Р-567. В.Г. Шаврин. Статьи по истории города Севастополя. Том 1. Рукопись, машинопись с авторскими правками. Оп. 1. Д. 1. 1978 – 1991. Л.90.
- ⁸ СГИА Ф. 13. Требования к проекту будущего порта в Севастополе. (Составлено комиссией по постройке пристани в Южной бухте г. Севастополь при управлении Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги.) Оп. 1. Д. 2. 1882. Л. 2.
- ⁹ Государственный архив Республики Крым (ГАРК) Ф. 689. Архив Евпаторийской городской управы. Дело об исправлении городской пристани для сгруза товаров и о постройке новых городских пристаней. Оп. 1. Д. 508. 1898. Л.43–79.
- ¹⁰ ГАРК Ф. 681. Архив Евпаторийской городской управы. О возбуждении ходатайства пред высшим Правительством об устройстве в городе Евпатория на счет казны железной пристани для свободного причала пароходства. Оп. 1. Д. 754. 1898. Л. 18.
- ¹¹ ГАРК 98 Ф. 681. Архив Евпаторийской городской управы. Доклады по устройству и эксплуатации железной дороги и порта в г. Евпатории. Оп. 1. Д. 733. 1898. Л. 63.
- ¹² Русская старина: ежемес. ист. изд. 1907. Т. 131. С.155.
- ¹³ Крым от древности до наших дней / гл. ред. Э. Б. Петрова. 2-е изд., доп. Симферополь: ЧерноморПРЕСС; Феодосия: Коктебель, 2012. С.68.
- ¹⁴ ГАРК Ф. 27. По циркуляру главного Управления по делам местного хозяйства от 11 июня 1909 года за № 19–4594 о доставлении сведений о положении дорожного дела в Губернии. Оп. 13. Д. 3922. 1909. Л.27.
- ¹⁵ *Бойко Я.В.* Заселение Южной Украины 1860–1890 гг.: (ист.-эконом. исследование). Черкассы: Сіач, 1993. С. 248.
- ¹⁶ *Венгер Н.В.* Менонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789-1920): монография. Днепропетровск: Днепропетр. нац. ун-т, 2009. С. 112.

- ¹⁷ *Санжаровец В.Ф.* Керчь и железнодорожное строительство в Восточном Крыму в XIX – первой половине XX вв. (к 100-летию открытия линии Владиславовка-Керчь) // Арсений Иванович Маркевич: I Таврические междунар. науч. чтения (Симферополь, 19 мая 2000 г.): сб. / ред.-сост. Е.Б. Вишневская. Симферополь, 2000. С.92.
- ¹⁸ Крымская земля: краткий очерк / под ред. Я.Д. Козина. Симферополь: Крымиздат, 1950. С.3
- ¹⁹ *Иванов В.Б.* Балаклава. 2500 лет: от Одиссея и Дианы до наших дней: ист. летопись. 2-е изд., доп. Севастополь: Салта: ЧП Иванова, 2010. С.86
- ²⁰ ГАРК Ф. 68. О назначении в казенной палате торгов на производство работ по устройству шоссе между городами Симферополем и Севастополем. Оп. 1. Д. 4475. 1856. Л. 7.
- ²¹ ГАРК Ф. 68. О назначении торгов на ремонт Севастопольского и симферопольского шоссе в сем 1878 году. Оп. 1. Д. 7101. 1878. Л. 80.
- ²² Северная пчела: газ. полит. и литератур. 1855. 5 сент. (№ 193) С.3.
- ²³ История городов и сел Украинской ССР: в 26 т. / под. ред. Солодовик Л. Д. Киев: Харьков. кн. фабрика им. М. В. Фрунзе, 1974. Т. 3: Крымская область. С.22.
- ²⁴ ГАРК Ф. 78. Материалы по постройке шоссейной дороги между Ялтой и Симферополем. Оп. 1. Д. 235. 1917. Л.18.
- ²⁵ ГАРК Ф. 27. О приведении в уездах дорог всех наименований в надлежащий порядок. Оп. 13. Д. 2367. 1897 г. Л. 9.
- ²⁶ Центральный Городской Исторический Архив Киева (ЦГИАК) Ф. 692. Дело Киевского округа Путей Сообщения искусственного отделения со сведениями о протяжении шоссе и мостовых Округа по разным разрядам. Оп. 11. Д. 5. 1900. Л.1–25.
- ²⁷ ЦГИАК Ф. 692. Дело Киевского округа Путей Сообщения искусственного отделения со сведениями о протяжении шоссе и мостовых Округа по разрядам и со статистическими сведениями. Оп. 12. Д. 6. 1905. Л.19.
- ²⁸ Постановления Таврического очередного губернского земского собрания с 2 по 16 декабря 1875 г. Симферополь: тип. С. Спиро, 1876. С.12.
- ²⁹ Журналы заседаний Таврического Губернского земского собрания XXXIII очередной сессии 10–19 декабря 1898 г. Симферополь: тип. С. Спиро, 1899. С.467–513.
- ³⁰ *Соколов Д.* Прогулка по Крыму с целью ознакомления с ним. Одесса: тип. Л. Нитче, 1869. С. 5–20
- ³¹ Журналы заседаний Таврического Губернского земского собрания чрезвычайной сессии 11–12 апреля 1906 г. Симферополь: тип. Тавр. Губ. Земства, 1906. С.1.
- ³² ГАРК Ф. 42. По жалобам, приносимым на Ялтинское городское управление по разным предметам (разными лицами по вопросам благоустройства города; о двойном обложении автомобилей, о вознаграждении убытков по ликвидации оползня при усадьбе Горгоровой и др.). Оп. 1. Д. 115. 1911. Л.36.
- ³³ ГАРК Ф. 162. Разная переписка с содержанием справок о запрещении продажи спиртных напитков, о несчастных случаях и происшествиях, список лиц, заподозренных в спекуляции. Оп. 2. Д. 6815. 1916. Л.47.

- ³⁴ Журналы заседаний Таврического Губернского земского собрания 42-й очередной сессии 8–15 января 1908 г. Симферополь: тип. Тавр. Губ. Земства, 1908. С. 34.
- ³⁵ ГАРК Ф. 27. По прошению купца Кушнерева о разрешении ему открыть постоянные движения автомобилей для перевозки пассажиров и груза между Ялтой, Симферополем, Севастополем и другими городами. Оп. 13. Д. 3050. 1901. Л.3–4.
- ³⁶ Кургузов В. Город Ялта начинается с порта // Ялтинские вести. 1999. Январь. С. 3.
- ³⁷ ГАРК Ф. 26. О приезде в Крым особ императорской фамилии. Оп. 1. Д. 27931. 1883. Л. 24.
- ³⁸ Журнал Таврического Губернского земского собрания. Симферополь: тип. С. Спиро, 1871. С.218.
- ³⁹ Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 г. включительно / сост. инженером, тайн. сов. В. М. Верховским. – СПб.: тип. М. П. С. (т-ва И. Н. Кушнарв и Ко), 1898. С.97.
- ⁴⁰ СГИА Ф.Р-532. Г.И. Семин «О строительстве железной дороги в г. Севастополе. Исторические заметки. Оп. 1. Д. 46. 1974. Л.8.
- ⁴¹ Пальчикова А.П. Массандра конца XVIII – середины XIX века глазами путешественников // Пилигримы Крыма. Осень 2000. Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме: V Крымская Междунар. науч.-практ. конф. (7–8 октября 2000 г.). Симферополь, 2001. Т. 1. С. 33–43.
- ⁴² ГАРК Ф. 42. По ходатайству Ялтинского городского управления о скорейшем соединении г. Ялты рельсовым путем с общею сетью железных дорог и о направлении этой линии по варианту Ялта – Алушта – Симферополь. Оп. 1. Д. 384. 1912. Л. 2.
- ⁴³ ГАРК Ф. 42. По ходатайству Ялтинского уездного земства о воспреещении вырубке казенных лесов по линии Романовской железной дороги по обоим склонам «Яйль». Оп. 1. Д. 893. 1914. Л.1.
- ⁴⁴ ГАРК Ф. 42. По ходатайству Карасубазарской городской думы о скорейшем сооружении железной дороги Карасубазар – Симферополь. Оп. 1. Д. 534. 1913. 47 Л. 1.
- ⁴⁵ ГАРК Ф. 42. По ходатайству Ялтинской уездной земской управы о направлении и постройке Крымской железной дороги. Оп. 1. Д. 1157. 1916. Л. 4.
- ⁴⁶ Иванов В.Б. Балаклава. 2500 лет: от Одиссея и Дианы до наших дней: ист. летопись. 2-е изд., доп. Севастополь: Салта: ЧП Иванова, 2010. С. 86.
- ⁴⁷ Самсонов В.И. Английская железная дорога в Балаклаве в эпоху Крымской войны. Севастополь, 1931. С. 5–9.
- ⁴⁸ ГАРК Ф. 42. По ходатайству евпаторийской городской думы о приглашении представителя города на совещание при обсуждении вопроса о проведении железной дороги на Евпаторию. Оп. 1. Д. 362. 1912. Л.2.
- ⁴⁹ ГАРК Ф. 681. Архив Евпаторийской городской управы. Дело по проекту Статского Советника Александра Казимировича Больмана об устройстве конно-железной дороги от г. Евпатория до Станции Китай Лозово-Севастопольской железной дороги. Оп. 1. Д. 41. 1879. Л.17.

- ⁵⁰ *Бененсон М.* Экономические очерки Крыма. Симферополь, 1919. С. 67-69.
- ⁵¹ Крымская земля: краткий очерк / под ред. Я. Д. Козина. Симферополь: Крымиздат, 1950. С.3.
- ⁵² СГИА Ф. Р-567. Коллекция документов по истории города Севастополя Шавшин В.Г. Статьи по истории города Севастополя. Том 2 (последний). Рукопись, машинопись с авторскими правками. Оп. 1. Д. 2. 1978–1991. Л.61–88.
- ⁵³ *Вражнова Л.Ю.* «Крымская шампань» князя Голицына / Л. Ю. Вражнова, И.М. Вражнов. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. С. 85.
- ⁵⁴ *Садовский Г.С.* Южного побережья Крыма: описание путешествия доктора Густава Садовского. СПб.: тип. В. Ф. Ревитцер, 1904. С. 7.
- ⁵⁵ *Голоцван К.В.* Крымско-Кавказский горный клуб // Историческое наследие Крыма. 2007. № 18. С. 157–178.
- ⁵⁶ *Браженик А.* Туристические маршруты Крыма: путеводитель / А. Браженик, Э. Шемраев. Симферополь: Таврия, 1989. С.112.
- ⁵⁷ *Шавров Н.А.* Доклад обществу содействия русскому торговому мореплаванию / [Соч.] Члена О-ва Н. А. Шаврова. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1874. С.44.
- ⁵⁸ Записка об экономическом значении линии Ялта-Бахчисарай с ветвями на Алушту и Симеиз (отчетно-контрольная документация): [отд. оттиск]. – [Б. м., б. и.], [конец XIX–начало XX в.]. С. 24.
- ⁵⁹ *Громова Н.* Из истории дорожного строительства в Крыму // Херсонский колокол : сб. науч. статей, посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию деятельности Виталия Николаевича Даниленко / под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь, 2008. С. 379–380.
- ⁶⁰ Путеводитель по Крыму // М. А. Сосногорова, Г. Э. Караулов, К. А. Вернер, Н.А. Головкинский. Киев: Стилос, 2010. С.289.
- ⁶¹ *Санжаровец В.Ф.* Керчь и железнодорожное строительство в Восточном Крыму в XIX – первой половине XX вв. (к 100-летию открытия линии Владиславовка-Керчь) // Арсений Иванович Маркевич : I Таврические междунар. науч. чтения (Симферополь, 19 мая 2000 г.): сб. / ред.-сост. Е. Б. Вишневская. Симферополь, 2000. С.81–83.
- ⁶² *Шавров Н.А.* Доклад обществу содействия русскому торговому мореплаванию / [Соч.] Члена О-ва Н. А. Шаврова. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1874. С.41.
- ⁶³ *Кондараки В.Х.* В память столетия Крыма. М.: тип. В. В. Чичерина, 1883. Вып. 1. С.43.
- ⁶⁴ Об учреждении перевозки арестантов по вновь открытым железным дорогам Лозово-Севастопольской и Ростово-Владикавказской: Закон от 9 декабря 1875 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. СПб., 1877. Т. 50, № 55349. С. 422.
- ⁶⁵ *Сухоруков В.Н.* Крым в лицах и биографиях. 2-е изд. Симферополь: Атлас-Компакт, 2007. С.38.
- ⁶⁶ ГАРК Ф. 42. По ходатайству евпаторийской городской думы о приглашении представителя города на совещание при обсуждении вопроса о проведении железной дороги на Евпаторию. Оп. 1. Д. 362. 1912. Л.2.

1. *Ljahnickij M.A.* Obyknovennye dorogi: ustrojstvo i remont shossejnyh, moshhenyh i gruntovyh dorog. Izd. 3-e. SPb.: tip. Ju. N. Jemrih, 1901. S.293.
2. Tam zhe, S.202.
3. Ob obrazovanii Upravljenija morskim vedomstvom i Upravljenija portami: Ukaz ot 27 janvarja 1860 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobr. 2. SPb., 1862. T. 35, № 35386. C. 73.
4. Tam zhe.
5. Vysochajshe utverzhdennoe polozhenie Glavnogo komiteta obustrojstva sel'skogo sostojanija, ob#javlennoe Senatu Ministrom vnutrennih del: Zakon ot 10 marta 1865 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobr. 2. SPb., 1867. T. 40, № 41902. C. 296.
6. Sevastopol'skij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (SGIA) F. R-567. Kollekcija dokumentov po istorii goroda Sevastopolja Shavshin V.G. Stat'i po istorii goroda Sevastopolja. Tom 2 (poslednij). Rukopis', mashinopis' s avtorskimi pravkami. Op. 1. D. 2. 1978. L. 64–88.
7. SGIA F. R-567. V.G. Shavrin. Stat'i po istorii goroda Sevastopolja. Tom 1. Rukopis', mashinopis' s avtorskimi pravkami. Op. 1. D. 1. 1978 – 1991. L.90.
8. SGIA F. 13. Trebovanija k proektu budushhego porta v Sevastopole. (Sostavleno komissiej po postrojke pristani v Juzhnoj buhte g. Sevastopol' pri upravljenii Kursko-Har'kovo-Sevastopol'skoj zheleznoj dorogi.). Op. 1. D. 2. 1882. L. 2.
9. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK) F. 689. Arhiv Evpatorijskoj gorodskoj upravy. Delo ob ispravlenii gorodskoj pristani dlja sgruza tovarov i o postrojke novyh gorodskih pristanej. Op. 1. D. 508. 1898. L.43–79.
10. GARK F. 681. Arhiv Evpatorijskoj gorodskoj upravy. O vzbuzhdenii hodatajstva pred vysshim Pravitel'stvom ob ustrojstve v gorode Evpatorija na schet kazny zheleznoj pristani dlja svobodnogo prihala parohodstva. Op. 1. D. 754. 1898. L. 18.
11. GARK 98 F. 681. Arhiv Evpatorijskoj gorodskoj upravy. Doklady po ustrojstvu i jekspluataciji zheleznoj dorogi i porta v g. Evpatorii. Op. 1. D. 733. 1898. L. 63.
12. Russkaja starina: ezchemes. ist. izd. 1907. T. 131. S.155.
13. Krym ot drevnosti do nashih dnei / gl. red. Je. B. Petrova. 2-e izd., dop. Simferopol': ChernomorPRESS; Feodosija: Koktebel', 2012. S.68.
14. GARK F. 27. Po cirkuljaru glavnogo Upravljenija po delam mestnogo hozjajstva ot 11 ijunja 1909 goda za № 19–4594 o dostavljenii svedenij o polozhenii dorozhnogo dela v Gubernii. Op. 13. D. 3922. 1909. L.27.
15. *Bojko Ja.V.* Zaselenie Juzhnoj Ukrainy 1860–1890 gg.: (ist.-jekonom. issledovanie). Cherkassy: Sijach, 1993. S. 248.
16. *Venger N.V.* Menonitskoe predprinimatel'stvo v uslovijah modernizacii Juga Rossii: mezhdru kongregacij, klanom i rossijskim obshhestvom (1789-1920): monografija. Dnepropetrovsk: Dnepropetr. nac. un-t, 2009. S. 112.
17. *Sanzharovec V.F.* Kerch' i zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v Vostochnom Krymu v XIX – pervoj polovine XX vv. (k 100-letiju otkrytija linii Vladislavovka-Kerch') // Arsenij Ivanovich Markevich: I Tavricheskie mezhdunar. nauch. chtenija (Simferopol', 19 maja 2000 g.): sb. / red.-sost. E. B. Vishnevskaja. Simferopol', 2000. S.92.

18. Krymskaja zemlja: kratkij ocherk / pod red. Ja. D. Kozina. Simferopol': Krymizdat, 1950. S.3
19. Ivanov V. B. Balaklava. 2500 let: ot Odisseja i Diany do nashih dnei: ist. letopis'. 2-e izd., dop. Sevastopol': Salta: ChP Ivanova, 2010. S.86
20. GARK F. 68. O naznachenii v kazennoj palate trgov na proizvodstvo rabot po ustrojstvu shosse mezhdru gorodami Simferopolem i Sevastopolem. Op. 1. D. 4475. 1856. L. 7.
21. GARK F. 68. O naznachenii trgov na remont Sevastopol'skogo i simferopol'skogo shosse v sem 1878 godu. Op. 1. D. 7101. 1878. L. 80.
22. Severnaja pchela: gaz. polit. i literatur. 1855. 5 sent. (№ 193) S.3.
23. Istorija gorodov i sel Ukrainskoj SSR: v 26 t. / pod. red. Solodovik L. D. Kiev: Har'kov. kn. fabrika im. M. V. Frunze, 1974. T. 3: Krymskaja oblast'. S.22.
24. GARK F. 78. Materialy po postrojke shossejnoj dorogi mezhdru Jaltaj i Simferopolem. Op. 1. D. 235. 1917. L.18.
25. GARK F. 27. O privedenii v uezdah dorog vseh naimenovanij v nadlezhashhij porjadok. Op. 13. D. 2367. 1897 g. L. 9.
26. Central'nyj Gorodskoj Istoricheskij Arhiv Kieva (CGIAK) F. 692. Delo Kievskogo okruga Putej Soobshhenija iskusstvennogo otdelenija so svedenijami o protjazhenii shosse i mostovyh Okruga po raznym razrjadam. Op. 11. D. 5. 1900. L.1–25.
27. CGIAK F. 692. Delo Kievskogo okruga Putej Soobshhenija iskusstvennogo otdelenija so svedenijami o protjazhenii shosse i mostovyh Okruga po razrjadam i so statisticheskimi svedenijami. Op. 12. D. 6. 1905. L.19.
28. Postanovlenija Tavricheskogo ocherednogo gubernskogo zemskogo sobranija s 2 po 16 dekabrja 1875 g. Simferopol': tip. S. Spiro, 1876. S.12.
29. Zhurnaly zasedanij Tavricheskogo Gubernskogo zemskogo sobranija HHHIII ocherednoj sessii 10–19 dekabrja 1898 g. Simferopol': tip. S. Spiro, 1899. S.467–513.
30. *Sokolov D.* Progulka po Krymu s cel'ju oznakomlenija s nim. Odessa: tip. L. Nitche, 1869. S. 5–20
31. Zhurnaly zasedanij Tavricheskogo Gubernskogo zemskogo sobranija chrezvychajnoj sessii 11–12 aprelja 1906 g. Simferopol': tip. Tavr. Gub. Zemstva, 1906. S.1.
32. GARK F. 42. Po zhalobam, prinosisimym na Jaltinskoe gorodskoe upravlenie po raznym predmetam (raznymi licami po voprosam blagoustrojstva goroda; o dvojnomo oblozhenii avtomobilej, o voznagrazhdenii ubytkov po likvidacii opolznja pri usad'be Gorgorovoj i dr.). Op. 1. D. 115. 1911. L.36.
33. GARK F. 162. Raznaja perepiska s sodержaniem spravok o zapreshhenii prodazhi spirtnyh napitkov, o neschastnyh sluchajah i proisshestvijah, spisok lic, zapodozrennyh v spekuljácii. Op. 2. D. 6815. 1916. L.47.
34. Zhurnaly zasedanij Tavricheskogo Gubernskogo zemskogo sobranija 42-j ocherednoj sessii 8–15 janvarja 1908 g. Simferopol': tip. Tavr. Gub. Zemstva, 1908. S. 34.
35. GARK F. 27. Po prosheniju kupca Kushnereva o razreshenii emu otkryt' postojannye dvizhenija avtomobilej dlja perevozki passazhirov i gruzha mezhdru Jaltaj, Simferopolem, Sevastopolem i drugimi gorodami. Op. 13. D. 3050. 1901. L.3–4.

36. *Kurguzov V.* Gorod Jalta nachinaetsja s porta // Jaltinskie vesti. 1999. Janvar'. S. 3.
37. GARK F. 26. O priezde v Krym osob imperatorskoj familii. Op. 1. D. 27931. 1883. L. 24.
38. Zhurnal Tavricheskogo Gubernskogo zemskogo sobranija. Simferopol': tip. S. Spiro, 1871. S.218.
39. Kratkij istoricheskij ocherk nachala i rasprostraneniya zheleznyh dorog v Rossii po 1897 g. vkljuchitel'no / sost. inzhenerom, tajn. sov. V. M. Verhovskim. – SPb.: tip. M. P. S. (t-va I. N. Kushnarev i Ko), 1898. S.97.
40. SGIA F.R-532. G.I. Semin «O stroitel'stve zheleznoj dorogi v g. Sevastopole. Istoricheskie zametki. Op. 1. D. 46. 1974. L.8.
41. *Pal'chikova A.P.* Massandra konca XVIII – serediny XIX veka glazami puteshestvennikov // Piligrimy Kryma. Osen' 2000. Puteshestvija po Krymu, puteshestvenniki o Kryme: V Krymskaja Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (7–8 oktjabrja 2000 g.). Simferopol', 2001. T. 1. S. 33–43.
42. GARK F. 42. Po hodatajstvu Jaltinskogo gorodskogo upravljenija o skorejšem soedinenii g. Jalty rel'sovym putem s obshheju set'ju zheleznyh dorog i o napravlenii jetoj linii po variantu Jalta – Alushta – Simferopol'. Op. 1. D. 384. 1912. L. 2.
43. GARK F. 42. Po hodatajstvu Jaltinskogo uezdnogo zemstva o vospreshhenii vyrubki kazennyh lesov po linii Romanovskoj zheleznoj dorogi po oboim sklonam «Jajly». Op. 1. D. 893. 1914. L.1.
44. GARK F. 42. Po hodatajstvu Karasubazarskoj gorodskoj dумы o skorejšem sooruzhenii zheleznoj dorogi Karasubazar – Simferopol'. Op. 1. D. 534. 1913. 47 L. 1.
45. GARK F. 42. Po hodatajstvu Jaltinskoj uezdnoj zemskoj upravy o napravlenii i postrojke Krymskoj zheleznoj dorogi. Op. 1. D. 1157. 1916. L. 4.
46. *Ivanov V.B.* Balaklava. 2500 let: ot Odisseja i Diany do nashih dnei: ist. letopis'. 2-e izd., dop. Sevastopol': Salta: ChP Ivanova, 2010. S. 86.
47. *Samsonov V.I.* Anglijskaja zheleznaia doroga v Balaklave v jepohu Krymskoj vojny. Sevastopol', 1931. S. 5–9.
48. GARK F. 42. Po hodatajstvu evpatorijskoj gorodskoj dумы o priglasenii predstavitelja goroda na soveshhanie pri obsuzhdenii voprosa o provedenii zheleznoj dorogi na Evpatoriju. Op. 1. D. 362. 1912. L.2.
49. GARK F. 681. Arhiv Evpatorijskoj gorodskoj upravy. Delo po proektu Statskogo Sovetnika Aleksandra Kazimirovicha Bol'mana ob ustrojstve konno-zheleznoj dorogi ot g. Evpatorija do Stancii Kitaj Lozovo-Sevastopol'skoj zheleznoj dorogi. Op. 1. D. 41. 1879. L.17.
50. *Benenson M.* Jekonomicheskie ocherki Kryma. Simferopol', 1919. S. 67-69.
51. Krymskaja zemlja: kratkij ocherk / pod red. Ja. D. Kozina. Simferopol': Krymizdat, 1950. S.3.
52. SGIA F. R-567. Kollekcija dokumentov po istorii goroda Sevastopolja Shavshin V.G. Stat'i po istorii goroda Sevastopolja. Tom 2 (poslednij). Rukopis', mashinopis' s avtorskimi pravkami. Op. 1. D. 2. 1978–1991. L.61–88.
53. *Vrazhnova L.Ju.* «Krymskaja shampan» knjazja Golicyna / L.Ju. Vrazhnova, I.M. Vrazhnov. Simferopol': Biznes-Inform, 2009. S. 85.

54. *Sadovskij G. S* Juzhnogo poberezh'ja Kryma: opisanie puteshestvija doktora Gustava Sadovskogo. SPb.: tip. V. F. Revitcer, 1904. S. 7.
55. *Golocvan K.V.* Krymsko-Kavkazskij gornyj klub // Istoricheskoe nasledie Kryma. 2007. № 18. S. 157–178.
56. *Brazhenik A.* Turisticheskie marshruty Kryma: putevoditel' / A. Brazhenik, Je. Shemraev. Simferopol': Tavrija, 1989. S.112.
57. *Shavrov N.A.* Doklad obshhestvu sodejstvija russkomu trgovomu moreplavaniju / [Soch.] Chlena O-va N. A. Shavrova. SPb.: tip. V. S. Balasheva, 1874. S.44.
58. Zapiska ob jekonomicheskom znachenii linii Jalta-Bahchisaraj s vetvjami na Alushtu i Simeiz (otchetno-kontrol'naja dokumentacija): [otd. ottisk]. – [B. m., b. i.], [konec XIX–nachalo XX v.]. S. 24.
59. Gromova N. Iz istorii dorozhnogo stroitel'stva v Krymu // Hersonskij kolokol : sb. nauch. statej, posv. 70-letiju so dnja rozhdenija i 50-letiju dejatel'nosti Vitalija Nikolaevicha Danilenko / pod red. Je. B. Petrovoj. Simferopol', 2008. S. 379–380.
60. Putevoditel' po Krymu // M. A. Sosnogorova, G. Je. Karaulov, K. A. Verner, N.A. Golovkinskij. Kiev: Stilos, 2010. S.289.
61. *Sanzharovec V.F.* Kerch' i zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v Vostochnom Krymu v XIX – pervoj polovine XX vv. (k 100-letiju otkrytija linii Vladislavovka-Kerch') // Arsenij Ivanovich Markevich : I Tavricheskie mezhdunar. nauch. chtenija (Simferopol', 19 maja 2000 g.): sb. / red.-sost. E. B. Vishnevskaja. Simferopol', 2000. S.81–83.
62. *Shavrov N.A.* Doklad obshhestvu sodejstvija russkomu trgovomu moreplavaniju / [Soch.] Chlena O-va N. A. Shavrova. SPb.: tip. V. S. Balasheva, 1874. S.41.
63. *Kondaraki V.H.* V pamjat' stoletija Kryma. M.: tip. V. V. Chicherina, 1883. Vyp. 1. S.43.
64. Ob uchrezhdenii perevozki arestantov po vnov' otkrytym zheleznyim dorogam Lozovo-Sevastopol'skoj i Rostovo-Vladikavkazskoj: Zakon ot 9 dekabnja 1875 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobr. 2. SPb., 1877. T. 50, № 55349. C. 422.
65. *Suhorukov V.N.* Krym v licah i biografijah. 2-e izd. Simferopol': Atlas-Kompakt, 2007. S.38.
66. GARK F. 42. Po hodatajstvu evpatorijskoj gorodskoj dумы o priglasenii predstavitelja goroda na soveshhanie pri obsuzhdenii voprosa o provedenii zheleznoj dorogi na Evpatoriju. Op. 1. D. 362. 1912. L.2.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА КАК ЭЛЕМЕНТА БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ

В первой четверти XXI в. безопасность занимает особое место в отношениях между государствами и на внутригосударственном уровне. Все более короткие перерывы между кризисами, напряжение политических отношений, в том числе между граничащими странами, расширение влияния глобализации и цикличность вводов и отмен экономических санкций приводят к вопросам, связанным с усилением систем экономической безопасности.

Обеспечение экономической безопасности не должно осуществляться только на уровне системы или отрасли. Экономическая безопасность формируется как на уровне государства (макроуровне), так и на уровне отдельных субъектов экономической деятельности (микроуровне). Во всех уровнях есть как общие факторы и направления экономической безопасности, так и специфические, присущие только данному уровню.

Экономическая безопасность самого государства зависит от множества различных факторов. В частности, экономическая безопасность банковской системы страны является одним из важнейших условий безопасности ее экономической системы, прежде всего за счет своего ключевого положения в обеспечении развития экономики и активного участия в перераспределении финансовых ресурсов между предприятиями реальных отраслей экономики и обеспечения финансовыми услугами граждан государства.

Полноценная банковская система представляет собой включенную в экономическую систему страны единую целостную, взаимосвязанную совокупность кредитных организаций, каждая из которых выполняет особую функцию, проводит различные финансовые операции и сделки для удовлетворения потребностей общества в банковских продуктах и услугах¹.

Так как основными элементами банковской системы являются коммерческие банки, то обеспечение экономической безопасности всей системы должно начинаться внутри каждого из них. По мнению Т.Э. Рождественской, «банковская система должна препятствовать принятию банками чрезмерных рисков и иметь возможность отсекаать те свои элементы, деятельность которых может представлять угрозу для функционирования всей банковской системы, обеспечивая надежность, стабильность своего существования»².

В условиях современной экономики функционирование любого хозяйствующего субъекта связано с разнообразными рисками. Многие из этих

рисков изучены достаточно хорошо, так как появляются на протяжении всей истории развития производства и предпринимательства и задаются объективными факторами – внезапными изменениями конъюнктуры спроса и предложения, недостаточной компетентностью кадров, ограниченностью ресурсов. Менее прогнозируемы и хуже изучены механизмы выявления рисков, связанных с целенаправленным воздействием на активы организации и вызывающих имущественные и неимущественные потери предприятия (например, преднамеренные действия конкурентов, криминальных структур или враждебно настроенных субъектов из числа персонала организации).

Малоизученными остаются риски, связанные с утратой контроля над нематериальными ресурсами организаций, которые возникают из-за отсутствия нормативного обеспечения по оценке и охране интеллектуальной собственности, неразвитой предпринимательской культуры, полулегальных социально-трудовых отношений, незрелости налоговой системы и других факторов, способных повлечь за собой угрозу репутации, а затем и реальный ущерб деятельности организации.

Для стабильной работы и эффективного развития любой организации, необходимо сформировать устойчивую систему экономической безопасности с помощью выявления основных угроз, их оценки, анализа критических факторов и разработки комплекса мер по снижению рисков. Практическое обеспечение экономической безопасности организации должно реализовываться на основе положений и правил, разработанных и задокументированных в каждой конкретной организации.

На микроуровне необходимо концентрировать внимание на изучении экономического поведения предприятий и структур, в той или иной степени вовлеченных в теневой и криминальный бизнес. В контексте решения данной задачи необходимо детально анализировать отдельные нелегальные рынки, пути и способы перелива капитала в эффективные отрасли данного сегмента рынка³.

Способность предприятия нормально функционировать для достижения своих целей является ключевой характеристикой его экономической безопасности. При этом под «нормальным» понимается такое функционирование предприятия, которое в существующих внешних условиях обеспечивает достижение поставленных целей оптимальным образом или достаточно близким к нему⁴.

Если говорить об отраслевом и государственном уровнях обеспечения экономической безопасности, то понятие «экономическая безопасность» в современной науке чаще всего рассматривается как «защищенность от опасностей», «защита интересов государства», «состояние устойчивости».

В связи с этим, под экономической безопасностью можно понимать такое «состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально

направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов»⁵.

Некоторые авторы делают акцент на таких характеристиках экономической безопасности, как способность экономики к самовосстановлению и целостность экономического пространства. Например, по мнению В.В. Морунова, экономическую безопасность можно охарактеризовать, как такое состояние экономики, при котором в условиях экономического суверенитета и конкуренции субъекты экономических отношений обеспечивают постоянный экономический рост и устойчивое развитие экономики в целом⁶.

В банке обеспечение экономической и информационной безопасности, наряду с необходимостью защиты коммерческой тайны, связано также с сохранением банковской тайны. Кредитная организация гарантирует тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов. Не только риск нарушения закона, но и репутационный риск из-за оттока или жалоб лояльных или ключевых клиентов ставит в процессе управления экономической безопасностью банка защиту банковской тайны в приоритет перед защитой коммерческой тайны.

Для эффективного функционирования коммерческого банка наряду с такими показателями, как прибыльность и стабильное развитие, важным является обеспечение экономической безопасности на уровне, достаточном не только для поддержания устойчивости организации в конкурентной и рыночной среде, но и для оперативного правильного реагирования на различные внутренние и внешние угрозы.

Внешними источниками угроз экономической безопасности банка могут являться действия конкурентов, криминальных элементов, государственных чиновников и клиентов.

Внутренними источниками угроз банка могут быть действия владельцев и управленцев банка, а также специалистов разных уровней, которые могут нанести ущерб банку как умышленно, так и по своей некомпетентности, из-за несоблюдения внутренней политики и установленных процедур или по халатности. При этом сами по себе факторы экономической опасности могут быть нейтральными, но при неправильных действиях персонала могут являть собой потенциальную (скрытую) угрозу.

Рассмотрев угрозы экономической безопасности банка, мы можем сделать вывод, что для каждой из угроз мы можем определить ее источник – субъект угрозы. Но для принятия управленческих решений в условиях неопределенности источник негативного воздействия на компанию не всегда возможно определить. Такую вероятность событий, при которой последствия принятия решения будут многовариантны, принято называть экономический риск.

В настоящее время, когда банковские риски достаточным образом изучены и классифицированы, ими можно успешно управлять, а именно проводить мероприятия, направленные на снижение или локализацию негативных воздействий, которые могут повлечь за собой штрафы, санкции, убытки или потерю клиентской базы кредитной организации.

На наш взгляд, для выстраивания эффективной системы экономической безопасности каждый банк в лице владельцев и менеджеров должен определить допустимый уровень рисков. При этом следует учитывать, что риски заложены в сути самой банковской деятельности. При обеспечении экономической безопасности важно помнить, что неоправданно серьезные меры предохранения и защиты от разного рода угроз могут привести к росту издержек, снижению рентабельности или задержке развития по сравнению с другими, более инновационными коммерческими организациями.

Банковский риск определяется как стоимостное выражение событий, ведущих к возможным экономическим, политическим, моральным и другим убыткам, которые могут произойти в результате реализации принятого решения.

Необходимо отметить, что в управлении обеспечением безопасности банка нужно учитывать отраслевую специфику, которая определяется следующими факторами:

- высокая зависимость клиентов и контрагентов банка от возможных потерь в случае реализованных угроз;
- возможная утечка конфиденциальных сведений ставит под угрозу деятельность банка как хозяйствующего субъекта, оставляет его открытым перед конкурентами, а также влечет за собой нарушение законодательства Российской Федерации;
- больший, в сравнении с другими сферами деятельности, перечень потенциальных угроз и, соответственно, объектов защиты⁷.

Обеспечение экономической безопасности отдельного коммерческого банка должно быть обусловлено наличием стратегии его развития. Стратегическая работа по обеспечению безопасного взаимодействия финансовых, материальных, кадровых и информационных ресурсов приведет к минимизации воздействия внешних и внутренних угроз и обеспечит эффективное функционирование и развитие кредитной организации.

Также система экономической безопасности кредитной организации должна базироваться на анализе потенциальных внешних и внутренних угроз, их своевременном выявлении, прогнозировании возникновения угроз и созданию комплекса мер по их предупреждению.

В системе экономической безопасности кредитной организации должно быть отведено значительное место под управление рисками, включающее их идентификацию, классификацию, а также их оценку и анализ.

На наш взгляд, экономическая безопасность коммерческого банка – это состояние стабильного функционирования всех систем и процессов, строящееся на основе анализа основных банковских рисков с учетом стратегического планирования.

Сформировав экономическую безопасность каждого отдельного элемента, можно говорить об экономической безопасности на уровне банковской системы. При этом обеспечение экономической безопасности банковской системы должно быть обусловлено совершенствованием механизмов предотвращения утечки банковского капитала в теневой оборот, приведением нормативно-правовой базы в соответствие с мировыми стандартами. Эффективное взаимодействие банковской системы с реальным сектором экономики будет способствовать укреплению экономической безопасности всего государства.

Примечания

- ¹ *Тавасиев А.М.* Организация деятельности коммерческих банков. Теория и практика: учебник для магистров / А.М. Тавасиев, В.Д. Мехряков, О.И. Ларина. М.: Изд-во Юрайт, 2015. С. 20.
- ² *Рождественская Т.Э.* Банковское право для экономистов: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов, А.В. Шамраев. М.: Изд-во Юрайт, 2015. С. 21.
- ³ Экономическая безопасность: Учеб. пособие / Под ред. Н.В. Манохиной. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 61.
- ⁴ *Гапоненко В.Ф., Беспалько А.Л., Власков А.С.* Экономическая безопасность предприятий. Подходы и принципы. М.: Изд-во «Ось-89», 2007. С. 21.
- ⁵ Экономическая безопасность России: Общий курс. Учебник. 2-е изд. / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. С. 72.
- ⁶ *Морунов В.В.* Экономическая безопасность как экономическая категория // Экономические науки. 2011. № 10. С. 53.
- ⁷ *Алавердов А.Р.* Организация и управление безопасностью в финансово-кредитных организациях: Учеб. пособие. М., 2004.

1. *Tavasiev A.M.* Organizacija dejatel'nosti kommercheskih bankov. Teorija i praktika: uchebnik dlja magistrov / A.M. Tavasiev, V.D. Mehrjakov, O.I. Larina. M.: Izd-vo Jurajt, 2015. S. 20.
2. *Rozhdestvenskaja T.Je.* Bankovskoe pravo dlja jekonomistov: uchebnik i praktikum dlja bakalavriata i magistratury / T.Je. Rozhdestvenskaja, A.G. Guznov, A.V. Shamraev. M.: Izd-vo Jurajt, 2015. S. 21.
3. *Jekonomicheskaja bezopasnost'*: Ucheb. posobie / Pod red. N.V. Manohinoj. M.: INFRA-M, 2014. S. 61.

4. *Gaponenko V.F., Bepal'ko A.L., Vlaskov A.S.* Jekonomicheskaja bezopasnost' predpriyatij. Podhody i principy. M.: Izd-vo «Os'-89», 2007. S. 21.
5. Jekonomicheskaja bezopasnost' Rossii: Obshhij kurs. Uchebnik. 2-e izd. / Pod red. V.K. Senchagova. M.: Delo, 2005. S. 72.
6. *Morunov V.V.* Jekonomicheskaja bezopasnost' kak jekonomicheskaja kategorija // Jekonomicheskie nauki. 2011. № 10. S. 53.
7. *Alavrdov A.R.* Organizacija i upravlenie bezopasnost'ju v finansovo-kreditnyh organizacijah: Ucheb. posobie. M., 2004.

ГЕНЕЗИС КОНГРЕССНОГО ТУРИЗМА И ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЕГО РАЗВИТИЕ

Конгрессный туризм, входящий в структуру делового туризма и представляющий собой отрасль с высоким экономическим потенциалом, которая стимулирует приток иностранной валюты и активизирует развитие смежных секторов экономики (транспорт, связь, строительство, сельское хозяйство, торговля, производство товаров народного потребления и др.) не является феноменом современности. Развитие конгресс-туризма происходило по мере эволюции человечества, при этом каждому историческому периоду сопутствовала определенная специфика деятельности людей, создающая соответствующие предпосылки для формирования целой индустрии конгрессов.

Исследованиями теоретических аспектов становления конгрессного туризма занимались такие зарубежные авторы, как D'Amore L.¹, Jafari J.², Alkjaer, Eriksen³. Эволюция туризма и формирование его в отдельную отраслевую группу раскрыта в научных трудах отечественных авторов Квартального В.А.⁴, Бабкина А.В.⁵, Биржакова М.Б.⁶, Путрик Ю.С.⁷, Абрамова В.В.⁸, Соколовой М.В.⁹, Черниковой Л.Ф.¹⁰

Однако, несмотря на достаточно подробное описание процессов развития мировой туристской индустрии, в работах ученых недостаточно внимания уделено такому динамично развивающемуся и высокодоходному виду туризма как конгрессный, не установлены факторы, определяющие его развитие, не исследован понятийный аппарат категории «конгресс-туризм». Данное обстоятельство обуславливает необходимость в определении исторических закономерностей развития конгрессного туризма, его генезиса и эволюции как туристского продукта.

Целью статьи является исследование конгресс-туризма в историческом аспекте и выявление факторов, определяющих его формирование и развитие.

Задачами исследования выступают:

- проведение периодизации развития конгресс-туризма;
- выявление предпосылок формирования конгрессной деятельности;
- установление организаций, принимающих непосредственное участие в конгрессной деятельности, на основе изучения главных этапов и ключевых событий, определяющих вектор развития конгресс-туризма.

Истоки понятия «конгресс» связаны с древнегреческим использованием слов «synedrion» обозначающего «собрание, совещание». В 338 г. до нашей эры Филипп II царь македонский в Коринфе созвал общегреческое совещание – Коринфский конгресс (синедрион). Итогом конгресса

стало прекращение войны в Греции и создание общегреческой федерации, и также наступление всеобщего мира¹¹. Исторические корни, близкие к современному пониманию, также прослеживаются и в Средневековом происхождении латинского слова «congressus» которое использовалось со значение «встреча, собрание». Смысловый корень формируется в английском «congress», французском «congres», немецком «congress» и включает в себе значение «сходиться вместе, съезд государей или их уполномоченных для решения международных дел»¹².

Современное устоявшееся энциклопедическое трактование определяет «конгресс» как:

- 1) съезд, совещание, как правило, международного характера;
- 2) название законодательного органа в США, в государствах Латинской Америки и в Португалии;
- 3) высший орган некоторых международных организаций¹³.

Дипломатический словарь конкретизирует данное понятие: «съезд представителей нескольких или многих стран»¹⁴. Толковый словарь иностранных слов дополняет понимание «конгресс», как «съезд ученых для обсуждения спорных вопросов в науке»¹⁵.

В 2009 г. был принят национальный стандарт Российской Федерации «Конгрессная деятельность», в котором дается определение конгрессного мероприятия, как организованной встречи представителей стран, отраслей, профессий или учреждений, организаций для обмена знаниями и опытом, поиска необходимых решений, проводимые самостоятельно или сопровождаемые выставочно-ярмарочными мероприятиями¹⁶.

Следует отметить, что эволюция конгрессов как особого туристского продукта характеризовалась определенными этапами:

– I этап (до н.э.) – развитие древних государств и народов. В этот период формируются обменные операции и появляются первые предпосылки становления ритуала встреч. Представители племени отправлялись в соседние местности для обмена нужных товаров¹⁷. Путешествия древних народов устанавливали межкультурные связи, тем самым обеспечивая обогащение знаниями и опытом в различных сферах деятельности¹⁸.

– II этап (середина 1 тыс. до н.э. – V в. н.э.) – расцвет Древней Греции, Индии, Рима и Китая. Отличительной особенностью данного периода является создание первых способов организации средств размещения путешественников и формирование экспедиций, целью которых являлось: обмен товаром; религиозное паломничество; захватнические походы; участие в различных спортивных мероприятиях; дипломатические визиты и др.¹⁹

– III этап (V – XV вв. н.э.) – рост числа путешествий между Европой и Азией, а также между европейскими странами. Зачастую путешественники отправлялись в путь для популяризации своих религиозных и интеллектуальных взглядов. Значительная часть путешествий была

связана с деятельностью правителей, в том числе установлением союзов или сохранением контроля над владениями. При этом реализация целей путешествий была связана с большим числом сопровождающих лиц²⁰. Все это обусловило значительный вклад в развитие конгрессной индустрии в организацию отдыха по маршруту следования.

– IV этап (XIII –XVI вв.) – возрождение культуры и искусства, эпоха Великих географических открытий. Множество формирующихся колоний, с учетом их местоположения, становятся полноценными курортами. В данный период путешествия, в связи с их доступностью, становятся регулярными, основными целями которых являются: образование, отдых, лечение, религия и экономические связи. Эпоха Ренессанса ознаменована формированием системы гостеприимства, обеспечивающей привлечение путешественников и создание высокого уровня предлагаемых услуг.

Одним из важнейших событий в истории развития конгресс-туризма данного периода является первый общеевропейский мирный конгресс, состоявшийся в 1435 г. во французском городе Аррасе. Целью конгресса стало принятие мирного договора между Францией и Бургундией путем переговоров лидеров многих стран²¹.

– V этап (XVII – XIX вв.) – научно-технический прогресс, развитие новых средств передвижения. Это сделало возможным регулярно совершать поездки и расширять географию путешествий. Целями путешествий все чаще становились поиск новых бизнес-партнеров, расширение рынков сбыта, налаживание контактов с представителями различных культур и религий, а также обмен опытом в сфере научных достижений²². Данное обстоятельство обусловило развитие предприятий питания, обслуживающих путников, и формирование так называемого гостевого бизнеса.

Нельзя не отметить особый вклад в развитие конгрессного туризма ярмарочно-выставочной деятельности, которая постепенно приобретает коммерческий характер. Ярмарки становятся неотъемлемой частью обмена знаниями, информацией и опытом между людьми из разных регионов²³.

Конгрессная деятельность, соответствующая данному этапу времени, стала общественно важной отраслью и явилась собранием дипломатов и государственных деятелей для решения международных вопросов, касающихся заключения мира после войны, а также рассмотрения проблем административно-законодательного уровня. Наиболее значимыми конгрессными мероприятиями этого времени являются:

а) 1648 г. – первый современный дипломатический конгресс, результатом которого стал Вестфальский мир, завершающий тридцатилетнюю войну в Священной Римской империи;

б) 1814 г. – Венский конгресс, участие в котором приняли практически все европейские государства. Целью созыва конгресса являлось мироустройство после антинаполеоновской войны (длился конгресс почти целый год);

в) 1856 г. – многосторонний международный Парижский конгресс, положивший конец Крымской войне;

г) 1878 г. – Берлинский международный конгресс, целью которого явилось установление всеобщего мира.

В эту эпоху стали формироваться первые профессиональные союзы, а также стали регулярными проведение профсоюзных конференций. В 1868 г. был создан Конгресс тред-юнионов, который явился руководящим органом всего профсоюзного движения.

– VI этап (от начала до середины XX в.) – череда мировых войн и экономический упадок. Именно в этот период получил эволюционный толчок конгресс-туризм. Все судьбоносные решения были приняты в процессе длительных и упорных переговоров лидеров «большой тройки». Тегеранская (1943 г.) и Ялтинская (1945 г.) конференции стали важным этапом в развитии международных и межсоюзнических отношений. Мотивы и цели визита лидеров стран, организация и проведение конференций можно воспринимать как факт формирования конгресс-туризма.

В 1945 г. была создана масштабная межгосударственная Организация Объединённых Наций (ООН), целью которой является укрепление международного мира, обеспечение безопасности, развитие сотрудничества и поддержка всеобщему социально-экономическому развитию.

– VII этап (середина XX в. и по настоящее время) – развитие науки и техники.

В связи с появлением спроса на коммерческие услуги по организации конгрессов и конференций, ключевым фактором, определяющим вектор развития конгресс-туризма, стало создание во второй половине XX в. профессиональных ассоциаций участников конгрессной деятельности:

а) 1963 г. Международная ассоциация конгрессов и съездов (ICCA);

б) 1964 г. Европейская федерация конгрессных городов (EFCT);

в) 1968 г. Международная ассоциация профессиональных организаторов конгрессных мероприятий (IAPCO);

г) 1974 г. Международная ассоциация делового туризма (IBTA);

д) 1976 г. Ассоциация специалистов по организации корпоративных поездок (ASTE)²⁴.

Развитие науки и техники в XX в. способствовало организации и проведению серии международных конференций по обсуждению фундаментальных проблем физики и химии (Сольвеевские конференции). Так, если в 30-е годы XX в. ежегодно проводилось около 200 международных конгрессов, то в 90-е годы XX в. количество международных коммуникативных мероприятий составило более 8 тыс. в год.

В Европе и в США конгресс-туризм, как отдельная отрасль, стал формироваться в 70-80-е годы, в то время, как в России освоение данного вида туризма началось лишь в 90-е²⁵. Развитие конгрессной деятельности

в России связано, прежде всего, с формированием рыночной экономики, развитием предпринимательства и конкуренции.

Рассмотрев хронологию становления конгрессного туризма, можно констатировать факт, что каждый этап обладает теми или иными отличительными особенностями, которые отражают его специфику и определяют его место в структуре путешествий. Особую значимость конгресс-туризм приобретает в системе путешествий по мотивационному признаку (при исследовании объективных и субъективных побудительных мотивов, стимулирующих человека к принятию решения о туристской поездке) (рис. 1).

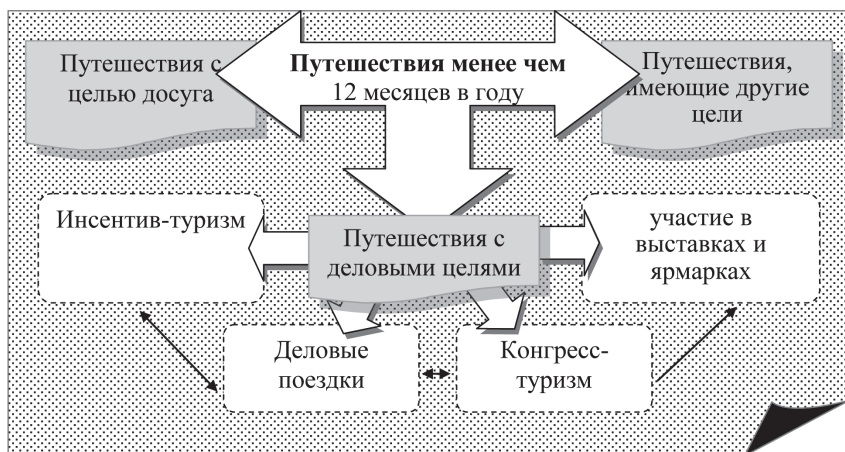

Рис. 1. Классификация путешествий по мотивационному признаку

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что конгрессный туризм, представляющий собой область практической деятельности, обеспечивающей передачу, обмен и обновление знаний, результатом чего выступают социальные, культурные и экономические последствия, является неотъемлемой частью функционирования человечества на протяжении всего исторического процесса.

Дальнейшие исследования в данной области будут направлены на определение ключевых направлений развития конгресс-туризма в Республике Крым для разработки концепции его эффективного функционирования, что позволит обеспечить развитие инфраструктуры региона, рост объемов продаж регионального продукта, повышение конкурентоспособности и укрепление имиджа региона.

Примечания

- ¹ *D'Amore L.* Tourism: The World's Peace Industry. Journal of Travel Research. – 1998. – Vol. 27. – No. 1. – P. 45 – 54
- ² *Jafari J.* Anatomy of the Travel Industry // Cornell Hotel and Restaurant Administration Quarterly. – 1983. – May. – Vol. 24. – No. 1. – P. 71-77.
- ³ *Alkjaer, Eriksen,* Location and Economic Consequences of International congress, Copenhagen, 1998.- 243 p.
- ⁴ *Квартальнов В.А.* Туризм: Учебник. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 320 с.
- ⁵ *Бабкин А.В.* Специальные виды туризма. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 252 с.
- ⁶ *Биржаков М. Б.* Введение в туризм. – М.: «Издательский Дом ГЕРДА»; СПб.: НП «Издательство «Невский Фонд», 2014. – 544 с.
- ⁷ История туризма : учебник / коллектив авторов ; отв. ред. и сост. Ю. С. Путрик. М. : Федеральное агентство по туризму, 2014. – 256 с.
- ⁸ *Абрамов В.В.* Історія туризму: підруч. Харк. нац. акад. міськ. госп-ва. – Х: ХНАМГ, 2010. – 294 с.
- ⁹ *Соколова М.В.* История туризма: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 6-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 352 с.
- ¹⁰ *Черникова Л.Ф.* История развития туризма // Культура народов Причерноморья. – 2012. – №240.с.161-165.
- ¹¹ История дипломатии Т.1. / под ред. В.П. Потемкина. М.: ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство, 1941. – 567с.
- ¹² *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
- ¹³ Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров . – 2-е изд., перераб. и доп . М.: Большая Российская энциклопедия, 2000 . – 1456 с.
- ¹⁴ Дипломатический словарь. Том II / под. ред. Громыко А.А. М.: Политиздат, 1971. – 592 с.
- ¹⁵ *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
- ¹⁶ Конгрессная деятельность. Термины и определения. ГОСТ Р 53524-2009. (утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 декабря 2009 г. № 775-ст) [электронный ресурс] / Нормативные документы. URL: <http://gostedu.ru/49233.html>.
- ¹⁷ Средневековый мир в терминах, именах и названиях./ Смирнова Е.Д., Сушкевич Л. П., Федосик В. А.— Минск: Беларусь 1999.
- ¹⁸ *Растегаева Т.Е.* Генезис делового туризма в мире.// European researcher, 2012, Vol. (21), No 5-2. с. 630-632
- ¹⁹ *Бондарев В.В.* Развитие конгресс-туризма в Российской Федерации// Сервис plus № 4, 2007. – с 100-110

1. *D'Amore L.* Tourism: The World's Peace Industry. Journal of Travel Research. – 1998. – Vol. 27. – No. 1. – P. 45 – 54

2. *Jafari J.* Anatomy of the Travel Industry // Cornell Hotel and Restaurant Administration Quarterly. – 1983. – May. – Vol. 24. – No. I. – P. 71-77.
3. Alkjaer, Eriksen, Location and Economic Consequences of International congress, Copenhagen, 1998.- 243 p.
4. *Kvartal'nov V.A.* Turizm: Uchebnik. – M.: Finansy i statistika, 2002. – 320 s.
5. *Babkin A.V.* Special'nye vidy turizma. Rostov-na-Donu: Feniks, 2008. – 252 s.
6. *Birzhakov M.B.* Vvedenie v turizm. – M.: «Izdatel'skij Dom GERDA»; SPb.: NP «Izdatel'stvo «Nevskij Fond», 2014. – 544 s.
7. Istorija turizma : uchebnik / kolektiv avtorov ; otv. red. i sost. Ju. S. Putrik. M. : Federal'noe agentstvo po turizmu, 2014. – 256 s.
8. *Abramov V.V.* Istorija turizmu: pidruch. Hark. nac. akad. mis'k. gosp-va. – H: HNAMG, 2010. – 294 s.
9. *Sokolova M.V.* Istorija turizma: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. 6-e izd., ster. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2010. – 352 s.
10. *Chernikova L.F.* Istorija razvitija turizma // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2012. – №240.s.161-165.
11. Istorija diplomatii T.I. / pod red. V.P. Potemkina. M.: OGIz Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 1941.- 567s.
12. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju.* Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij 4-e izd., dop. M.: OOO «A TEMP», 2006. – 944 s.
13. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / Red. A. M. Prohorov . – 2-e izd., pererab. i dop. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2000 . – 1456 s.
14. Diplomaticeskij slovar'. Tom II / pod. red. Gromyko A.A. M.: Politizdat, 1971. – 592 s.
15. *Krysin L.P.* Tolkovyj slovar' inozjazychnyh slov. – M.: Jeksmo, 2008. – 944 s.
16. Kongressnaja dejatel'nost'. Terminy i opredelenija. GOST R 53524-2009. (utv. Prikazom Federal'nogo agentstva po tehničeskomu regulirovaniju i metrologii ot 15 dekabrja 2009 g. № 775-st) [jelektronnyj resurs] / Normativnye dokumenty. URL: <http://gostedu.ru/49233.html>.
17. Srednevekovyj mir v terminah, imenah i nazvanijah./ Smirnova E.D., Sushkevich L.P., Fedosik V. A. – Minsk: Belarus' 1999.
18. *Rastegaeva T.E.* Genezis delovogo turizma v mire.// European researcher, 2012, Vol. (21), No 5-2. s. 630-632
19. *Bondarev V.V.* Razvitie kongress-turizma v Rossijskoj Federacii// Servis plus № 4, 2007. – s 100-110

ЦЕНА НА НЕФТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ

По расчетам экономистов Международного валютного фонда, в странах-экспортерах сырья (СЭС) резкое снижение цен на сырье в последние три года сопровождалось значительным замедлением экономического роста. Перспектива низких цен на сырье «заберет» почти 1 процентный пункт из среднего темпа экономического роста СЭС в 2015–2017 гг. по сравнению с 2012–2014 гг. В странах-экспортерах энергетического сырья этот вычет оценивается в $2\frac{1}{4}$ процентных пункта. Спрогнозированное торможение роста потенциального выпуска – около одной трети торможения роста фактического выпуска¹. Отсюда важный для политиков вопрос: влияют ли сырьевые шоки на потенциальный выпуск или просто вызывают скоротечные колебания фактического выпуска вокруг постоянного тренда?

Гурвич и Прилепский из Экономической экспертной группы подсчитали, что комбинация двух шоков, испытанных экономикой России, – финансовых санкций и падения цен на нефть – за 2014–2017 гг. будет стоить ей порядка 0,6 трлн долл. Потери от финансовых санкций составят около 170 млрд долл., а недополученные доходы от нефтегазового экспорта – около 400 млрд. В целом влияние двух шоков не просто суммируется – они усиливают друг друга. Накопленные потери роста экономики в результате такой синергии за четыре года составят 8,4%, или в среднем 2,1 процентных пункта в год. При этом среднегодовые потери от санкций оцениваются в 0,4–0,6 процентных пункта в год, влияние нефтяного шока – в 2 процентных пункта в год в среднем².

Санкции «вредят, конечно, но они не являются главной причиной снижения темпов роста российской экономики или других проблем, связанных с инфляцией. Для нас главная причина – это, конечно, снижение цен на мировых рынках на наши традиционные товары экспорта, прежде всего на нефть, газ, некоторые другие товары. Это главное», – заявил В.В. Путин в интервью для телеканалов CBS и PBS в преддверии своего выступления на Генассамблее ООН в сентябре 2015 г.³

Цель исследования, результаты которого опубликованы в настоящей статье, эмпирически ответить на вопрос: зависит ли экономический рост России от цены на нефть, и если зависит, то каков уровень и характер этой зависимости? С этой целью были решены следующие задачи:

- определены каналы влияния цены на нефть на экономический рост,

- подобраны функциональная форма эмпирической модели и временные ряды для ее оценивания,
- выполнены тесты на причинность, стационарность и коинтеграцию временных рядов,
- оценена векторная модель коррекции ошибок (ВМКО),
- выполнена диагностика ВМКО
- на основе ВМКО составлен динамический вневыборочный прогноз.

Каналы распространения нефтяных шоков

С теоретической точки зрения, колебания цен на сырье влияют на стоимость валют и экономический рост СЭС по двум хорошо документированным в литературе каналам:

Доход. Пусть экономика СЭС состоит из сектора, производящего торгуемые (экспортируемые) товары (сырье в данном случае) и сектора, производящего неторгуемые товары (готовые изделия). Бум цен на сырье вызывает неожиданный рост дохода, так как при том же уровне внутреннего производства увеличивается экспортная выручка. Рост дохода в свою очередь вызывает рост внутреннего спроса и тем самым стимулирует внутреннее производство. В процессе этих изменений цены относительно редких неторгуемых товаров растут по отношению к ценам торгуемых товаров, а с ними растет и реальный курс валют СЭС по отношению к доллару США, который является валютой контрактов на поставку сырья. Если цены и заработная плата «не хотят» меняться («залипают») в ответ на рост дохода, то вслед за реальным курсом растет и номинальный курс валют СЭС.

Инвестиции. Бум цен на сырье усиливает стимулы для инвестиций в торгующий сектор и смежные отрасли экономики СЭС (строительство, транспорт, логистика). Результирующий рост экономической активности в конечном счете распространяется по всей экономике, что усиливает рост дохода. Валюты СЭС дорожают из-за роста спроса на них со стороны инвесторов, перебалаксирующих свои портфели активов в пользу богатейших СЭС.

Два канала – доход и инвестиции – взаимосвязаны. Рост дохода будет выше и основательнее, если инвестиции и экономическая активность в торгующем секторе отреагируют сильнее на улучшение условий торговли. Аналогичным образом чем больше доход от роста цен на сырье, тем вероятнее новые инвестиции в экономику СЭС. Причем цены на сырье колеблются от года к году гораздо сильнее цен на готовые изделия. Мир не испытывает таких серьезных экономических шоков от колебаний цен на компьютеры, какие он испытывает от колебаний цен на сырье.

Российская статистика хорошо сочетается с этой теорией. На рис. 1 видно, что в 2000-2015 гг. темпы квартального изменения номинального

ВВП менялись в унисон с темпами квартального изменения цены Brent. Простой коэффициент корреляции равен 0,784. Нулевая гипотеза об отсутствии корреляции опровергнута: $t(61) = 9,853$, двухсторонняя $p = 0,000$.

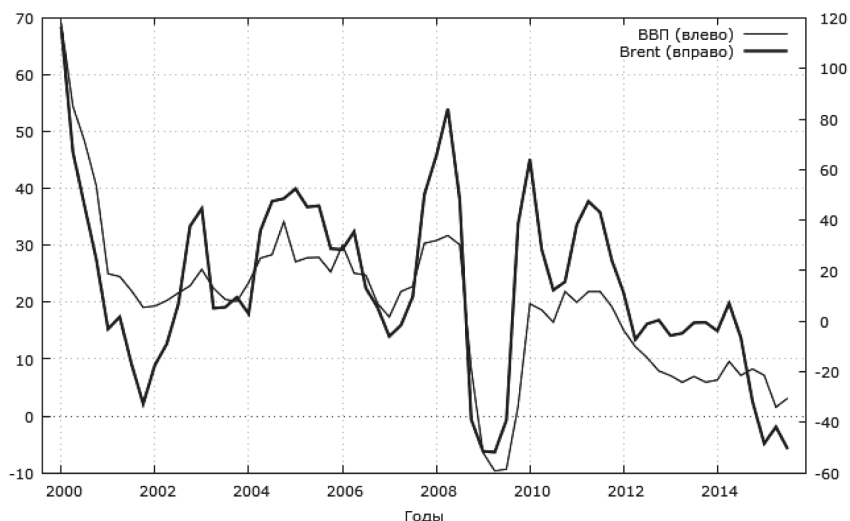

Рис. 1. Темпы квартального изменения цены Brent и номинального ВВП России (год на год), %

Нефтефикация России

Высокая корреляция темпов квартального изменения ВВП и цены Brent была подготовлена нефтефикацией России за последние 15 лет. Некоторые данные об этом процессе приведены в табл. 1 и 2. От пятилетки к пятилетке доля углеводородной компоненты в ВВП, экспорте и федеральном бюджете России росла. «Нефтяная игла» проникала все глубже в экономический организм России.

Налогообложение нефтегазовой отрасли стабильно обеспечивает около трети совокупных доходов сектора государственного управления. Например, в 2014 г. доходы от налогов и пошлин, связанных с обложением нефти, газа и нефтепродуктов, составили 11,1% ВВП. И нефть тут намного важнее газа. Из этих 11,1% 3,5% – доходы от налогообложения добычи нефти, 3,7% – вывозные таможенные пошлины на нефть, 2,1% – вывозные таможенные пошлины на нефтепродукты и 0,5% – акцизы на нефтепродукты. А вот как распределились в 2014 г. налоговые доходы по виду деятельности к ВВП по виду деятельности: 81,5% – добыча сырой нефти и при-

родного газа и предоставление услуг в этих областях и 26,7% – остальные виды деятельности⁴.

Таблица 1. Зависимость экономики и федерального бюджета России от нефтегазовых доходов, %

Годы	Доля доходов федерального бюджета в ВВП			Доля нефтегазовых доходов в доходах федерального бюджета
	Все	Нефтегазовые	Прочие	
2000–2004	18,6	3,1	15,6	15,9
2005–2009	22,4	9,6	12,8	42,9
2010–2015	19,8	9,9	9,9	49,8

Источник: Министерство финансов Российской Федерации. Основные направления бюджетной политики, разные годы.

Таблица 2. Зависимость российского экспорта товаров от нефти и нефтепродуктов, %

Годы	Доля сырой нефти	Доля сырой нефти и нефтепродуктов
2000–2004	28,8	39,5
2005–2009	34,5	50,0
2010–2015	33,7	53,7

Источник: Интернет-сайт Банка России.

В добыче, переработке и транспортировке углеводородов занято 1,34 млн. или около 1% россиян. Заработанные этим процентом «нефтедоллары» через систему перераспределения доходов стали частью личных доходов миллионов россиян. Главный механизм перераспределения – федеральный бюджет.

Нефтефикация привела к тому, что цена Brent / Urals стала важнейшим макроэкономическим ориентиром для разработчиков федерального бюджета в Министерстве финансов России. Бюджетная политика «должна отвечать современным глобальным вызовам, среди которых, прежде всего, санкции, введенные против России, и низкие цены на нефть».⁵ Министерство экономического развития и Банк России тоже привязывают свои прогнозы и сценарии к цене на нефть⁶.

В отличие, например, от газа, который Россия экспортирует по контрактам, заключенным в результате двусторонних переговоров с отдельными потребителями, важная для России сырая нефть эталонной марки Brent как базовый актив фьючерсов торгуется на централизованных

мировых рынках, таких как Нью-Йоркская товарная биржа (New York Mercantile Exchange – NYMEX) и Межконтинентальная биржа (Intercontinental Exchange – ICE)⁷. Пространственная консолидация рынка позволяет наблюдать, как эволюционирует подлинно мировая цена Brent в ходе торгов. Эта цена служит эталоном в прайсинге двух третей международных поставок нефти.

Эмпирический анализ

Эмпирическая модель и данные для ее оценивания

Выбранный для данного исследования вопрос нужно операционализовать. Операционализация превращает расплывчатые понятия в измеряемые переменные, и тогда исследовательский вопрос становится тестируемой гипотезой. Понятию «экономический рост» подобрана такая легко измеряемая переменная, как темпы изменения номинального ВВП, а для понятия «цена Brent» выбрана цена закрытия рынка фьючерсов на сделки с Brent на NYMEX в долларах за баррель⁸. Понятию «зависимость» (экономического роста от цены Brent) соответствуют такие эконометрические конструкции, как коинтеграция, ВМКО, слабая экзогенность и причинность по Грэнджеру.

Тестируемую гипотезу можно сформировать следующим образом: темпы изменения номинального ВВП находятся в положительной линейной зависимости от темпов изменения цены закрытия рынка фьючерсов на сделки с Brent на NYMEX. Мы, конечно, не утверждаем, что цена Brent – исключительная детерминанта экономического роста, но предполагаем, что она оказывает на него существенное воздействие. Соответственно, наша эмпирическая модель – «скупое» на переменные и математику уравнение линейной регрессии:

$$\text{ВВП}_t = \alpha + \beta \text{НФТ}_t + u_t \quad (1)$$

где

ВВП_t – темпы квартального изменения номинального ВВП, очищенные от квартальной сезонности (год на год, %);

α – свободный член (константа);

НФТ_t – темпы квартального изменения цены закрытия рынка фьючерсов на сделки с Brent на NYMEX (год на год, %);

β – положительный в ожидании коэффициент регрессии, который предстоит оценить;

u_t – нормально распределенные остатки регрессии (комбинация неучтенных переменных, нелинейности регрессии, ошибок измерения и непредсказуемых эффектов).

Данные о НФТ получены с сайта инвестиционной компании «ФИНАМ», а данные о ВВП – с сайта Федеральной службы государствен-

ной статистики⁹. Период наблюдения – с I квартала 2000 г. по III квартал 2015 г. Это 63 квартальных значений ($T = 63$). Принятый в данной работе доверительный интервал – 95% (уровень значимости $\alpha = 0,05$).

Обе переменные были подвергнуты тесту Шапиро-Уилка на нормальность. Нулевая гипотеза теста – распределение нормальное. Как видно из табл. 3, НФТ успешно прошла тест, а ВВП «провалил» его¹⁰. Вообще нормальное распределение – редкое свойство рядов экономической динамики.

Таблица 3. Результаты теста Шапиро-Уилка на нормальное распределение

Переменные	Статистика теста	P-значение
НФТ	0,972	0,180
ВВП	0,935	0,002

Тест на причинность по Грэнджеру

В данной работе тестировалось предположение о положительной зависимости ВВП от НФТ. Вообще причинно-следственная связь может идти в обратном направлении и даже быть взаимной, двусторонней. Простое определение причинности по Грэнджеру звучит так: НФТ – причина для ВВП, если совместная история НФТ и ВВП лучше предсказывает ВВП, чем только история ВВП¹¹.

Тест основан на следующей модели векторной авторегрессии:

$$\text{ВВП}_t = a_0 + a_1 \text{ВВП}_{t-1} + \dots + a_p \text{ВВП}_{t-p} + b_1 \text{НФТ}_{t-1} + \dots + b_p \text{НФТ}_{t-p} + u_t \quad (2)$$

$$\text{НФТ}_t = c_0 + c_1 \text{НФТ}_{t-1} + \dots + c_p \text{НФТ}_{t-p} + d_1 \text{ВВП}_{t-1} + \dots + d_p \text{ВВП}_{t-p} + v_t \quad (3)$$

Тестируя нулевую гипотезу $b_1 = b_2 = \dots = b_p = 0$ против альтернативной гипотезы $b_1 = b_2 = \dots = b_p \neq 0$, мы полагаем, что НФТ – не причина для ВВП. Аналогичным образом, тестируя нулевую гипотезу $d_1 = d_2 = \dots = d_p = 0$ против альтернативной гипотезы $d_1 = d_2 = \dots = d_p \neq 0$, мы полагаем, что ВВП – не причина для НФТ. В каждом случае опровержение нулевой гипотезы означает наличие причинности по Грэнджеру.

Тест опроверг гипотезу «НФТ не причина для ВВП» и не опроверг гипотезу «ВВП не причина для НФТ» на лаге 2. Причинно-следственная связь идет от НФТ к ВВП, но не в обратном или обоих направлениях. Однако, этот результат не следует принимать за чистую монету. Причинность по Грэнджеру показывает прецеденты и информационное содержание, а не причинно-следственную зависимость в общепринятом смысле этого выражения.

Таблица 4. Результаты парного теста Грэнджера на причинность

Нулевая гипотеза	F-статистика	P-значение
НФТ не причина для ВВП	69,257	<0,0001
ВВП не причина для НФТ	0,839	0,437
Примечания: $T = 61$. Порядок лагов – 2. Метод оценки – метод наименьших квадратов.		

Расширенный тест Дики-Фуллера на стационарность

Если интерпретировать уравнение (1) как стабильную равновесную связь ВВП с НФТ, то обе переменные должны быть стабильными или, как говорят эконометристы, стационарными в уровнях. Однако, ряды экономической динамики обычно нестационарны. Такие ряды содержат случайные компоненты и тренд, а их среднее и дисперсия непостоянны во времени. Нестационарность – серьезная проблема, поскольку корреляция, «выживающая» даже в очень длинных нестационарных рядах, может быть мнимой, если использовать метод наименьших квадратов (МНК), а сделанные на основе МНК-регрессий прогнозы – ненадежными.

Поэтому первым делом предстояло выяснить, стационарны ВВП и НФТ или нет. Если они нестационарны, и их интегрированность (I) имеет одинаковый порядок (q), то исследование переходит в плоскость коинтеграционного анализа. Обычно уже взятие первой разности ($q = 1$) делает ряд стационарным. Итак, требовалось установить, ВВП и НФТ – $I(1)$ или нет.

С этой целью использован расширенный тест Дики-Фуллера (ADF-тест). Нулевая гипотеза теста – ряд содержит единичный корень в уровнях, и потому объявляется нестационарным. Опровержение ее означает, что ряд стационарен в уровнях, и коинтеграционный анализ неуместен.

Для правильного выбора варианта ADF-тест необходимо знать трендовые свойства данных. На рис. 1 можно заметить, что ВВП и НФТ имеют ненулевое среднее и слегка «тенденциозны». Поэтому тест выполнен с константой и трендом. Результаты ADF-теста также чувствительны к порядку лагов, с которым регрессия «проникает» в прошлое своих переменных. Наилучший порядок лагов определен по информационному критерию Акаике.

Результаты ADF-теста приведены в табл. 5. Статистика теста больше критического значения для уровней и меньше для первых разностей. Значит, нулевая гипотеза не опровергнута, и обе переменные – $I(1)$.

Таблица 5. Результаты ADF-теста на наличие единичного корня (критическое значение статистики теста = -3,500)

Переменные	Статистика теста	
	Уровни	Первые разности
ВВП (8 лагов для уровней, 7 – для разностей)	-2,870 (0,172)	-4,823 (0,000)
НФТ (4 лага для уровней, 3 – для разностей)	-2,314 (0,425)	-7,103 (<0,0001)
Примечания: $T = 63$. Вариант теста – ограниченный тренд, неограниченная константа. Порядок лагов – по информационному критерию Акаике. В скобках р-значения.		

Дифференцирование НФТ и ВВП решило бы проблему нестационарности, и можно было бы закончить эту работу обсуждением регрессии перворазностного ВВП по перворазностной НФТ. Однако, остается другая важная проблема: эмпирически поддержать предсказания теории о пребывании нестационарных НФТ и ВВП в долгосрочном равновесии. Ведь перейдя на разности и удалив тем самым тренд, мы, по словам Канторовича, «отказываемся анализировать долгосрочное поведение переменной и отрицаем возможность существования долгосрочного равновесия для нестационарных переменных»¹².

И что отражает отмеченная высокая корреляция НФТ и ВВП – лишь краткосрочную реакцию ВВП на шоки НФТ или еще и долгосрочную равновесную связь между ними? Или корреляция является мнимой из-за нестационарности НФТ и ВВП, то есть показывает связь, которой нет в реальности?

Тест Йохансена на коинтеграцию

Ответы дает коинтеграционный анализ, теоретические и методические основы которого заложили Грэнджер и Энгл¹³. Если каждая переменная – $I(1)$ и существует хотя бы одна их линейная комбинация $I(0)$, то они коинтегрированы. Другими словами, коинтеграция – это эконометрическая концепция, имитирующая пребывание нестационарных НФТ и ВВП в долгосрочном равновесии. Отсутствие коинтеграции указывает либо на неадекватность модели, либо на отсутствие предсказанной теорией долгосрочной равновесной связи¹⁴.

Долгосрочная равновесная связь существует только между коинтегрированными переменными. Коинтеграция – это когда нестационарные

переменные, «разбежавшись» недалеко и ненадолго в разные стороны, возвращаются в предсказанное теорией равновесное состояние. Если НФТ и ВВП коинтегрированы, то НФТ, если назначить ее регрессором, можно считать «поставщиком» долгосрочной компонентой ВВП, а остатки коинтегрирующей регрессии – «поставщиком» краткосрочных изменений ВВП, которые восстанавливают равновесие. При коинтеграции корреляция может быть высокой и низкой, но она всегда подлинная. Еще одно важное отличие коинтеграции от корреляции состоит в том, что корреляция не отвечает на вопрос, какая переменная – причина, какая – следствие, а коинтеграция означает наличие хотя бы односторонней причинно-следственной зависимости – ВВП от НФТ или НФТ от ВВП.

В данной работе использован популярный тест Йохансена на коинтеграцию, разработанный «по мотивам» работ Грэнджера и Энгла¹⁴. Тест Йохансена основан на ВМКО. Для двух переменных это система двух уравнений (далее система ВМКО):

$$\Delta \text{ВВП}_t = \eta + \sum_{i=1}^{p-1} \alpha_i \Delta \text{ВВП}_{t-i} + \sum_{j=1}^{p-1} \beta_j \Delta \text{НФТ}_{t-j} + \Theta (\text{ВВП} - \kappa \text{НФТ})_{t-1} + e_t \quad (4)$$

$$\Delta \text{НФТ}_t = \eta' + \sum_{i=1}^{p-1} \gamma_i \Delta \text{НФТ}_{t-i} + \sum_{j=1}^{p-1} \delta_j \Delta \text{ВВП}_{t-j} + \Omega (\text{ВВП} - \kappa \text{НФТ})_{t-1} + e_t' \quad (5)$$

где

Δ – оператор разности (например, $\text{ВВП}_t - \text{ВВП}_{t-1} = \Delta \text{ВВП}_t$);

η и η' – константы;

e_t , и e_t' – остатки векторной регрессии;

$(\text{ВВП} - \kappa \text{НФТ})_{t-1}$ – переменная коррекции ошибок (остатков коинтегрирующего уравнения), измеряющая отклонение от равновесия в предыдущем квартале;

Θ и Ω – коэффициенты коррекции ошибок, измеряющие скорость возврата системы ВМКО в равновесие.

Тест Йохансена вкупе с ВМКО позволяет решить следующие задачи:

1) установить, коинтегрированы НФТ и ВВП или нет, и если коинтегрированы, то

2) смоделировать динамический процесс восстановления равновесия между ними.

Для решения первой задачи требовалось определить число коинтегрирующих векторов, именуемое рангом (r) коинтеграции. Последовательно перебирая значения r от 0 до k , можно получить следующие результаты:

– Если нулевая гипотеза $r = 0$ не отвергается на первой итерации, то процесс нестационарный, но коинтеграция отсутствует.

- Если она отвергается, то на следующей итерации проверяется гипотеза $r = 1$.
- Если она не отвергается, то существует один коинтегрирующий вектор. В противном случае тестируется гипотеза $r = 2$, и так далее.
- Если нулевая гипотеза опровергается при всех $r < k$, то процесс стационарен.

Результаты теста приведены в табл. 6. Обе статистики теста – след матрицы и ее максимальное число – опровергли гипотезу об отсутствии коинтеграции ($r = 0$) и не опровергли гипотезу о наличии одного ранга коинтеграции ($r = 1$). Таким образом, НФТ и ВВП связаны одним коинтегрирующим вектором.

Таблица 6. Результаты теста Йохансена на коинтеграцию ВВП и НФТ

Ранг коинтеграции	Статистики теста	
	След матрицы	Максимальное значение
0	36,128 (0,001)	30,540 (0,000)
1	5,588 (0,524)	5,588 (0,524)

Примечания:
 $T = 52$.
 Число уравнений – 2.
 Порядок лагов – 11.
 Вариант теста – ограниченный тренд, неограниченная константа.
 Метод оценки – максимальное правдоподобие.

В табл. 7 приведен коинтегрирующий вектор, нормализованный на ВВП, и корректирующий вектор. Первый содержит элементы (параметры) долгосрочной связи ВВП с НФТ, второй – параметры коррекции ошибок коинтегрирующего уравнения.

Таблица 7. Коинтегрирующий и корректирующий векторы системы ВМКО

Коинтегрирующий вектор	
ВВП	1,000 (<0,0001)
НФТ	-0,144 (<0,0001)
Тренд	0,392 (<0,0001)
Корректирующий вектор	
ВВП	-0,825
НФТ	0,000

Примечания:

$T = 52$

Порядок лагов – 11.

Ранг коинтеграции – 1.

Вариант теста – ограниченный тренд, неограниченная константа

Метод оценки – максимальное правдоподобие.

В скобках р-значение.

Векторная модель коррекции ошибок

Вторая задача – смоделировать динамический процесс восстановления равновесия между коинтегрированными НФТ и ВВП после временного дисбаланса, вызванного очередным шоком НФТ. При $r = 1$ коинтегрирующий вектор вкупе с константой соответствует следующему коинтегрирующему уравнению:

$$\text{ВВП}_t = 25,343 + 0,144 * \text{НФТ}_t - 0,392 * \text{Тренд} \quad (6)$$

Коинтегрирующее уравнение – ни что иное, как модель (1) с линейным трендом. Коэффициент при НФТ_t значим и имеет ожидаемый знак. С падением НФТ_t на 1% ВВП_t падал на 0,144%. Исправленный $R^2 = 0,667$, следовательно, модель объясняет 66,7% вариации ВВП_t. F – статистика = 120,672, $\rho(F)$, что указывает на значимость всей модели. Статистика Дарбина-Уотсона = 2,123. Коинтеграция НФТ и ВВП исключает мнимую корреляцию, но для решения второй задачи этого мало. Модель демонстрирует лишь то, что от одного текущего квартала к другому текущему кварталу элементы коинтегрирующего вектора (-25,343, 0,144 и -0,392) служат параметрами долгосрочной связи¹⁶. Для решения второй задачи требовалось оценить ВМКО.

ВМКО представляет собой динамическую модель, в рамках которой изменение зависимой переменной в текущем периоде обусловлено нарушением равновесия в предыдущем периоде из-за шока независимой переменной. Когда переменные коинтегрированы и любой шок вызывает потерю равновесия, срабатывает хорошо определенный динамический процесс возвращения системы в равновесие. ВМКО объединяет в одном уравнении долгосрочную компоненту зависимой переменной и ее краткосрочную реакцию, обеспечивающую поддержание равновесной связи с независимой переменной. Главное достоинство ВМКО в том, что она оставляет спецификацию долгосрочного равновесия на попечение теории, а краткосрочную динамику извлекает из данных.

Результаты оценивания ВМКО даны в табл. 8. Один лаг из 11 ушел на дифференцирование (Δ), удаляющее тренд из данных, так что история ВВП в уравнении (4) – это 10 своих лагированных первых разностей и

10 лагированных первых разностей НФТ. Из этих 20 регрессоров 12 значимо влияют на Δ ВВП – по 6 от ВВП и НФТ. Это влияние имеет тенденцию ослабевать от ближних лагов к дальним.

Таблица 8. Расчетные параметры уравнения (4) системе ВМКО

Регрессор	Коэффициент	P-значение
Константа	25,343	<0,0001
Δ ВВП_1	0,783	0,000
Δ ВВП_2	0,624	0,001
Δ ВВП_3	0,956	<0,0001
Δ ВВП_4	0,110	0,565
Δ ВВП_5	0,640	0,004
Δ ВВП_6	0,200	0,349
Δ ВВП_7	0,565	0,005
Δ ВВП_8	0,061	0,730
Δ ВВП_9	0,384	0,039
Δ ВВП_10	0,117	0,430
Δ НФТ_1	-0,019	0,604
Δ НФТ_2	-0,166	0,003
Δ НФТ_3	-0,161	0,001
Δ НФТ_4	-0,157	0,003
Δ НФТ_5	-0,134	0,014
Δ НФТ_6	-0,118	0,030
Δ НФТ_7	-0,093	0,067
Δ НФТ_8	-0,114	0,028
Δ НФТ_9	-0,050	0,273
Δ НФТ_10	-0,086	0,061
ЕС_1	-0,825	0,002
Примечания: $T = 52$. Порядок лагов – 11. $r = 1$. Вариант теста – ограниченный тренд, неограниченная константа. Метод оценки – максимальное правдоподобие.		

В табл. 8 уравнение (4) дано в разбивке Δ НФТ и Δ ВВП по лагам. Если обобщить уравнение (4) одной строкой, то окажется, что с уменьшением суммы лагированной Δ НФТ на 1% Δ ВВП падал на 1,098%. Скорректированный $R^2 = 0,665$, то есть уравнение объясняет 66,5% вариации Δ ВВП, подтверждая исходное предположение о существенном влиянии НФТ на ВВП. Статистика Дарбина-Уотсона = 2,123, что указывает на отсутствие признаков автокорреляции в уравнении (4).

Переменная коррекции ошибок, $(ВВП - \kappa НФТ)_{t-1}$, в уравнении (4) фигурирует в табл. 8 под аббревиатурой ЕС_1 (Error Correction). ЕС_1 – это дисбаланс, возникший после шока НФТ в прошлом квартале, а Θ – скорость ликвидации дисбаланса. Так как связь долгосрочная, Θ должна быть отрицательной. Тогда положительный (отрицательный) дисбаланс обеспечит падение (рост) ВВП на пути системы ВМКО к равновесию. Дисбаланс, возникший в прошлом квартале, ликвидируется в текущем и, возможно, будущих кварталах темпом, заданным Θ . Ликвидация представляет собой последовательное уменьшение дисбаланса на произведение отрицательной Θ и остатка дисбаланса, переходящего из одного квартала в другой.

Реагируя на шок НФТ в предыдущем квартале, ВВП оказывался то выше, то ниже своего равновесного значения. Чтобы ВВП мог вернуться в равновесие с НФТ, Θ должна находиться между 0 и -1. Чем ближе Θ к -1, тем быстрее достигается равновесие. При $\Theta = -1$ равновесие достигается за текущий квартал. Больше кварталов требуется, если Θ стремится к нулю. Срок полного устранения отклонения – обратная Θ , то есть после $1 / \Theta$ кварталов равновесие восстанавливается.

Θ можно интерпретировать следующим образом:

- высокие отрицательные значения, стремящиеся к нулю: медленное движение к равновесию;
- низкие отрицательные значения, стремящиеся к -1: экономические агенты проходят большую часть пути к новому равновесию уже в текущем периоде;
- предельная скорость, при которой равновесие не «зашкаливает», равна -1;
- отрицательные значения менее -2: равновесие «зашкаливает»;
- положительные значения: система «ВВП – НФТ» сходит с равновесной траектории¹⁷.

В табл. 8 видно, что $\Theta = -0,825$. Это очень высокая скорость. Экономическим агентам требуется лишь текущий квартал и 0,2 следующего квартала ($1 / \Theta = 1 / 0,825 = 1,2$), чтобы устранить дисбаланс, возникший в прошлом квартале из-за шока НФТ.

Наконец, с помощью стандартных диагностических тестов было оценено качество уравнения (4). Как показывает табл. 9, не обнаружено упущений в спецификации модели; ни одна нулевая гипотеза не была опровергнута.

Таблица 9. Результаты диагностического тестирования уравнения (4)

Тесты	Статистика теста	P-значение
Тест Дурника-Хансена на нормальное распределение остатков Нулевая гипотеза – распределение нормальное	$\chi^2(4) = 4,013$	0,404
Q-тест Льюнг-Бокса на наличие авторкорреляции порядка 4 Нулевая гипотеза – автокорреляция отсутствует	Q = 3,174	0,529
Тест на гетероскедастичность Нулевая гипотеза – гетероскедастичность отсутствует	$\chi^2(38) = 19,732$	0,994
Тест на наличие ARCH-процессов («пучков» волатильности) порядка 4 Нулевая гипотеза – ARCH-процессы отсутствуют	LM = 1,616	0,805

Прогноз

В данной работе прогноз ВВП выполнен для дополнительной проверки достоверности ВМКО. Прогноз – динамический вне выборки. Горизонт прогнозирования – 2015:4 – 2016:4 ($T = 5$). Как видно из табл. 10, все предсказанные значения ВВП находятся в 95%-ном доверительном интервале.

Таблица 10. Динамический вневыборочный прогноз ВВП

Квартал	Предсказанный ВВП	Стандартная ошибка	95%-ный доверительный интервал
2015:4	2,873	2,408	-1,847-7,594
2016:1	4,720	3,583	-2,302-11,744
2016:2	7,297	4,045	-0,630-15,225
2016:3	4,170	4,560	-4,767-13,108
2016:4	-1,585	4,847	-11,087-7,915

Заключение

Цель данной работы – эмпирическая проверка предположения о положительной зависимости экономического роста России от цены Brent. Автор, конечно, не утверждал, что цена Brent – исключительная

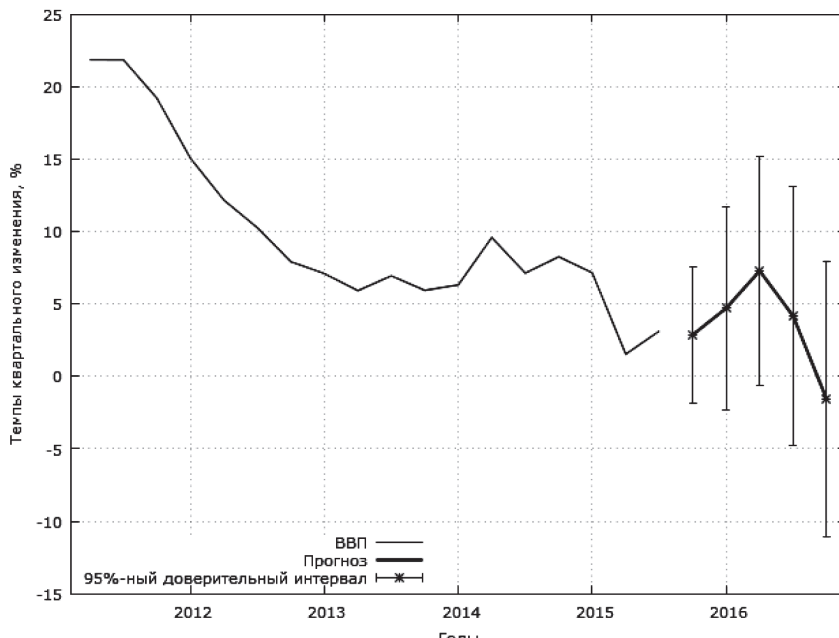

Рис. 2. Динамический вневыборочный прогноз ВВП

детерминанта экономического роста, но предполагал, что она оказывает на него ощутимое воздействие. Для достижения этой цели были решены следующие задачи: определены каналы воздействия цены Brent на экономический рост; подобраны эмпирическая модель и временные ряды для ее оценивания; ряды проверены на нормальное распределение, стационарность и коинтеграцию; уточнено направление причинно-следственной зависимости; смоделирован процесс динамической коррекции ошибок; проведена диагностика ВМКО.

Эмпирическая модель представляет собой предельно «скупое» на переменные и математику уравнение линейной регрессии темпов изменения номинального ВВП по темпам изменения цены Brent. Данные для ее оценивания охватывают 2000–2015 гг. (63 квартальных значений). Основные результаты исследования приведены ниже.

1. Тест Грэнджера обнаружил причинно-следственную зависимость темпов изменения номинального ВВП от темпов изменения цены Brent. Расширенный тест Дики-Фуллера обнаружил единичные корни в обоих переменных, а тест Йохансена – один коинтегрирующий вектор. Только между коинтегрированными переменными могут существовать долгосрочное равновесие, подлинная корреляция и как минимум односторонняя

причинность по Грэнджеру. Такой характер связи между двумя переменными – следствие нефтефикации России за последние 15 лет.

2. Чтобы задействовать динамический процесс коррекции остатков коинтегрирующего уравнения, возвращающий систему в равновесие, была построена ВМКО. Упущений в спецификации ВМКО не обнаружено. Системе ВМКО нужен лишь текущий квартал и 0,2 следующего квартала, чтобы восстановить равновесие (в новой точке) после шока темпов изменения цены Brent в предыдущем квартале.

3. Уравнение системы ВМКО с темпами изменения цены Brent в роли регрессора объясняет 66,5% вариации темпов изменения номинального ВВП, подтверждая исходные предположения о существенном влиянии первой переменной на вторую. При 10 лагах с уменьшением дифференцированных темпов изменения цены Brent на 1% дифференцированные темпы изменения номинального ВВП падали примерно на 1%.

Примечания

¹ International Monetary Fund. World Economic Outlook. October 2015. N 65. P. 61.

² Ведомости, 05.02.2016.

³ Официальные сетевые ресурсы Президента России, <http://kremlin.ru/events/president/news/50380>

⁴ Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов. М. 2016. С. 6, 7.

⁵ Ibid. С. 1.

⁶ На 2016–2018 гг. разработаны три сценария: базовый предполагает сохранение среднегодовой цены на уровне 50 долл. за баррель в последующие три года; более оптимистичный – постепенное восстановление цены до 70–80 долл. в 2018 г. и стрессовый – сохранение цены в течение трех лет ниже 40 долл.

⁷ ICE – американская электронная сеть бирж и клиринговых центров для сделок на финансовых и товарных рынках. Она владеет и управляет 23 регулируемым биржами и внебиржевыми «площадками» в Северной Америке и Европе.

⁸ В проект федерального бюджета закладывается российский ресурс Urals. Urals уступает Brent по качеству, а фьючерсы на сделки с Urals совсем неликвидны. Поэтому цена Urals исторически рассчитывается с дисконтом в 1-2 долл. от цены Brent.

⁹ Интернет-сайт инвестиционной компании «ФИНАМ, интернет-сайт Федеральной службы государственной статистики.

¹⁰ Далее НФТ – она, ВВП – он.

¹¹ Granger, C. Investigating Causal Relations by Econometric Models and Cross-Spectral Methods // *Econometrica*. 1969. Vol. 37. N. 3. P 424–438.

¹² Канторович Г.Г. Анализ временных рядов // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2003. № 1. С. 79.

- ¹³ *Engle R., Granger C. Co-Integration and Error Correction: Representation, Estimation, and Testing // Econometrica. 1987. Vol. 55. N 2. P. 251-276.*
- ¹⁴ Здесь даны самые общие нетехнические замечания на этот счет. Обстоятельный анализ нестационарных временных рядов на русском языке см. Канторович Г.Г. *Op. cit.*
- ¹⁵ *Johansen S. Statistical analysis of cointegration vectors // Economic Dynamic control. 1988. Vol. 12. NN 2–3. P. 231-254.*
- ¹⁶ t-отношения модели (1) невозможно интерпретировать, так как модель – долгосрочная и содержит автокорреляцию из-за плохо специфицированной динамики (лишь один квартал). Проблемой могут быть и неучтенные регрессоры. Поэтому распределение t-отношений неизвестно.
- ¹⁷ *Ssekuma R. Study of Cointegration Models with Applications // University of South Africa. 2011.*

ПАРАДИГМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Политические проблемы неразрешимы,
а экономические непостижимы.

Алек Дуглас-Хьюм

Парадигма любой общественной науки и, в частности, международных отношений в практике реализации потенциальных возможностей мировой политики во взаимосвязи с процессами экономического развития, основывается на представлениях о реальности. Их формируют специалисты, наделенные знаниями и практическим опытом. Но и сами представления оказывают определяющее влияние на то, что в данной отрасли знания считается реальностью, – точнее, что подразумевают под реальностью люди, принимающие участие в реализации имеющихся достижений науки и практики.

Представления о реальности, существующие в рамках данной дисциплины, определяют ее содержание. Они определяют то, что данная дисциплина считает «фактами» и то, как данная дисциплина трактует самое себя. К тому же представления о реальности в значительной степени определяют то, на что данная дисциплина обращает внимание, а что игнорирует или отвергает как «досадные исключения». Для общественной науки, каковой являются международные отношения, представления о действительности гораздо важнее, чем для естественных наук, так как они имеют дело с поведением человека и общественных институтов.

Международным отношениям по сравнению с другими видами общественных отношений свойственна одна характерная черта – их ядром являются политические взаимодействия. Они позволяют, прежде всего, создать условия для эффективного использования высоких технологий, а также регулирования процессов глобализации – растущей взаимозависимости производства и обмена всех стран, экономической интеграции целых регионов и даже континентов.

Политические взаимодействия подвижны чувством полезного и направлены к утилитарной цели. Поэтому, само политическое действие не может быть ни моральным, ни аморальным. Мотив неприятия такой теории, возможно, заключен в последнем положении – вольной или невольной подмене понятия полезного понятием эгоистического. Ошибочная замена, с одной стороны, перечеркивает отличительный характер политики, не сводимой к морали, с другой стороны, она же препятствует

серьезному пониманию политики. Не умея справиться с живой реальностью, политику в настоящее время стали трактовать как неизбежное зло, как то, что более или менее аморально. Тем самым, сформировался дуализм действия политического и действия аморального. Следствием, стало вульгарное представление о том, что политика – печальная необходимость.

С другой стороны, цепочка нелогичных сентенций уверяет, что иногда, чтобы послужить благу, нужно сделать зло, что моральная цель оправдывает аморальные средства, что есть частная мораль и совсем другое дело – общественная мораль. Невозможно, дескать, заниматься политикой и не запачкать при этом руки, что даже в интересах государства некоторые преступления и небрежение верой. На самом деле это нелогично, ибо наше человеческое сознание вопиет: во имя чего позволительны разрушение веры и потакание преступлениям? Как может быть одна мораль у себя дома и другая – на площади? Можно ли ценой порока достичь какого-то блага, словно добро и зло – товары для обмена? Разве не очевидно, что руки всегда должны быть чистыми, что качество средств и качество цели не должны контрастировать? Еще хуже, чем просто нелогичные суждения, непристойности, даже когда их вкладывают в уста таких людей, как прусский король Фридрих. Иногда они испытывают невольный страх перед действиями, рационально вполне необходимыми, но все же не вписывающимися в проповедуемые доктрины.

Результатом политического взаимодействия является формирование и реализация мировой политики. Мировая политика – это организационная и регулятивно – контрольная сфера, как национального, так и мирового сообщества, основная в системе других таких же сфер: экономической, идеологической, правовой, культурной, религиозной. Это, как правило, есть сфера властных отношений, так как власть является первоосновой, сутью политических отношений, важнейшим качеством политики. Только на этой основе можно выделить политику, политические отношения из всей совокупности общественных отношений.

Мировая политика выступает и как организационная и регулятивно-контрольная сфера мирового сообщества, что обусловлено такими ее свойствами, как универсальность, всеохватывающий характер, включенность во все сферы. Мировая политика детерминирована экономическими, культурными факторами, непосредственно зависит от социальной структуры общества, уровня социального расслоения. С другой стороны, мировая политика способна воздействовать на эти сферы, проникать в них. Это связано с двумя аспектами политики:

а) хотя политика собственно не направлена на создание материальных и духовных ценностей (они создаются в других сферах), но политика призвана обеспечить условия, при которых создание и присвоение ценностей отвечало бы интересам тех или иных социальных групп и человеческих

сообществ в рамках государственных структур и интеграционных объединений. Эта особенность политики отражена в широко представленных определениях власти как инструмента распределения ценностей в обществе;

б) политика присутствует во всех общественных сферах национального и мирового уровня в силу присущей ей регулирующей функции.

На рационализацию отношений между людьми в этих сферах, а также более рациональное использование общественных ценностей направлены такие виды государственной политики, реализующие национальные интересы стран в международной деятельности, как: экономическая, военная, научно-техническая, социальная, культурная, экологическая и др.

Структурно мировая политика представлена: внешнеполитической деятельностью национальных государств, составляющих живую ткань международных отношений и связей; политическими акциями региональных межгосударственных и общественных структур, группировок, союзов и других объединений такого рода; деятельностью на глобальном уровне ООН и других организаций и учреждений, уполномоченных на то государствами и народами.

Мировая политика всегда имела и имеет свою экономическую составляющую. Роль этой последней лишь возрастает по мере увеличения открытости народного хозяйства отдельных стран вовне, углубления международного разделения труда и других проявлений процесса глобализации, а также по мере отхода от силовых, в т.ч. военных способов разрешения противоречий между государствами и защиты их интересов. Именно поэтому их взаимодействие играет решающую роль в развитии любого общества.

Экономика – исторически определенная совокупность общественно-производственных отношений. Определяющим элементом экономики являются отношения собственности на средства производства и зависящие от них положение и отношения людей в процессе производства, их взаимный обмен деятельностью, отношения распределения. Под экономикой подразумевается также совокупность отраслей народного хозяйства, – это единый народно-хозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена. Другими словами – экономика, экономическая деятельность есть сфера материального самообеспечения человеком и обществом своего существования, жизни. «Всякая экономическая жизнь, по оценке Освальда Шпенглера¹, есть выражение душевной жизни».

В свою очередь экономическая политика – это система экономических мероприятий государства; совокупность целей, средств, задач, мероприятий по направленному воздействию на развитие экономики. Экономическая политика является решающим средством поддержки политического курса страны.

Экономическая политика – решение политическими средствами проблем экономики: производства и обмена. Это обусловлено, прежде всего, переходом многих стран к постиндустриальному производству, глобализацией и изменением структуры мирового хозяйства, мощной волной индустриализации и разрушением доиндустриальных производств.

Экономическая постановка вопроса – как производятся и распределяются материальные блага – затрагивает основы жизненных отношений. И здесь вопросы и ответы на них по-разному оцениваются людьми, классами, социальными группами, поскольку затрагиваются их жизненные интересы. Проблема взаимосвязи политики и экономики наиболее полное свое содержание раскрывает в понятии экономическая политика.

Политические решения потребовались, прежде всего, для создания условий эффективного использования высоких технологий, а также регулирования глобализации – растущей взаимозависимости производства и обмена всех стран, экономической интеграции целых регионов и даже континентов.

Без политических решений было бы невозможно изменить структуру собственности, соотношение и взаимодействие ее различных форм – частной, кооперативной, муниципальной, государственной, транснациональной. Процессы и явления, происходящие в макроэкономике, решения и действия, влияющие на них, имеют прямые политические последствия. Политические деятели и политические движения заинтересованы в том, чтобы дать экономическое объяснение своей политике и оснастить ее “научной” аргументацией. Так, по мнению известного ученого-международника, директора Института США и Канады С.М. Рогова, «экономическая помощь имеет и политические последствия»². Это четко осознавалось американскими лидерами в прошлом, так и широко применяется в настоящем: еще 13 марта 1943 г. Гарриман отмечал, что «доллары являются одним из наиболее эффективных орудий в нашем распоряжении для воздействия на европейские политические события».

Политика глубоко опосредована экономической сферой, экономическими отношениями и экономическими интересами общества. В свою очередь, воздействие политики на экономическую жизнь общества существенно и многогранно. Необходимость и возможность этого воздействия неуклонно возрастает, поскольку увеличиваются масштабы самой экономической сферы, усложняется ее структура и углубляются экономические взаимоотношения в обществе и между странами.

Известно, что экономика, существующая в пределах государственных границ, составляет «естественную экологическую среду» предпринимательства и менеджмента. Но в условиях процесса глобализация сфера предпринимательской среды приобрела международный характер (международное производство), а управленческие технологии приобрели новые качественные параметры, опосредованные стратегическим уровнем при-

нения решений на мировых рынках акторами международной экономической деятельности.

Данное положение не исключает, а наоборот подтверждает, актуальность и важность позиции К. Маркса, который утверждал, что все мысли и идеи должны быть объяснены при помощи сведения их к стоящей за ними сущностной реальности, т.е. экономическим условиям³. Поэтому нет никакого сомнения, что все социальные последствия развития общества могут выиграть, если они проводятся под углом зрения их координации с экономическими условиями развития общества. В то же время анализируя вопрос о взаимосвязи экономики и политики К. Поппер в своей книге “Открытое общество и его враги” приходит к выводу прямо противоположному концепции К.Маркса. Согласно позиции К. Поппера, политическая власть имеет фундаментальный характер, она может контролировать экономическую мощь. Благодаря ей можно разработать программу защиты экономически слабых, создать законы, ограничивающие эксплуатацию, застраховать рабочих на случай потери трудоспособности, безработицы и старости и т.д. Другими словами, политическая власть служит ключом к экономической защите, она и присущие ей способы контроля – самое главное в жизни общества⁴.

Не вызывает сомнения, что в международной деятельности имеется политический и экономический способ пребывания «в форме» для истории. Они перекрывают друг друга, поддерживают и друг с другом борются, однако политический момент – безусловно первый, подчеркивает О. Шпенглер⁵. Жизнь желает сохраняться и настаивать на своем или, скорее, она желает усиливаться, чтобы настоять на своем. Потоки существования пребывают в экономической форме лишь для себя самих, в политической же – для их соотношения с другими.

Между тем экономическое и политическое мышление при величайшем совпадении между ними по форме коренным образом различаются по направлению, а тем самым и во всех тактических частностях.

Причем, исследование взаимосвязи экономики и политики имеет в большей степени социальный характер. Вся история развития человеческого общества свидетельствует о том, что вопрос об этической составляющей экономической и политической жизни – это не только проблема отдельной личности, ее идеалов и ценностей, но и проблема каждого народа и всего человечества – это в значительной степени нравственный императив.

Нравственные нормы должны определять экономическое поведение субъектов любого вида общественной деятельности, содержание политических решений на любом уровне управления. Экономика и политика признаются важной частью жизнедеятельности человека и общества, но цели экономики и политики ценны не сами по себе, а настолько, насколько они способствуют моральному развитию. Решение проблемы взаимосвязи

экономики и политики, постулирует приоритет нравственных ценностей над экономическими и политическими интересами. Нравственность в экономике и политике признаются равнозначными сферами, которые одинаково важны для индивида и общества, они настолько тесно переплетены, что невозможно выделить главное и подчиненное.

Согласованное единство экономики и политики, их взаимное влияние друг на друга, равнозначность нравственных ценностей в реализации экономических и политических интересов на личностном и общественном уровне, проявляется в следовании срединным путем на пересечении нравственных норм в достижении экономических и политических целей. На социальном уровне этот подход реализуется в построении этически ориентированной экономической и политической системы, – это также означает, что и в обществе, и в мироощущении личности не происходит разграничения этических, экономических и политических ценностей, они сосуществуют в единстве.

В современных условиях политические решения экономически развитых государств, напротив, создают противоречивую экономическую среду для акторов экономической деятельности, в которой они руководствуются принципом рациональности, сравнивая предельные выгоды и предельные издержки. Нравственным становится то, что способствует достижению экономических и долгосрочных политических целей и при этом является разумным. Моральные законы понимаются как выгодное средство для сохранения мира между людьми. При этом нравственность ценна настолько, насколько она полезна.

Модель, ставящая на первое место экономическую рациональность, базируется на теории разумного эгоизма. На социальном уровне это означает построение экономической системы, дающей свободу действовать, исходя из собственных интересов (по мнению мыслителей современности, это капитализм). На личностном уровне подход выражается в принципе индивидуализма, в соответствии с которым индивид выстраивает свое экономическое поведение, основываясь на личных интересах, в расчете на собственную выгоду. Другими словами неустрашимость корысти в мотивах морального поступка, или первичность экономического или политического интереса⁶.

Такое понимание взаимосвязи экономики и нравственности лежит в основе взглядов В. Парето, Г. Беккера, М. Фридмана, А. Рэнда. В этом случае субъекты стремятся легализовать приоритет экономики или политики, обнаружить скрытый интерес бескорыстия и самопожертвования в экономическом и политическом поведении.

В конечном счете, принципиальная непреодолимость конфликта взаимодействия экономики и политики с точки зрения их приоритета в реализации своих моральных, нравственных принципов, очевидна. Реалии современного общественного развития демонстрируют торжество, первичность

экономического интереса, направленного на получение политического выигрыша в достижении поставленных целей государств, имеющих экономическое доминирование в мире и, в значительной мере, принципиальную непреодолимость конфликта взаимодействия морали и нравственности с экономическим и политическим поведением субъектов.

В условиях расширения сферы воздействия международных отношений на обеспечение устойчивого экономического развития мирового хозяйства усиливается системообразующая роль в мировом пространстве фундаментальных экономических процессов. И ранее экономика оказывала определенное влияние на систему мирополитических отношений. Однако главную роль играли традиционные геополитические отношения. В настоящее время сам характер мирового лидерства определяется местом лидера в мировой экономике. Экономический фактор как никогда играет важную роль в структуре отношений между регионами, международными акторами, странами центра и периферии мировой системы. Это проявляется в целом ряде событий и тенденций.

Во-первых, после Второй мировой войны на мировую арену вышли такие относительно новые по сравнению с государствами акторы, как глобальные экономические организации, транснациональные корпорации и банки, занявшие важное место в международных отношениях, в том числе в сфере властных отношений.

Во-вторых, меняются приоритетные цели политики государств на международной арене по сравнению с прошлыми историческими периодами. При сохранении значимости борьбы за территорию и сферы влияния набирает силу стремление к более выгодному приложению капитала и доступу к источникам сырья. Появляются такие понятия как экономическая и энергетическая безопасность.

В-третьих, впервые за многовековую историю государственно-центричной международной системы государственный суверенитет начал подвергаться коррозии, что в наиболее очевидной форме проявилось в относительной утрате государствами способности контролировать экономические процессы на своей территории. Часть государственных функций передается «наверх», в ведение международных организаций, часть оказывается под влиянием стихийных глобальных или региональных экономических процессов.

В-четвертых, с 1970-х гг. в мире появился качественно новый фактор силы – нефть, а в перспективе такую же функцию могут выполнять другие полезные ископаемые. «Нефтяное оружие» впервые применили ближневосточные страны ОПЕК в 1973 г. в отношении стран Запада. В современных международных отношениях подобные акции не исключены в условиях нестабильности ближневосточного региона и Центральной Азии.

В-пятых, функции неформального регулирующего центра системы международных отношений все в большей степени аккумулирует

«Большая семерка» и «Двадцатка» как объединение преимущественно наиболее развитых и развивающихся государств мира в то время как ООН, ПАСЕ и международные финансово-экономические институты оказываются неспособными дать ответ на многие современные вызовы и нуждаются в серьезном реформировании.

В-шестых, ведущую роль играет европейская экономическая интеграция, качественно изменившая межгосударственные отношения в Западной и Восточной Европе после многовекового периода беспрестанных войн и «кошмара коалиций» (Бисмарк). Процессы экономической интеграции развиваются и в других регионах мира, среди наиболее важных являются: НАФТА, АСЕАН, МЕРКОСУР, БРИКС, ШОС и др., которые сравниваются по влиянию на мировую политику с Советом Безопасности, Генеральной Ассамблеей ООН, региональными политическими организациями, военными союзами, а нередко и превосходят их. На мировой арене все более усиливаются позиции государств азиатско-тихоокеанского региона.

В седьмых, среди системообразующих факторов мирового порядка несравненно большую роль, чем в прошлые века, играют мировые экономические тенденции – экономическая глобализация и формирование постиндустриальной цивилизации, которые объективно делят мир на преуспевающий Центр и отсталую Периферию.

Изучение взаимосвязи политики и экономики на мировой арене как относительно самостоятельное направление международных исследований начинается в 1970-е гг. в Соединенных Штатах Америки. К настоящему времени в этом секторе американской научной литературы накоплен солидный опыт, значительно превосходящий российский. Первые работы, показывающие неразрывность международной политики и экономики в принципе и особенно в новых условиях взаимозависимости и глобализирующегося мира, были представлены исследованиями С. Стрэндж, Р. Кохейна и Дж. Ная, Ч. Киндлбергера, Р. Купера и ряда других авторов. Большую роль сыграли книги Р.Гилпина, в частности его «Политическая экономия международных отношений»; работа Т.Лейрсона и Д.Скидмора «Международная политическая экономия: Борьба за власть и богатство» (1997), Д. Лейка «Международная политическая экономия» (2000) и др.

На сегодняшний день в американских международных исследованиях сложился блок литературы, посвященной теоретическому осмыслению таких проблем, как политика в условиях международных экономических кризисов, международная экономическая интеграция и судьба национального государства, национальные интересы в рамках международных экономических режимов, международное сотрудничество в условиях квазинархичности международных отношений и др. Этому посвящены труды С. Гилла, Дж. Голдстейна, Ст. Хоффмана, К. Кнора, Ст. Краснера, О. Янга, Дж. Рагги, работы Ч. Киндлбергера, Р. Гилпина и др.

Современные отечественные исследования по проблемам взаимосвязи международной политики и экономики опираются на труды советских ученых-международников. Им был свойствен ряд черт, не способствовавших комплексному представлению о международных отношениях. Исследования велись на ограниченной методологической основе. Более полная, объективная и целостная картина международных отношений на основе плюрализма методологий начала складываться в отечественных исследованиях только в 1990-е гг. Однако примеров монографических работ, в которых предпринимался бы комплексный политико-экономический анализ, немного. В основном это работы С.А. Афонцева⁷ и С.Л. Ткаченко. Вместе с тем в журнале «Мировая экономика и международные отношения» публикуются как конкретные, так и теоретические материалы по рассматриваемой тематике. Среди авторов стоит назвать И.Иванова, В.Коллонтай, А.Мовсесяна, С.Огневцева, С.Рогова, Л.Синцерова, В.Оболенского, Н.Симонию, Ю.Шишкова и многих других; заслуживают внимания также научные и учебные издания по мировой экономике, в которых отражены не только объективные экономические тенденции, но и внешнеэкономическая политика различных государств мира, включая Россию, а также политика международных экономических организаций.

Оценивая уровень развития политико-экономического направления в международных исследованиях, следует обратить внимание на мнение известной английской исследовательницы международных отношений Сьюзен Стрэндж. По ее мнению, трудности в отношении определения предмета данной области исследования, а также методов, которые должны быть использованы, связаны, в частности, с тем, что анализ политико-экономических проблем международных отношений оказался подчинен экономической теории с ее концепциями и методологией. Более того, специалисты в области международных отношений используют концепции и даже способы аргументации, заимствованные из экономики⁸.

Подтверждением этому является появившееся в последние годы в отечественных международных исследованиях геоэкономическое направление. В его рамках утверждается, что реалэкономика (или геоэкономика), призвана едва ли не заменить реалполитику и геополитику. По мнению геоэкономиста Э.Г. Кочетова⁹, государствам следует передать «своим» транснациональным корпорациям (ТНК) собственные геоэкономические интересы. Эта идея дополняется соображением о возможности снять с государства тяготы содержания армии и переложить их на обслуживаемые военными ТНК, которые преобразуются в «военно-финансово-промышленные группы». По сути, к таким группам переходила бы прерогатива легитимного применения вооруженного насилия, до последнего времени рассматриваемая политологами как исключительное право территориальных государств и СБ ООН¹⁰. Этим мыслям созвучны высказывания и некоторых других ученых, например, А.И.Неклессы, который считает, что «реально скла-

дывающийся новый мировой порядок все более и проявляет себя как *Rex Economicana*»¹¹.

Подобные взгляды, небесспорны. В современных международных отношениях, действительно, усиливается экономическая составляющая, в том числе роль транснационального капитала. Однако это ни в коей мере не «отменяет» роли государств и политических отношений. В этой связи правильнее говорить об изменении форм и механизмов взаимосвязи политики и экономики на мировой арене, нежели о «разгосударствлении» международных отношений.

К основным особенностям взаимосвязи политики и экономики в глобализирующемся мире необходимо отнести следующие положения:

а) резко возросло значение экономики как системообразующего фактора международных отношений наряду с политикой;

б) возникли качественно новые механизмы взаимосвязи международной политики и экономики, более сложные, чем в прошлые исторические эпохи;

в) идет процесс трансформации взаимоотношений государства с обществом и негосударственными акторами в направлении ослабления прямых экономических и контролирующих функций государства;

г) отличительной чертой стала существенная активизация международного взаимодействия национальных экономик. Темпы роста международной торговли превосходят мировые темпы внутриэкономического роста. Вовлеченность в международную торговлю превратилась в серьезный и универсальный фактор роста благосостояния мирового сообщества;

д) значительно усилился процесс интернационализации финансового капитала, особенно в интенсификации потоков международных инвестиций, которые растут быстрее, чем торговля и производство. Это стало результатом существенного изменения инвестиционного климата в мире;

е) как в международных конфликтах, так и в международном сотрудничестве возрастает роль энергетического фактора, связанного с доступом к энергоресурсам, их безопасной и надежной транспортировкой.

Новые качества мировой экономической системы – стремительное расширение зоны рыночного хозяйства, либерализация национальных экономик и их взаимодействие через посредство торговли и международных инвестиций, космополитизация все большего числа субъектов мировой экономики – транснациональных корпораций, банков, инвестиционных групп – оказывают серьезное влияние на мировую политику, международные отношения. Мировая экономика становится настолько взаимосвязанной и взаимозависимой, что интересы всех ее активных участников требуют сохранения стабильности не только в экономическом, но и военно-политическом плане.

Процесс создания нового мирового экономического сообщества взаимодействует с демократическими преобразованиями социально-

политического поля. Кроме того, в последнее время глобализация мировой экономики все больше играет роль стабилизатора мировой политики и сферы безопасности. Особенно это влияние заметно в поведении ряда авторитарных государств и обществ, движущихся от авторитаризма к демократии.

Однако нынешний этап экономизации международных отношений имеет значительные отличия от периода Pax Britannica. С экономической точки зрения важно отметить, что на смену торговой кооперации пришла кооперация производственная. С политической точки зрения необходимо сделать акцент на следующих важных характеристиках современного политического процесса.

Во-первых, локомотивом нынешних перемен в мире являются – Соединенные Штаты Америки с характерными для нее целями и приоритетами во внешней политике.

Во-вторых, значительно преобразились механизмы взаимодействия международной политики и экономики. В прошлом эти механизмы были представлены двусторонними межгосударственными отношениями и взаимоотношениями колоний и метрополий. Теперь нетрадиционные акторы, такие как международные экономические организации и транснациональный капитал, вступают в сложные и часто противоречивые взаимоотношения с государствами. Последние разделились на экономически преуспевающие и отставшие в развитии, образовав крайне неоднозначные по степени влияния на мировые процессы полюсы «Севера» и Юга». Под влиянием этих процессов содержание международных политико-экономических отношений стало значительно сложнее и многозначнее.

Взаимосвязь политики и экономики в современных международных отношениях определяется тенденцией экономизации мировой политики, проявляющейся в усилении борьбы за источники сырья, рынки сбыта и выгодное вложение капитала, в усилении роли на мировой арене транснационального частного капитала и международных экономических организаций. Мировая политика и мировая экономика выступают в международной предпринимательской деятельности в едином блоке, меняясь местами в качестве субъекта и объекта. Политика экономизируется, экономика политизируется – такова в самых общих чертах суть этого процесса.

Уходит в прошлое борьба за территорию как основная причина международных конфликтов. Происходящие изменения в международных отношениях связаны с современным этапом глобализации мировой экономики, начавшимся в 1970-е гг. Однако именно с окончанием холодной войны данная тенденция приобрела новые качественные черты и стала необратимой.

Взаимосвязь политики и экономики в международных отношениях в начале XXI веков реализуется посредством характерных для этого периода механизмов. В отличие от предыдущих периодов (например, эпохи

лидерства Великобритании в XIX веке), когда политико-экономические отношения реализовывались преимущественно через двусторонние отношения государств или государств и их колоний, в наше время появились такие новые механизмы как взаимодействие государств и глобальных акторов – экономических межправительственных организаций и транснационального капитала, а также отношения между развитыми и развивающимися суверенными государствами. В своих взаимодействиях они используют экономические средства как фактор борьбы за влияние в мире, регионе или стране.

Важным проявлением указанной тенденции являются качественно новые механизмы взаимосвязи политики и экономики в международных отношениях, прежде всего деятельность международных акторов, использующих экономические средства для борьбы за влияние в мире. В прошлом эти отношения носили относительно простой характер и были представлены преимущественно двусторонними межгосударственными и колониальными связями. В последнее время им на смену пришло сложное взаимодействие внутри исключительно многообразного круга акторов – развитых государств, бывших колониальных и зависимых стран, новых участников международных отношений – глобальных экономических организаций и транснационального капитала.

Решение глобальных проблем мировой политики во многом определяется динамикой хозяйственного развития, перспективными интеграционными процессами, которые ведут к усилению взаимосвязи и взаимозависимости в рамках мирового хозяйства и мирового рынка и тем самым создают экономическую основу для прогресса мирополитических отношений. Структурные изменения в мировой экономике и неопределенность внешней среды бизнеса, – это растущее несоответствие между экономическими и политическими реалиями. Мировая экономика становится все более глобальной, становится ведущей тенденцией современного мира и носит объективный характер. Национальные границы становятся лишь препятствиями и создают дополнительные расходы. Коммерческие предприятия, а равно и многие другие учреждения, больше не могут ограничивать масштабы своей деятельности национальной экономикой и национальными границами. Их масштабы должны соответствовать деятельности соответствующих отраслей и компаний во всем мире. Но в то же время политические границы вовсе не собираются исчезать. Более того, весьма сомнительно, чтобы даже региональные экономические объединения, ослабили политические границы, не говоря уже об их полной отмене.

Мировая политика все больше должна становиться гуманистической стратегией по объединению людей независимо от их национальной, государственной или социально-классовой принадлежности. В этом ее цель и назначение. Самая ближайшая задача мировой политики: создать

систему международной безопасности, которая базировалась бы на доверии и мире, свободном от ядерного оружия, насилия, страха, подозрительности и ненависти. Применение силы в мировой политике в соперничестве государств на международной арене сегодня опасно. Это грозит уничтожением человечества.

Таким образом, мировой политики и формирование нового качества мировой экономики становятся основным параметром формирующейся сегодня системы международных отношений.

Примечания

- ¹ См.: *Шпенглер О.* Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории. В 2-х томах. – Т.2. Всемирно-исторические перспективы /Пер. с нем. И.И. Маханькова. – М.: Академический Проект, 2009. – С. 631.
- ² См.: evolutio.info/content/view/908/215/
- ³ См.: *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., – 2-е изд. – Т.13. – М.: Политиздат, 1959. – С.6.
- ⁴ См.: *Поттер К.* Открытое общество и его враги. – М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 2. – С. 183 .
- ⁵ См.: *Шпенглер О.* Закат Западного мира. – С.632.
- ⁶ См. подробнее, касательно экономики: *Колычева Е.Ю.* Взаимосвязь экономики и нравственности в истории философской мысли. – Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Курск, 2012.
- ⁷ См., например: *Афонцев С.А.* Экономическое измерение мировой политики // Современные международные отношения и мировая политика: Учебник. Отв. ред. А.В. Торкунов. – М., 2004.
- ⁸ См.: *Стрендж С.* Политическая экономия и международные отношения // Теория международных отношений на рубеже столетий. Под ред. К. Буса и С. Смита. М., 2002. – С. 173, 174, 165.
- ⁹ *Кочетов Э.Г.* Геоэкономика: освоение мирового экономического пространства. Учебник. – М., 2002. – С. 242, 273 .
- ¹⁰ См., например, *Володин А.Г., Широков Г.К.* Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М., 2002; Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб, 2000; Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. – М., 2001.
- ¹¹ *Неклесса А.И.* Конец цивилизации, или конфликт истории // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 3. – С.35.

1. См.: *Shpengler O.* Zakat Zapadnogo mira: Oчерki morfologii mirovoj istorii. V 2-htomah. – Т.2. Vsemirono-istoricheskie perspektivy /Per. s nem. I.I. Mahan'kova. – М.: Akademicheskij Proekt, 2009. – S. 631.
2. См.: evolutio.info/content/view/908/215/

3. Sm.: *Marks K. K kritike politicheskoj jekonomii. Predislovie* // Marks K., Jengel's F. Soch., – 2-e izd. – T.13. – M.: Politizdat, 1959. – S.6.
4. Sm.: *Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi.* – M.: Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaja iniciativa», 1992. – T. 2. – S. 183 .
5. Sm.: *Shpengler O. Zakat Zapadnogo mira.* – S.632.
6. Sm. podrobnee, kasatel'no jekonomiki: Kolycheva E.Ju. Vzaimosvjaz' jekonomiki i npravstvennosti v istorii filosofskoj mysli. – Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk. – Kursk, 2012.
7. Sm., naprimer: Afoncev S.A. Jekonomicheskoe izmerenie mirovoj politiki //Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika: Uchebnik. Otv.red. A.V. Torkunov. – M., 2004.
8. Sm.: *Strendzh S. Politicheskaja jekonomija i mezhdunarodnye otnoshenija* // Teorija mezhdunarodnyh otnoshenij na rubezhe stoletij. Pod red. K.Busa i S.Smita. M., 2002. – S. 173 173,174, 165.
9. *Kochetov Je.G. Geojekonomika: osvoenie mirovogo jekonomicheskogo prostranstva.* Uchebnik. – M., 2002. – S.242, 273 .
10. Sm., naprimer, Volodin A.G., Shirokov G.K. Globalizacija: nachala, tendencii, perspektivy. M., 2002; Global'noe soobshhestvo: novaja sistema koordinat (podhody k probleme). SPb, 2000; Megatrendy mirovogo razvitija / Pod red. M.V. Il'ina, B.L. Inozemceva. – M., 2001.
11. *Neklessa A.I. Konec civilizacii, ili konflikt istorii* // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 1999. № 3. – S.35.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИСКАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Экономический рост как результат функционирования национальной экономики невозможен без обоснованной экономической политики. Последняя, представляющая собой систему мер и методов государственного воздействия на экономику, выступает одновременно движущей силой экономического роста. Такая постановка целевых ориентиров подразумевает формулирование самой целевой установки, определение обоснованной стратегии материальных, финансовых и организационных ресурсов для реализации предусматриваемых мероприятий.

В послании Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли от 20.01.2016г. отмечалось, что «для улучшения состояния сфер национальной экономики сегодняшние условия мировой экономики требуют принятия Правительством дополнительных мер по эффективному использованию финансовых, производственных и природных ресурсов и потенциалов, продвижению эффективной финансово-кредитной политики, строгому соблюдению системы бережливого использования бюджетных средств, обеспечению продовольственной безопасности, поддержке и защите отечественных производителей, усилению экспортных мощностей, особенно созданию благоприятных условий для развития предпринимательства»¹.

В этом контексте реализация фискальной политики в избранной правительством стратегии приобретает ключевую позицию. Фискальная политика, реализуемая посредством манипулирования налогами и государственными расходами, предполагает цель обеспечения макроэкономической стабилизации и поддержание положительных темпов экономического развития. Цели реализации фискальной политики могут быть достигнуты при условии эффективного использования каждого составляющего его элемента. Это могут быть налоговые механизмы и/или государственные расходы. В любом случае эти механизмы фискальной политики взаимосвязаны и переплетены, что в единстве отражает комплексность ее реализации.

Фискальная политика, направленная на стимулирование экономического роста подразумевает рациональное использование аккумулируемых в руках государства финансовых ресурсов. По этому поводу академик Р.К. Рахимов отмечает, что «в смешанной экономике переходного периода, в том числе Таджикистана, бюджетная политика должна быть построена таким образом, чтобы она способствовала ускоренному экономическому

росту за счет вовлечения в народнохозяйственный оборот природных и трудовых ресурсов»².

Отсюда следует, что целевым ориентиром реализации фискальной политики, включающей в себя взаимодействие налоговой и бюджетной политики в условиях переходной экономики, является стимулирование и ускорение экономического роста. Такая целевая установка может быть достигнута посредством привлечения в процесс общественного производства всего существующего потенциала народного хозяйства (особенно существующих природных, трудовых и инвестиционных ресурсов).

В экономической теории для оценки степени влияния фискальной политики на развитие экономики анализируется уровень и динамика государственных доходов и расходов, в частности их доля в ВВП (таблица 3.1).

Таблица 3.1. Доля доходов и расходов государственного бюджета к ВВП (в %)

Показатели	Годы						
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Доходы государственного бюджета	29,7	28,9	28,4	29,7	26,8	30,3	31,6
Расходы государственного бюджета	27,4	57,6	27,2	28,5	25,2	28,6	28,9

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе 2015. С. 409-434.

Наблюдаемая положительная тенденция в динамике доходов и расходов государственного бюджета республики на первый взгляд свидетельствует о повышении эффективности проводимой фискальной политики. Однако, если проанализировать изменения происходящие в структуре доходов и расходов государственного бюджета с позиции их влияния на развитие реального сектора национальной экономики, то приходится констатировать факт, что эти изменения не стали ощутимым фактором поддержания положительной динамики экономического развития. Данный тезис можно подтвердить посредством анализа структуры доходов и расходов государственного бюджета республики (таблица 3.2).

Данные таблицы 3.2 подтверждают ранее сделанное заключение, что в структуре доходов государственного бюджета преобладают косвенные налоги, особенно НДС, доля которого за рассматриваемый период превышает 41%. Следует заметить, что образование 40% доходов государственного бюджета за счет одного вида налогов представляет серьёзную угрозу

устойчивости налоговой системы. Дело в том, что облагая данным ценообразующим налогом национальных товаропроизводителей мы снижаем и без того низкий уровень их ценовой конкурентоспособности по отношению с импортными производителями. Согласно приведенным данным, вторым по значимости бюджетообразующим налогом в Таджикистане являются социальные взносы, доля которых в государственном бюджете в среднем составляет 11%. Из таблицы 3.2 можно заметить, что доля подоходного налога и налога на прибыль даются объединенно.

Таблица 3.2. Структура доходов и расходов государственного бюджета Республики Таджикистан (в % к итогу)

Показатели	Годы						
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
1	2	3	4	5	6	7	8
Доходы – всего	100	100	100	100	100	100	100
Налоговые поступления	94,9	87,4	89,8	89,8	90,2	89,7	90,4
Подоходные налоги и налоги на прибыль	12,9	14,6	15,7	15,0	16,6	17,2	16,6
Социальные взносы	10,1	11,8	11,5	11,9	11,0	10,5	11,6
Налоги на имущество и на землю	3,1	3,4	3,1	2,6	2,4	2,0	1,6
НДС	54,0	41,1	47,8	48,7	49,0	48,5	49,3
Акцизы	4,2	4,0	3,4	2,9	2,4	3,0	3,2
Прочие внешние налоги на торговлю и операции	5,8	4,7	4,5	5,1	5,3	4,9	4,5
Прочие внутренние налоги на товары и услуги	4,1	3,2	3,9	3,6	3,6	3,6	3,6
Неналоговые поступления	3,9	12,6	6,7	10,1	8,6	8,2	9,6
Расходы-всего	100	100	100	100	100	100	100
Сектор государственной власти и управления	7,8	6,6	5,7	8,1	7,7	8,1	8,2
Образование	13,1	14,9	14,7	16,9	16,9	18,2	17,8
Здравоохранение	5,1	5,1	5,3	6,6	7,5	7,2	7,4

Окончание табл. 3.2.

1	2	3	4	5	6	7	8
Социальное страхование и социальная защита	11,1	12,5	12,8	13,2	19,6	18,0	18,5
Жилищно-коммунальное хозяйство	5,2	5,7	5,6	8,0	6,4	9,3	10,1
Культурно-массовые, оздоровительные и религиозные мероприятия	3,9	3,1	4,4	4,4	4,9	4,0	3,6
Топливо-энергетический комплекс	6,0	9,9	10,3	13,3	12,3	9,9	11,3
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство и охота	1,9	1,6	1,4	3,5	2,6	2,1	2,1
Добыча и переработка полезных ископаемых, горнодобывающая промышленность, строительство	0,8	0,4	0,7	1,0	1,0	0,8	1,0
Транспорт и коммуникация	1,8	1,7	1,6	12,2	5,1	7,0	5,7
Прочие экономические дела и услуги	0,03	0,3	0,7	0,4	0,3	0,3	0,3

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе 2015. С. 409-434

Непонятно, почему статистическим органами применяется такой метод разбивки источников формирования доходов государственного бюджета. По нашим оценкам, в структуре доходов государственного бюджета около 12-13% составляют подоходные налоги, а налог на прибыль соответственно образует всего 3-3,5% государственных доходов. Относительно доли налога на имущество и на землю, по данным таблицы 3.2 нетрудно заметить тенденцию ее снижения в структуре доходов государственного бюджета с 3,1% в 2008г. до 1,6% в 2014г.

Рассмотрев структуру доходов государственного бюджета Таджикистана, можно проследить тенденцию, при которой, несмотря на существенные положительные сдвиги в национальной экономике, наблюдается преобладание НДС. Низкая доля прямых налогов в структуре доходов государственного бюджета является признаком узкой налоговой базы, что

свидетельствует о недостаточной развитости реального сектора национальной экономики.

Приведенные в таблице 3.2 данные о структуре расходов государственного бюджета показывают, что последние за рассматриваемый период оставались почти неизменными. Отрадно, что за последние годы правительство в зависимости от социально-экономического положения республики увеличивает расходы на содержание сферы образования. Увеличиваются также финансирование сферы социального страхования и социальной защиты. Тем не менее, несмотря на некоторые позитивные сдвиги в расходовании бюджетных средств, реализуемая фискальная политика не предусматривает приоритетность финансирования отраслей реального сектора национальной экономики. В связи с тем, что ключевые отрасли промышленности находятся под государственным контролем, а природные ресурсы являются преимущественно собственностью государства, перевод бюджетной политики в сторону поддержания развития производственного сектора является приоритетной задачей реализации фискальной политики.

В условиях переходной экономики и преодоления последствий трансформационного спада важнейшим функциональным назначением реализации фискальной политики является стимулирование частного предпринимательства в сфере производства. Данная функция фискальной политики выполняется посредством оказания помощи в виде налоговых льгот и субсидий на производство продукции.

Согласно статьи 110 действующего налогового кодекса, предусмотрены следующие льготы по освобождению от налога на прибыль: новые предприятия по производству товаров, начиная с даты первоначальной государственной регистрации, при внесении их учредителями в уставной фонд таких предприятий в течении 12 календарных месяцев после даты государственной регистрации нижеследующих объемов инвестиций сроком на:

а) 2 года, если объем инвестиций составляет свыше 200 тыс. долларов США до 500 тыс. долларов США;

б) 3 года, если объем инвестиций составляет свыше 500 тыс. долларов США до 2 млн. долларов США;

в) 4 года, если объем инвестиций составляет свыше 2 млн. до 5 млн. долларов США;

г) 5 лет, если объем инвестиций превышает 5 млн. долларов США³.

Как видно из рассмотренной статьи налогового кодекса, сроки освобождения производственных предпринимателей от уплаты налога на прибыль напрямую зависит от объемов инвестиций. На наш взгляд в сегодняшних условиях было бы целесообразным применить налоговые льготы не только при обложении прибыли, но и освободить новые производственные предприятия от уплаты НДС. Такой подход обусловлен, тем, что вновь созданные производственные объединения таким способ получают дополнительный стимул для насыщения внутреннего рынка отечественными товарами

взамен импортных. Немаловажным аспектом данного мероприятия послужит макроэкономический эффект, позволяющий снизить уровень циклической безработицы.

Другим поддерживающим механизмом развития производственного предпринимательства в рамках реализации фискальной политики является субсидирование производства продукции со стороны государства. Анализ государственных субсидий на продукты за период с 2009-2014 гг. показал, что ее доля в ВВП страны не превышает 0,2%⁴. Если исходить из того, что частный производственный сектор национальной экономики находится на начальном этапе своего становления и, имея ввиду необходимость всемерного его развития в целях преодоления последствий трансформационного спада, с сожалением приходится констатировать факт слабого функционального назначения механизмов фискальной политики в развитии предпринимательства в этой сфере.

Снижение удельного веса государственных субсидий по мере углубления рыночных отношений и формирования частного сектора в Республике Таджикистан свидетельствует о слабой государственной поддержке процесса развития производственного предпринимательства.

Таблица 3.3. Динамика доли налогов на продукты и налогов на производство и импорт в ВВП (в %)

Показатели	Годы					
	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Налоги на продукты	11,3	11,5	12,6	12,6	13,0	14,2
Налоги на производство и импорт	15,4	15,9	17,2	17,6	18,4	20,0

Источник: Национальные счета Республики Таджикистан 2015. Душанбе, 2015. С. 27-29.

Отмечая функциональное назначение государственных субсидий в развитии производственного предпринимательства в реальном секторе национальной экономики представляет, наибольший интерес вызывает их сравнение с налогами, которые государство изымает в государственный бюджет. В таблице 3.3 приведены динамика доли налогов на продукты и налогов на производства и импорт в ВВП станы, которые в основном платят предприниматели частного сектора.

Из таблицы 3.3 видно, что доля налогов на продукты и налогов на производство и импорт в ВВП имеет тенденцию к увеличению, что свидетельствует о повышении налогового бремени для предпринимателей. Расчеты показали, что налогообложение валовой прибыли и других смешанных доходов в 2009 г. составляли 21,7%, а в 2014г. этот показатель увеличился до 31,6%⁵.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что, несмотря на предусмотренные в налоговом кодексе льготы по налогообложению и выплаченных государственных субсидий, механизмы фискальной политики в условиях переходной экономики Республики Таджикистан выполняют роль пополнения доходной части государственного бюджета, теряя при этом свои стимулирующие функции. Из наблюдаемой тенденции налогообложения секторов национальной экономики видно, что в ней преобладает косвенное налогообложение. Такой феномен демонстрирует положение о том, что в реализации налоговой политики государства преобладает практика использования хозяйствующих субъектов в качестве посредников передачи налогов в государственный бюджет. Это обстоятельство объясняется тем, что производственные предприятия в косвенном налогообложении выступают в качестве налогоплательщиков, а реальными плательщиками такого налога являются конечные потребители. При любом раскладе высокое бремя косвенных налогов является дополнительным фактором снижения конкурентоспособности национальных товаропроизводителей в ценовом аспекте. Практика реализации фискальной политики в развитых странах показывает, что в них приоритет в налогообложении отдается прямым налогам, а в развивающихся и переходных экономиках государство предпочитает косвенное налогообложение. Такая особенность обусловлена тем, что косвенные налоги собирать легче, и объем налоговых поступлений зависит от цен товаров и услуг, а не от доходов хозяйствующих субъектов (фирм, предприятий и т.п.).

Необходимо подчеркнуть, что политика расширения собираемости косвенных налогов в условиях Республики Таджикистан ведет к тому, что государство сдерживает повышение эффективности и конкурентоспособности предпринимательской деятельности, особенно в реальном секторе экономики. В итоге эффективность производственных предприятий находится на достаточно низком уровне.

Для оценки эффективности государственных доходов и расходов с точки зрения макроэкономического анализа широко используется расчет мультипликатора государственных расходов и налогов. Эти показатели также необходимы в выборе направлений и приоритетов реализации фискальной политики государства, посредством которого можно определить ориентиры совершенствования механизмов фискальной политики.

Следует отметить, что мультипликативный эффект автономных расходов достаточно широко рассмотрен в работе Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». Согласно основным положениям этой модели, изменение автономных расходов воздействует на динамику доходов мультипликативным эффектом⁶. При исследовании эффекта мультипликатора Дж. М. Кейнс исходил из действия основного психологического закона, согласно которому «люди склонны увеличивать потребление с увеличением дохода, но не в той мере в какой растет доход».

Согласно предположениям Кейнса, часть приращенного дохода направляется на потребление, а часть на сбережение. Часть приращенного дохода, которое направляется на потребление Кейнс обозначил как MPC (предельная склонность к потреблению), а часть приращенного дохода, направляемая на сбережения, была обозначено как MPS (предельная склонность к сбережению).

Из общей экономической теории известно, что мультипликатор автономных расходов, в том числе и государственных расходов в общем виде выглядит следующим образом:

$$M_A = \frac{1}{1 - mpc} \quad (3.1)$$

где M_A – мультипликатор автономных расходов;
 mpc – предельная склонность к потреблению.

Мультипликатор автономных налогов выглядит следующим образом:

$$M_{Tx} = \frac{-mpc}{1 - mpc} \quad (3.2)$$

где M_{Tx} – мультипликатор автономных налогов;
 mpc – предельная склонность к потреблению.

Из приведенных формул для расчета мультипликатора государственных расходов и налогов, можно наблюдать следующие важные моменты: во-первых, мультипликатор автономных расходов, в том числе и государственных расходов обратно пропорционально показателю предельной склонности к потреблению; во-вторых величина мультипликатора автономных налогов всегда имеет отрицательное значение, так как налоги уменьшают располагаемый доход.

Сопоставление мультипликатора расходов и автономных налогов показывает, что если расходы влияют на прирост дохода положительно, то налоги влияют на него отрицательно. Этот аргумент лежит в основе любой теории налогообложения.

Наш анализ будет неполным, если не учесть еще одно обстоятельство. В действительности кроме автономных налогов, в экономике практикуется применение налогов зависящих от уровня дохода. Учет таких налогов в модели мультипликатора изменяет вышеприведенные формулы, которые будут выглядеть следующим образом:

$$M_A = \frac{1}{1 - mpc (1 - t)} \quad (3.3)$$

где M_A – мультипликатор автономных расходов;

mrc – предельная склонность к потреблению;

t – предельная ставка налога $\frac{\Delta T}{\Delta Y}$;

Мультипликатор автономных налогов выглядит следующим образом:

$$M_{Tx} = \frac{-mrc}{1 - mrc(1 - t)} \quad (3.4)$$

где M_A – мультипликатор автономных налогов;

mrc – предельная склонность к потреблению.

t – предельная ставка налога $\frac{\Delta T}{\Delta Y}$, рассчитываемая как отношение изменения налоговых поступлений к изменению совокупного дохода;

Таким образом, приняв на вооружение основные принципы действия эффекта мультипликатора, на основе выше приведенных формул в таблице 3.4 мы произвели расчеты этого показателя.

Анализ данных по предельной ставке налогов, представленных в таблице 3.4 нетрудно заметить, что ее значение за анализируемый период имеет достаточно высокое значение. Так если предельная ставка налога в 2009 г. составляла 0,22, то в 2014 г. этот показатель достиг уровня 0,51. Это означает, что из каждой единицы приращенного дохода в качестве налогов в 2009 г. изымалась 22%, и 51% в 2014 г.

Расчеты мультипликатора автономных расходов приведенные в таблице 3.4, показывают, что их значение по Республике Таджикистан находится на достаточно высоком уровне. Однако, в связи с параллельным действием данного эффекта, с мультипликатором автономных налогов, согласно с теоретическими положениями отражаемыми в экономической литературе (без учета налогов, зависящих от уровня дохода) наблюдается эффект мультипликатора сбалансированного бюджета, который равен единице.

Таблица 3.4. Динамика предельной склонности к потреблению, предельной ставки налога, мультипликатора автономных расходов и налогов

Показатели	Годы						В среднем за период
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
1	2	3	4	5	6	7	8
Предельная склонность к потреблению	0,9	0,8	0,89	0,87	0,83	0,87	0,86

Окончание табл. 3.4.

1	2	3	4	5	6	7	8
Предельная склонность к сбережению	0,1	0,2	0,11	0,13	0,17	0,13	0,14
Предельная ставка налога	0,22	0,23	0,41	0,2	0,37	0,51	0,32
Мультипликатор автономных расходов	10,00	5,00	9,09	7,69	5,88	7,69	7,56
Мультипликатор автономных налогов	-9,00	-4,00	-8,09	-6,69	-4,88	-6,69	-6,56
Мультипликатор автономных расходов с учетом налогов, зависящих от уровня дохода	3,36	2,60	2,11	3,29	2,10	1,75	2,53
Мультипликатор налогов с учетом налогов, зависящих от уровня дохода	-3,02	-2,08	-1,87	-2,86	-1,74	-1,52	-2,18
Разница между мультипликатором автономных расходов и мультипликатора налогов (с учетом налогов, зависящих от уровня дохода)	0,34	0,52	0,23	0,43	0,36	0,23	0,34

Рассчитано по: Национальные счета Республики Таджикистан 2015. С. 16-17. 26. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе-2015. С. 113-115, 189, 409-434.

Реальные показатели действия мультипликатора фискальной политики (с учетом как автономных, так и налогов, зависящих от уровня дохода) показывают, что их значение намного ниже, чем при нивелировании действия зависящих от дохода налогов. Другими словами, действие мультипликативного эффекта автономных расходов, в том числе и государственных расходов, наблюдаемое при нивелировании налогов от 80 до 90%, проедается высоким налоговым бременем. Если в 2009 г. коэффициент мультипликатора автономных расходов с учетом зависящих от дохода налогов составлял 3,36 а мультипликатор налогов составлял (-3,02), то соответственно этому реальный мультипликативный эффект составил 0,34.

В 2014 г. аналогичные показатели составляли соответственно 1,75 (-1,54) и 0,23. В среднем анализируемые показатели за период с 2009 по 2014 гг. составили 2,53, (-2,18) и 0,34. Эти цифры говорят о том, что единица приращенных автономных расходов приводит к меньшему увеличению доходов, что противоречит теоретическим воззрениям действия мультипликативного эффекта. Согласно постулатам кейнсианской теории, единица приращенных автономных расходов должно привести к большему увеличению совокупного дохода. Проведенный анализ показывает, что действие данного эффекта в условиях Республики Таджикистан во многом сдерживается действием мультипликатора налогов, что обусловлено чрезмерно высоким его показателем (-3,02) в 2009 и (-2,18) в 2014 гг. Это говорит о том, что эффективность фискальной политики в современных условиях Республики Таджикистан находится далеко за пределами целевых ориентиров общего экономического развития страны. Данный тезис может быть объяснен тем, что из-за высокого показателя предельной налоговой ставки кривая планируемых расходов в национальной экономике Таджикистана находится намного ниже своего потенциального уровня. Показатель мультипликатора автономных расходов, включая государственные расходы меньше единицы (0,34) означает, что в кругообороте доходов и расходов более 60% прироста дохода изымается в качестве налога. Такой феномен происходит в основном из-за большой налоговой нагрузки по ценообразуемым налогам (особенно НДС).

Несмотря на преобладание косвенных налогов в формировании государственных доходов, в Республике Таджикистан проводится дискреционная фискальная политика. Встроенные стабилизаторы как показали результаты анализа, в основном направлены на выполнение чисто фискальных функций, а регулирующая и стимулирующая функции имеют второстепенное значение.

Анализ рассчитанных показателей мультипликатора автономных расходов и налогов позволяет нам определиться с векторами совершенствования механизмов реализации фискальной политики, направленных на стимулирование экономического роста.

Ориентация фискальной политики на ужесточение налогового режима без учета реального состояния отраслей народного хозяйства и платежеспособности субъектов, выплачивающих налоги приводят к сдерживанию темпов экономического роста и расширению теневого сектора экономики. Применяемая практика в Республике Таджикистан за последние годы в области реализации фискальной политики показывает, что в связи с ужесточением налогового пресса на предпринимательский сектор, многие бизнес структуры, функционировавшие когда-то на должном уровне, официально прекратили свою деятельность. По неофициальным данным, только за десять месяцев 2015 г. более 22,5 тыс. предпринимателей прекратили свою деятельность⁷. Следствием такой практики стало расширение

теневому сектору в экономике и сокращение налоговой базы. Фискальным органам пора осознать, что повышение налогового пресса имеет краткосрочный эффект. В дальнейшем это возможность будет исчерпываться геометрической прогрессией и может послужить дополнительным фактором стагнации предпринимательской деятельности.

Для нормализации сложившейся ситуации и доведения механизмов фискальной политики до уровня стимулирования экономического роста, необходимым мероприятием является оптимизация налогов и целенаправленное расширение возможностей государственных расходов.

Таким образом, для повышения эффективности реализуемой фискальной политики в Республике Таджикистан необходимо перевести ее механизмы с выполнения чисто фискальных функций, на траекторию стимулирования развития реального сектора экономики, через поддержание всех форм предпринимательской деятельности, особенно производственной, способной снизить уровень циклической безработицы в стране. Проведенный анализ показал, что проблемой реализации фискальной политики Республики Таджикистан является несбалансированность средств и обязательств, органы, регулирующие налоговую и бюджетную политику, не всегда и не в полном объеме выполняют возложенные на них обязательства, прежде всего в части социальных гарантий предпринимательской деятельности. Ситуация с реализацией фискальной политики в Таджикистане усложняется также недостаточно четким и полноценным анализом эффективности осуществляемых расходов, что часто приводит к недостаточной концентрации ресурсов на решение наиболее острых социально-экономических проблем. Весомая часть государственных расходов (бюджетных средств) преимущественно используется на потребление, финансирование социальной сферы и государственного управления, а развитие экономики финансируется очень скудно. Такое положение не совсем соответствует условиям переходной экономики республики. Дело в том, что в условиях преодоления последствий трансформационного спада государственная поддержка экономики, особенно реального должно являться одним из приоритетов дальнейшего развития страны. Наблюдаемый рост макроэкономических показателей в Таджикистане, особенно после 2013 г., когда показатели ВВП превысили предреформенный период, реальный сектор национальной экономики нуждается в государственной поддержке.

Следует отметить, что, поддерживая развитие реального сектора экономики, государство в некотором роде будет выполнять и социальную миссию. Стимулируя создание новых рабочих мест государство, тем самым будет способствовать расширению налоговой базы по прямым налогам, раскручивая при этом производственную спираль и ускорение темпов экономического роста.

В этом направлении считается целесообразным использовать весь существующий налоговый потенциал посредством расширения налого-

вой базы, а не нажимом действующих предпринимателей. Вместе с тем, необходимо усилить роль государственных расходов в развитии отраслей реального сектора национальной экономики не в ущерб социальным ориентирам государственного бюджета. В этом контексте особое функциональное назначение имеют оптимизация налоговых платежей, устанавливаемых для предпринимателей производственного сектора и предоставление государственных субсидий для их поддержания в условиях возникающих внутренних и внешних экономических угроз. Полагаем, что отмеченные меры будут способствовать повышению эффективности реализуемой фискальной политики и доведения ее механизмов требованиям поддержания положительных тенденций макроэкономической динамики.

Примечания

¹ <http://www.president.tj/ru/node/10587> (Дата обращения 01.03.2016).

² Рахимов Р.К. Проблемы развития переходной экономики Республики Таджикистан. Душанбе, 2012. Торус. С. 511.

³ Налоговый кодекс Республики Таджикистан. Душанбе – 2013. С.101-102.

⁴ Национальные счета Республики Таджикистан 2015. Душанбе, 2015. С. 48, 63.

⁵ Национальные счета Республики Таджикистан 2015. Душанбе, 2015. С. 29.

⁶ Согласно кейнсианской модели, мультипликативным эффектом обладают все автономные расходы: автономные расходы домохозяйств, автономные инвестиции, государственные закупки товаров и услуг, также экспорт товаров и услуг.

⁷ <http://www.news.tj/ru/news/v-tadzhikistane-svyshe-22-tys-predprinimatelei-zakryli-svoi-biznes> (дата обращения: 15.12.2015)

АВТОРЫ НОМЕРА И АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

Абдуллаева М.Г. Повышение эффективности фискальных механизмов стимулирования экономического роста

Абдуллаева Мадина Гайратовна – старший преподаватель кафедры мировой экономики Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Email: maknuna81@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы фискальной политики направленной на стимулирование экономического роста, которая подразумевает рациональное использование аккумулируемых в руках государства финансовых ресурсов. Фискальная политика реализуемая посредством манипулирования налогами и государственными расходами предполагает цель обеспечения макроэкономической стабилизации и поддержание положительных темпов экономического развития. Цели реализации фискальной политики могут быть достигнуты при условии эффективного использования каждого составляющего его элемента. Это могут быть налоговые механизмы и/или государственные расходы.

Поэтому автор приходит к выводу, что в этом направлении считается целесообразным использовать весь существующий налоговый потенциал посредством расширения налоговой базы, а не нажимом действующих предпринимателей. Вместе с тем, необходимо усилить роль государственных расходов в развитии отраслей реального сектора национальной экономики не в ущерб социальным ориентирам государственного бюджета.

Экономическая политика, фискальная политика, государственный бюджет, налоговая система, налоговая политика, бюджетная политика, мультипликатор автономных доходов и расходов, экономический рост

Алексеев А.Г., Ипполитов С.С. Экономика Гражданской войны в России: проблемы изучения в 1930 – 1980-х гг.

Алексеев Антон Григорьевич – директор школы № 1241, Москва. 6964653@mail.ru

Ипполитов Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, директор Издательского центра Российского государственного гуманитарного университета, Москва. nivestnik@yandex.ru.

Статья посвящена малоизученной в отечественной литературе проблеме – экономическим аспектам Гражданской войны в России и истории их изучения в 1930–1980-х гг. На основе анализа широкого спектра научной литературы того периода авторы исследуют основные тенденции,

направления и проблемы, по которым шло изучение экономики Гражданской войны.

Железнодорожный транспорт, экономика Сибири, Гражданская война в России

Алехин Б.И. Цена на нефть и экономический рост России

Алехин Борис Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Финансы и кредит» Экономического факультета РГГУ. E-mail – b.i.alekhin@gmail.com

Цель статьи - эмпирическая проверка предположения о положительной зависимости экономического роста России от цены Brent. Автор, конечно, не утверждал, что цена Brent – исключительная детерминанта экономического роста, но предполагал, что она оказывает на него ощутимое воздействие. Для достижения этой цели были решены следующие задачи: определены каналы воздействия цены Brent на экономический рост; подобраны эмпирическая модель и временные ряды для ее оценивания; ряды проверены на нормальное распределение, стационарность и коинтеграцию; уточнено направление причинно-следственной зависимости; смоделирован процесс динамической коррекции ошибок; проведена диагностика ВМКО.

Экономический рост, цена на нефть, ВВП России, нефтяной шок

Графова И.Л., Емельянов Р.А. Экономическая безопасность коммерческого банка как элемента национальной банковской системы

Графова Инна Леонидовна – магистр кафедры теоретической и прикладной экономики ИЭУП РГГУ, inna.grafov@gmail.com;

Емельянов Роман Александрович – канд. философ. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной экономики ИЭУП РГГУ

Авторы рассматривают роль коммерческого банка в банковской системе. Уточняется определение экономической безопасности коммерческого банка, оцениваются внешние и внутренние источники ее угроз, раскрывается сущность банковского риска. Прослеживается взаимосвязь экономической безопасности отдельных банков с безопасностью всей банковской системы и государства, выделяются уровни экономической безопасности

Экономическая безопасность, экономическая безопасность банковской системы, уровни экономической безопасности, источники внешних и внутренних угроз экономической безопасности

Гургенидзе В.Т. Процесс формирования системных рисков и причины их возникновения

Гургенидзе Виктор Тимурович – магистр экономических наук, аспирант 3-его года обучения Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: gurgenidzevictor@gmail.com

Объектом исследования настоящей статьи являются системные риски, которые в современных условиях глобализации представляют наибольшую угрозу для стабильности функционирования финансовой системы любого государства, что, в свою очередь, воздействует на эффективность национальной экономической системы. Обобщение существующих трактовок понятия системный риск позволило предложить уточняющее его определение и циклический процесс формирования системного риска и взаимно усиливающихся последствий, связанные с накоплением рисков в отдельных финансовых институтах и результатами неэффективной мегарегулятивной деятельности центральных банков. В статье проведена систематизация причин возникновения системных рисков. Описанные причины можно использовать для описания процессов распространения системного риска в рамках отдельных финансовых рынков одного государства и между различными странами

Системный риск, эффект домино, мегарегулирование, эндогенные факторы, концентрация рисков, «ипотечный пузырь». JEL коды: D 810, E 440, E53, E58, E 630, G 200, G 330, F30, G18, G20, G21, G24, G28, K20, K22, K23, N20

Дозмаров К.В. Экономические методы в борьбе с картелями

Дозмаров Кирилл Валерьевич – руководитель группы антимонопольной практики Юридической фирмы ART DE LEX, член Некоммерческого партнерства «Содействие развитию конкуренции». e-mail: k.dozmarov@art-delex.ru, horst4797@gmail.com

Рассматривая сложившуюся практику доказательной базы государственного антимонопольного контроля за заключением картельных соглашений, автор обосновывает приоритетность методов экономического анализа наряду со стимулированием хозяйствующих субъектов к отказу от антиконкурентных методов ведения бизнеса. Анализ основных экономических факторов позволяет судить о предрасположенности отрасли к созданию картелей, а также о состоявшейся картелизации. Четко выстроенная по результатам экономического анализа политика государства, будучи превентивным фактором, позволит снизить потенциальную выгоду от заключения картельных соглашений

Картелизация товарных рынков, картели продавцов, картели покупателей, жизненный цикл картеля, антиконкурентные соглашения, правило разумного подхода

Красовская Н.А. Генезис конгрессного туризма и факторы, определяющие его развитие

Красовская Наталья Анатольевна – ассистент кафедры «Экономика предпринятия» ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет». book_mark@mail.ru

В статье проведено исследование конгрессного туризма в историческом аспекте; выявлены основные факторы, определяющие особенности его формирования и развития. На основе проведения периодизации развития конгресс-туризма установлено, что формирование конгрессной деятельности происходило по мере эволюции человечества, при этом каждому историческому периоду сопутствовала определенная специфика деятельности людей, создающая соответствующие предпосылки для создания целой индустрии конгрессов. Изучение главных этапов и ключевых событий, определяющих вектор развития конгресс-туризма, позволило автору установить организации, принимающие непосредственное участие в конгрессной деятельности. Обосновано, что особый вклад в развитие конгрессного туризма вносит организация ярмарок и выставок, которые являются неотъемлемой частью обмена знаниями, информацией и опытом между людьми из разных регионов. Приведена классификация путешествий по мотивационному признаку и показано место конгресс-туризма в системе туристских поездок

Конгресс, конгрессная деятельность, конгрессный туризм, система гостеприимства, исторические закономерности, ярмарочно-выставочная деятельность, путешествия

Муханова И.В. Инвестиционная политика предприятий машиностроительного комплекса России в условиях экономических санкций

Муханова Ирина Владимировна – аспирант кафедры финансов и кредита ИЭУП РГГУ, Москва. imukhanova@yandex.ru

В статье проведен анализ статистических данных состояния инвестиционной деятельности предприятий машиностроительного комплекса России, рассмотрены ключевые направления и определены основные проблемы реализации инвестиционной политики в условиях экономических санкций. Подчеркнута важность инвестиционного банковского кредитования и выделены факторы, препятствующие активизации банковских инвестиций в основной капитал промышленных предприятий.

Предложены инструменты государственной поддержки инвестиционной активности машиностроительных предприятий

Машиностроение, инвестиционная политика, инвестиционное банковское кредитование, экономические санкции

Полянская Е.С. Развитие транспортной системы Крыма во второй половине XIX в. – 1914 г.

Полянская Елизавета Сергеевна – Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», в г. Ялте. Научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Образование, наука и культура Южного берега Крыма». kino-liza@mail.ru.

Автором статьи предпринята попытка комплексного исследования процесса становления и развития транспортной системы Крыма в период с середины XIX в. по 1914 г. В ходе исследования в научный оборот введено значительное количество архивных источников и документов, а также отмечены перспективы дальнейших локально-исторических разработок в направлении изучения специфики развития транспортной системы Крыма в контексте социально-экономического развития региона. Сформулированы этапы формирования транспортной системы Крыма во второй половине XIX в.–1914 г.; охарактеризованы результаты взаимодействия хозяйственной и туристической отраслевой экономики с развитием сети транспортного сообщения полуострова. Проанализированы особенности транспортного потенциала Крыма во внутренней и внешней торговле, отмечена прямая зависимость социальной жизни Крыма от транспортной системы местного и общероссийского значения. Кроме того, исследование имеет теоретическую и практическую значимость, которая заключается в возможности использования основных его положений и материалов в дальнейших исторических исследованиях, посвященных истории России и Крыма в период второй половины XIX – начале XX вв. Получило дальнейшее развитие воссоздание истории Крыма с точки зрения внутренней и внешней политики России

Крым, транспортная система, туризм, экономика, транспорт, дороги

Шевченко Б.И. Парадигмы взаимосвязи мировой политики и мировой экономики в современном мире

Шевченко Борис Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений Российского государственного гуманитарного университета, Москва. bshevchenko@inbox.ru

В статье проводится анализ взаимосвязи мировой политики и экономики на фоне основных тенденций глобализирующегося мира. Акцентируется внимание на закономерностях экономизации мировой политики в формировании нового качества мировой экономики, что является основным параметром современной системы международных отношений

Мировая политика, мировая экономика, международные отношения, мировое сообщество, экономические интересы, экономическое мышление, геэкономика

AUTHORS & SUMMARIES

Abdullaeva M. G. Increase of efficiency of fiscal mechanisms of stimulation of economic growth

Abdullaeva Madina Gayratovna is the senior teacher of department of world economy of the Tajik state university of the right, business and policy. Email: maknuna81@mail.ru

In article questions of the fiscal policy directed to stimulation of economic growth which means rational use of the financial resources accumulated in hands of the state are considered. The fiscal policy realized by means of a manipulation by taxes and the public expenditures assumes the purpose of ensuring macroeconomic stabilization and maintenance of positive rates of economic development. The objectives of realization of fiscal policy can be achieved on condition of effective use of each element making it. It can be tax mechanisms and/or the public expenditures.

Therefore the author comes to a conclusion that he in this direction is considered it expedient to use all existing tax potential by means of expansion of tax base, but not pressing of the acting businessmen. At the same time, it is necessary to strengthen a role of the public expenditures in development of branches of real sector of national economy not to the detriment of social reference points of the state budget.

Economic policy, fiscal policy, state budget, tax system, tax policy, budgetary policy, animator of the autonomous income and expenses, economic growth

Alekseev A.G., Ippolitov of S. S. Ekonomik of Civil war in Russia: studying problems in 1930 – the 1980th.

Alekseev Anton Grigoryevich is the principal No. 1241, Moscow. 6964653@mail.ru

Ippolitov Sergey Sergeyeovich is the candidate of historical sciences, the director of the Publishing center of Russian State Humanitarian University, Moscow. nivestnik@yandex.ru.

Article is devoted to the problem low-studied in domestic literature – to economic aspects of Civil war in Russia and history of their studying in 1930 – the 1980th. On the basis of the analysis of a wide range of scientific literature of that period authors investigate the main tendencies, the directions and problems on which there was a studying of economy of Civil war.

Railway transport, economy of Siberia, Civil war in Russia

Alyokhin B. I. Price of oil and economic growth of Russia

Alyokhin Boris Ivanovich, Doctor of Economics, professor of Finance and Credit department of Economics department of RGGU. E-mail is b.i.alekhin@gmail.com

Article purpose - empirical verification of the assumption of positive dependence of economic growth of Russia on Brent price. The author, of course, didn't claim that he Brent price – exclusive a determinant of economic growth, but assumed that she makes on him notable impact. For achievement of this purpose the following tasks have been solved: channels of influence of the price of Brent of economic growth are defined; the empirical model and temporary ranks for her estimation are picked up; ranks are checked for normal distribution, stationarity and a kointegration; the direction of cause and effect dependence is specified; process of dynamic correction of mistakes is simulated; diagnostics of VMKO is carried out.

Economic growth, price of oil, GDP of Russia, oil shock

Dozmarov K.V. Economic methods in the fight against cartels

Dozmarov Kirill V. – head of the group of antitrust practice ART DE LEX Law Firm, member of the Non-Commercial Partnership “Competition Support Association”. e-mail: k.dozmarov@artdelex.ru, horst4797@gmail.com

Considering the current practice of antitrust control evidences over the conclusion of the cartel agreements, the author proves the priority of methods of economic analysis, along with the stimulation of economic entities to the abandonment of anti-competitive business practices. Analysis of the main economic factors gives an indication of industry's susceptibility to the creation of cartels, as well as already held cartelization. Clearly built on the results of the economic analysis of the preventive policy of the state would reduce the potential benefits from the conclusion of cartel agreements

Cartelization commodity markets, sellers' cartels, buyers' cartels, the life cycle of the cartel, anti-competitive agreements, rule of reason

Grafova I.L., Emelyanov R.A. Economic security of the commercial bank as one of the national banking system elements

Grafova Inna L. – graduate student of the Department of Theoretical and Applied Economics Institute of Economics, Management and Law, RSUH. inna.grafov@gmail.com;

Emelyanov Roman A. – PhD, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Economics Institute of Economics, Management and Law, RSUH

The authors consider the role of the commercial bank in the banking system. The article clarifies the definition of the commercial bank's economic security, provides the assessment of the sources of external and internal threats of the economic security, discloses of the bank risks nature. The article shows the relationship of the state and the economic security of the banking system and separate banks, it defines the levels of the economic security

Economic security, economic security of the banking system, economic security levels, sources of external and internal threats of the economic security

Gurgenidze V.T. Process of formation of system risks and reason of their emergence

Gurgenidze Victor Timurovich – the master of economic sciences, the graduate student of the 3rd year of training of Economics department of Lomonosov Moscow State University. E-mail: gurgenidzevictor@gmail.com

Object of research of the present article are system risks which in modern uslovi-yakhu of globalization pose the greatest threat for stability of functioning of a financial system of any state that, in turn, influences efficiency of national economic system. Generalization of the existing treatments of concept system risk has allowed to offer the definition and cyclic process of formation of system risk and mutually amplifying consequences connected with accumulation of risks in separate financial institutions and results of inefficient megaregulatory activity of the central banks specifying it. In article systematization of the reasons of emergence of system risks is carried out. The described reasons can be used for the description of processes of distribution of system risk within the separate financial markets of one state and between various countries

System risk, domino effect, megaregulation, endogenous factors, concentration of risks, “mortgage bubble”. JEL codes: D 810, E 440, E53, E58, E 630, G 200, G 330, F30, G18, G20, G21, G24, G28, K20, K22, K23, N20

Krasovskaya N.A. Genesis of the congress tourism and factors that determine its development

Krasovskaya Natalya Anatolyevna – assistant of department «Economy of enterprise» of «Kerch state marine technological university», Kerch state marine technological university. book_mark@mail.ru

In the Article research of the congress tourism in the historic aspect was conducted; the main factors that determine peculiarities of its formation and development were revealed. On the basis of conducted periodization of the congress tourism development, it was established that formation of the congress activity happened to the extent of man's evolution, at that every historic period corre-

sponded to a certain specificity of human's activity, that created correspondent presuppositions for creation of the whole industry of congresses.

Study of the main stages and key events that determined the developmental vector of the congress tourism, enabled the author to establish organizations that take a direct participation in the congress activity. It was founded that a special contribution to development of the congress tourism is made by organization of fairs and exhibitions, that are also an integral part of exchange of knowledge, information and experience between people from various regions. The classification of journeys according to the motivation feature was represented and the place of congress tourism in the system of tourist journeys was displayed

Congress, congress activity, congress tourism, system of hospitality, historic regularities, activity of the fairs and exhibitions, journeys

Mukhanova I.V. The investment policy of Russian machine-building enterprises in the conditions of economic sanctions

Mukhanova Irina Vladimirovna – postgraduate student of the Department of Finance and credit IEML RSUH, Moscow. imukhanova@yandex.ru

The statistic data of the state of investment machine-building enterprises of Russia are analyzed in this article; the key trends and the main problems of implementation of the investment policy are discussed in the context of economic sanctions. Investment bank lending is highlighted and factors hindering intensification of bank investment in fixed assets of industrial enterprises are considered. The instruments of state support for the investment activity of the machine-building enterprises are proposed

Machine building, investment policy, bank lending, economic sanctions

Polyanskaya E.S. Development of transport system of the Crimea in the second half of XIX of century – 1914

Polyanskaya Elizabeth Sergeevna – Humanitarian and pedagogical academy (branch) of FGAOU IN “The Crimean federal university of V. I. Vernadsky”, in Yalta. Research associate of the Research center “Education, Science and Culture of the Southern Coast of the Crimea”. kino-liza@mail.ru.

The author of article has made an attempt of complex research of process of formation and development of transport system of the Crimea during the period from the middle of the 19th century on 1914. During research a significant amount of archival sources and documents is introduced for scientific use, and also prospects of further local and historical developments in the direction of studying of specifics of development of transport system of the Crimea in the context of social and economic development of the region are noted. Stages

of formation of transport system of the Crimea in the second half of the 19th century of-1914 g are formulated; results of interaction of economic and tourist branch economy with development of a network of transport connection of the peninsula are characterized. Features of transport capacity of the Crimea in domestic and foreign trade are analysed, direct dependence of social life of the Crimea on transport system of local and all-Russian value is noted. Besides, research has the theoretical and practical importance which consists in a possibility of use of his basic provisions and materials in the further historical researches devoted to history of Russia and the Crimea in the period of the second half the XIX beginning of the 20th centuries. The reconstruction of history of the Crimea from the point of view of domestic and foreign policy of Russia has gained further development

Crimea, transport system, tourism, economy, transport, roads

Shevchenko B.I. Paradigms of interrelation of world politics and world economy in the modern world

Shevchenko B.I. – Doctor of economic sciences, professor

The article deals with the analysis of world policy and economy relationship within the main tendencies of globalizing world. The author pays attention to world policy economization patterns in creation of new quality of world economy, that is a principal characteristic of the modern system of economic relations

World policy, world economy, international relations, world society, economic interests, economic thinking, geoeconomics

Научное издание

Экономический журнал

№ 2 (42) 2016

Редактор *А.В. Балакина*
Корректор *Л.И. Трифонова*
Компьютерная верстка *В.С. Сергеев*

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации
СМИ № 77-7347 от 19.02.2001

Подписано в печать 23.05.2016.
Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9.
Тираж 1500 экз.

Издательство «Смелый дизайн»
117042, Москва, ул. Скобелевская, 23
Тел.: (495) 970-72-63
E-mail: nivestnik@yandex.ru